ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УПОТРЕБЛЕННОЕ.

1759. ГОДЪ

съ Iюля мѣсяца.

EX BIBLIOTHECA ACADEMIÆ MEDICO CHIR: PETROPOLITANÆ

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 2052

Iюля 3. дня.

I.

Храмъ добродѣтели.

Нѣкогда думалъ я быть вознесенъ до храма увеселенiя; но изъ принятаго вида его почитателей усмотрѣлъ, что данное ему имя ничто иное было, какъ сѣть, въ которой смертные уловляются. Я вышелъ изъ онаго съ презрѣнiемъ для продолженiя моего пути къ истинному благополучiю. Почтенной старикъ, котораго я по щастiю встрѣтилъ, повелъ меня въ жилищѣ разсужденiя, отъ куда увидѣлъ я явственно двѣ страны, одна обитаема была порокомъ со всею его ужасною свитою, другая была жилищемъ добродѣтели, которой храмъ казался въ отдаленiи. Какъ скоро я его увидѣлъ, такъ скоро начелъ горѣть желанiемъ о входѣ въ оной. Вождь мой [сей почтенной старикъ, о которомъ я говорилъ,] похвалилъ мое желанiе; но дабы оное не превратилось въ гордость, предсказалъ онъ мнѣ, сколь много трудностей долженъ я претерпѣть

нѣтъ въ предпрїятомъ мною путешествїи. Послѣ чего повелъ онъ меня въ низъ крутой горы, и я ужѐ узналъ, что чрезъ оную перейти надлежало.

Мы еще не дошли до подошвы горы, какъ началъ я узрѣвать предсказанїя истинны, ибо по прошествїи съ трудомъ нѣсколько нашего пути по кустамъ, дошли мы до дороги, которая казалась намъ крута и бугриста. Хотя я о томъ и прежде вѣдалъ, однако сїи затрудненїя не могли удержать меня отъ моего намѣренїя, такъ что, дабы скорѣе освободиться отъ оныхъ, опережалъ я моего вождя; но чѣмъ далѣе я въ передъ шолъ, тѣмъ болѣе находилъ я трудностей. Проходъ былъ толь тѣсенъ, что я принужденъ былъ поворотить въ отдаляющїя отъ истиннаго пути дороги, въ которыя я тѣмъ болѣе войти покушался, что при входѣ въ оныя обрѣталъ я людей важнаго вида, кои мнѣ сказывали, что они тѣмъ же путемъ идутъ, и что они почитатели того божества, котораго и я искалъ. Первой со мною встрѣтившейся, одѣтъ былъ въ простомъ и безприборномъ платье. Онъ имѣлъ холодной, воздержной и нѣсколько печальной видъ; роптал съ огорченїемъ на страну порока, на безумїе и на несправедливость рода человѣческаго; негодовалъ на малое

лое число истинныхъ друзей, которое добродѣтель между толь великимъ множествомъ людей имѣетъ, кои показываютъ, что они ее любятъ. Онъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою, сказавъ, что онъ называется *Честность нрапопъ*; я охотно принялъ его услуги, но въ скоромъ времени отомъ разкаялся, ибо вмѣсто того, чтобъ избѣжать заблужденія, повелъ онъ меня въ дикія и терноватыя мѣста насажденныя кустами, кои гораздо были чаще тѣхъ, которые я уже миновалъ.

Я совсѣмъ былъ изколотъ и израненъ терновыми спицами, кои при всякомъ шагу вновь раждались, такъ что будучи не въ силахъ слѣдовать далѣе за таковымъ вождемъ, его оставилъ; и узналъ послѣ, что настоящее его имя было *Синическая Секта*. Въ скоромъ времени встрѣтился со мною другой вождь гораздо благосклоннѣйшаго вида. Лице его было сухощаво, борода простиралась до самаго пояса, одѣтъ былъ во вретищѣ, ходилъ босъ и подпоясанъ былъ веревкою, въ одной рукѣ держалъ деревянное блюдо, а въ другой бичь, которымъ онъ себя билъ во образѣ наказанія. Онъ называлъ себя *Умѣренностію*; но послѣ узналъ я, что настоящее его имя было *Излишная суровость*. Хотя видъ его для многихъ притчинъ имѣлъ не весьма великія пріятности,

однако какъ онъ употреблялъ крайнюю простоту въ пищѣ, и во всѣхъ его поступкахъ имѣлъ богобоязной видъ, и точно обнадеживалъ, что нѣтъ другой дороги къ храму добродѣтели, кромѣ его жилища, то принужденъ я былъ за нимъ слѣдовать. Но разговоры его стали толь повелительны и поступки его толь величавы, что я разсердясь его тотчасъ оставилъ.

Встрѣтившейся потомъ сомною имѣлъ весьма важной, величавой и къ почтенїю понуждающей видъ, но между тѣмъ видно было въ немъ нѣчто принужденное. Онъ объявилъ мнѣ о себѣ, что онъ *Философъ*. Онъ говорилъ мнѣ много о безпристрастномъ своемъ усердїи, о неограниченной благопристойности, о непоколебимой его честности и обнадеживалъ, что одинъ онъ знаетъ истинной путь храма; что онъ сердечной другъ сего божества, и что онъ имѣетъ нарочное приказанїе вести къ нему молодыхъ путешественниковъ. Имя его, говорилъ онъ, *Стоическая секта*, хотя непрїятели и называютъ его отъ зависти *Гордостїю*. Толь извѣстное имя и толь благородныя требованїя такъ меня отомъ увѣрили, что я избралъ его моимъ вождемъ. Но вскорѣ повелъ онъ меня въ глубокую пещеру, отъ куда я вытти сумнѣвался, потомъ на вершину стремлинъ,

линѣ, отѣ куда думалѣ я сломить голову; но между тѣмѣ не было надежды кѣ выходу на дорогу. Наконецѣ будучи утомленѣ слѣдовать безпрестанно за таковымѣ упорнымѣ и опаснымѣ вождемѣ: и скучившись чинить столь непріятныя и безполезныя искуства, вознамѣрился я наконецѣ взять моего стараго вождя, которой во все сіе время стоялѣ вѣ нѣкоторомѣ разстояніи, и не терялѣ меня никогда изѣ вида. Когда онѣ меня одного увидѣлѣ, то подошелѣ ко мнѣ, и какѣ скоро я ему признался вѣ моемѣ заблужденіи и вѣ учиненномѣ мною безуміи, что его оставилѣ, то онѣ мнѣ оное упустилѣ. Какѣ скоро мы нѣсколько шаговѣ перешли, такѣ скоро подступили кѣ намѣ нѣсколько другихѣ людей, кои показывали, что они принадлежатѣ добродѣтели, носили ея ливрею, и сказывались ея дома. Вождь мой обнадежилѣ меня, что всѣ они лицемѣры; одинѣ назывался *Премудростію*; но вѣ самомѣ дѣлѣ былѣ *Хитрость*, какѣ мы его узнали послѣ изѣ его притворныхѣ и двоякихѣ взглядовѣ; другой *Справедливостію*, но послѣ узналѣ я, что настоящее его имя было *Суровость*; третей *Добронравіемѣ*, которой вѣ самомѣ дѣлѣ назывался *Слабостію*; между оными находился одинѣ, которой былѣ *Растощеніе*, а называлѣ себя *Щедростію*.

Вождь мой старался препятствовать, чтобъ я не былъ обманутъ всѣми сими обманщиками, искушенїямъ которыхъ младость моя меня подвергала; и для того повелъ онъ меня по незнакомой прочимъ тропинкѣ въ покрытую дерномъ и тѣмъ отъ взора людей скрытую алею. У входа въ оную стояла женщина почтенная для ея лѣтъ, для кроткаго вида и для удивительнаго ея спокойствїя. Она казалась, будто стережетъ входъ сего прїятнаго жилища. Она знала моего вождя и отворила ему двери безъ произнесенїя единаго слова. Онъ мнѣ сказалъ, что сїя женщина его воспитала, и называется *Уединенїемъ*. Лишь только мы вошли, то увидѣли женщину весьма прїятнаго вида, облокотившуюся на усланное дерномъ возвышенїе, окруженное ясминомъ, и протчими благовонными травами, наполняющими сїе мѣсто прїятнѣйшимъ запахомъ. Нѣжность и красота ея были несравненны. Открытое ея лице уподоблялось ясному небу. Очи ея сїяли подобно вечерней звѣздѣ, и были толь проницательны, что ничто отъ нихъ не скрывалось.

Умѣренность и равность ея стана казались быть соединенїемъ всѣхъ прїятностей. На ней было платье лазореваго цвѣта толь нарядно соотвѣтствующее ея кра-

сотѣ, что оно придавало новое сїянїе ея прїятностямѣ. Вся она представлялась сїяющею. Увидя моего вождя казалась она быть еще гораздо прекраснѣе; взирала на него окомѣ разсужденїя и увеселенїя; потомѣ вставши подошла кѣ намѣ и приняла насѣ сѣ дружескою радостїю. Вождь мой увѣдомя ея, кто я, отѣ куда я пришелѣ, и препоруча меня вѣ ея старанїе, сказалѣ мнѣ; что я конечно могу достигнуть храма подѣ предводительствомѣ толь хорошей проводницы, которая есть дщерь добродѣтели, а имя ея *Истинна*; сказавѣ сїе насѣ оставилѣ, а мы пошли вѣ дорогу.

Отѣ времени до времени нѣкоторыя привидѣнїя мерзскаго вида и страннаго одѣянїя приходили пресѣкать путь нашѣ. Иногда хотѣли они ко мнѣ приближиться, а иногда старались хитростьми своими меня отѣ моего вождя отдѣлить: Но онѣ мнѣ сказалѣ, что сїи суть наѣздники, которыхѣ посылаетѣ веселїе на границы государства добродѣтели, дабы дѣлать затруднѣнїе и вѣ заблужденїе приводить молодыхѣ путешественниковѣ. Имена нѣкоторыхѣ, естьли упомню, были; *Тщеславїе*, *Согласованїе*, *Ложной стыдѣ*, *Ругательство*, *Клевета*, *Желанїе новостей*, и *Похлебство*. Я былѣ нѣсколько любопытенѣ вступить

сѣ

съ ними въ разговоръ; но вождь мои вынулъ зеркало, которое онъ всегда носилъ съ собою, и въ которомъ противостоянія всегда изображаются ихъ истинными достоинствами, употребляемое имъ для разсмотрѣнія всѣхъ представляющихся привиденій: тогда иные совсѣмъ пропали, другіе удивительнымъ превращеніемъ толь умалились, что вдругъ показались подъ такимъ бѣднымъ и презрительнымъ видомъ, какой только себѣ вообразить можно.

Идучи примѣтилъ я, что вождь мой держалъ въ рукѣ хрустальной сосудъ наполненной чистымъ и прозрачнымъ питіемъ; о которомъ вздумалъ я у него спросить. Сіе есть вышшее средство, отвѣтствовала мнѣ Истинна, которое кромѣ излѣченія всѣхъ сложеній, имѣетъ свойство подкрѣплять чрезвычайно органы зрѣнія.

Какъ скоро я немного выпилъ, такъ скоро заблужденіе и слабость моего зрѣнія, на которое я прежде жаловался совсѣмъ премѣнились, и всѣ противостоянія представлялись мнѣ гораздо въ большемъ разстояніи явственнѣе. Вождь мой хотѣлъ, чтобъ я посмотрѣлъ на жилище веселія, которое было на другой сторонѣ въ глубокой безднѣ. Но коль велико было мое удивленіе, видя

видя оное лишенно всего великолѣпія, стояще на воздухѣ, подверженно малѣйшему движенію, безъ подпоры, и всѣ окрестныя мѣженію, безъ подпоры, и всѣ окрестныя мѣста, кои казались мнѣ пріятными и орошенными полями, въ ужасную пустыню превращенныя! Самое божество сея страны показалось мнѣ морщливымъ и безобразнымъ, сидяще въ темномъ углу, блѣдно, трепещуще, и провожаемо только малымъ числомъ его обманчивыхъ сообщниковъ и почитателей. Они походили на фуріи укоряющіе другъ друга ихъ злодѣяніями, и терзающіяся взаимно уныніемъ и отчаяніемъ. Я тотчасъ отвратилъ глаза мои отъ толь мерзскаго позорища, и просилъ моего вождя, дабы онъ меня отъ онаго отвелъ.

Спустя нѣсколько времени пришла къ намъ женщина, которая казалась быть въ совершенныхъ лѣтахъ. Сложеніе ея было такое, какое пріобрѣтается трудами. Она имѣла непремѣнной и нѣсколько строгой видъ, съ которымъ все протчее согласовалось: лице ея было величаво и нѣсколько звѣрообразно, поступки ея имѣли твердой и разсудительной видъ.

Сія младая женщина, сказалъ мнѣ вождь мой, мнѣ въ близкомъ сродствѣ; она дщерь разсужденія и вольности; и называется

Намѣ-

Намѣренïемъ; нравъ ея составленъ изъ родительскихъ обычаевъ, ибо жаръ ея матери умѣряется холодностïю ея отца. Присутствïе ея влïяло въ меня новое ободренïе, такъ что я желалъ преодолѣть бодрственно всѣ остальныя препятствïя.

Въ самомъ дѣлѣ думалъ я миновать тотъ ужасной камень, на которой мнѣ необходимо взойти надлежало. По приходѣ нашемъ нашелъ я его столь крутымъ и гладкимъ, что я тѣмъ больше назадъ подавался, чѣмъ больше въ передъ шелъ. Я слышелъ, что обитало тамъ въ пещерѣ ужасное страшилище, которое надлежало обуздать прежде возшествïя на вершину; *будь бодръ*, сказалъ мнѣ вождь мой, *Небо низпослетъ тебѣ вышнюю помощь*. Какъ скоро онъ сïе выговорилъ, такъ скоро бросилось на насъ то ужасное страшилище; единой его видъ привелъ меня въ ужасъ. Хотя оно имѣло видъ человѣка, однако гораздо звѣрообразнѣе и страшнѣе львинаго. Глаза его испускали огнь, несносной и заразительной запахъ происходилъ изъ ноздрей его, ревъ его походилъ на журчанïе подземныхъ водъ, тѣло его покрыто было непронзительною чешуею, вмѣсто рукъ имѣлъ онъ острые кохти которыми терзалъ всѣхъ къ нему приближающихся, имя его было *Хотѣнïе*. За нимъ

слѣдо-

слѣдовало другое, котораго лице было блѣдно; впадшїе его глаза блистали съ яростїю; растрепанные его волосы лежали по плечамъ, оно имѣло во всѣхъ своихъ тѣлодвиженїяхъ развращенной видъ; одною рукою держало чотки, кои оно считало, а другою кровїю обагренной распорядокъ; на поясѣ его висѣлъ ключь, которой думало оно, какъ послѣ сказалъ мнѣ вождь мой, употреблять по своей волѣ, для отверстїя и затворенїя дверей храма добродѣтели и жилища благополучїя. Я увидѣлъ, что оно облобызало съ горячностїю первое страшилище; а называлось *Суевѣрїемъ*. Отъ страшнаго вида сихъ двухъ чудовищъ объятъ я былъ мнимымъ ужасомъ. Но *Намѣренїе* бросившись на оное страшилище съ своимъ жезломъ вступило съ онымъ въ сильное сраженїе, между тѣмъ сей случай меня весьма безпокоилъ; ибо товарищь мой былъ столь утѣсненъ, что достался было въ добычу сему страшилищу, естьлибъ вождь нашъ, которой былъ смотрителемъ сего сраженїя, не привелъ къ намъ сильной помощи.

Мнѣ показалась женщина, которой внѣшность была всего мною видимаго величавѣе; лобъ ея уподоблялся слоновой кости, волосы ея имѣли сїянїе злата, очи ея блистали

стали непремѣннымъ спокойствїемъ, смѣшеннымъ съ умѣреннымъ торжествомъ; онѣ взирали обыкновенно на небо съ искреннимъ благоговѣнїемъ безъ всякаго притворства, какъ будтобы для нѣкотораго восхищенїя. Одѣянїе ея, которое лежало свободно на плечахъ и простиралось до землй, было бѣло какъ снѣгъ, движенїя ея производили въ одно время веселїе и страхъ. Она казалась быть подобна небесному жителю, посланному на землю для утѣшенїя слабыхъ смертныхъ. При взглядѣ ея, *Суеперїе* не могши снести блистающаго отъ нея сїянїя, совсѣмъ изчезло. Сїя удивительная сила принадлежала *Вѣрѣ*. Она носила съ собою сосудъ съ чистѣйшимъ ладономъ, и какъ скоро не много онаго положила на находившейся тамъ олтарь, такъ скоро произшелъ отъ онаго такой дымъ, которой тотчасъ обратилъ страшилище въ бѣгство и оное подняло такой ужасной крикъ, что казалось, будто отъ того вся твердь небесная распадется. Поднявшейся дымъ истребилъ тотъ заразительной запахъ, которой сїе страшилище испустило.

Подъ предводительствомъ моего новаго вождя, престалъ я преодолѣвать оставшїеся затруднѣнїя и пришелъ въ прїятное жилище добродѣтели. Все зданїе было

толь

толь великолѣпно отъ того сїянїя, которое влїяетъ почтенїе въ сердца, что на силу слышно было мнѣ то восхищенное согласїе, которое по всему зданїю раздаваться не преставало.

Переведено съ Французскаго.

II.

БАСНЯ

САТИРЪ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

Сатиръ въ лѣсу глухомъ, зимою заблудился,
Стонялъ отъ холоду, чуть жизни не лишился.
Крестьянинъ усмотрѣвъ ево въ нещастье семъ,
Хотѣлъ озябшаго огрѣть въ дому своемъ.
Позвалъ ево къ себѣ, Сатиръ и согласился,
Щедротѣ таковой не мало подивился,
Лишь въ теплу горенку хозяинъ гостя ввелъ
Тотчасъ горячихъ щей на столъ подать велѣлъ;
А самъ озябшія онъ руки согрѣвая,
Сталъ дуть въ нихъ ртомъ своимъ почти не преставая.
На чтобъ онъ въ нихъ такъ дулъ, Сатиръ ево спросилъ?
Чтобъ ихъ согрѣть скорей, хозяинъ говорилъ:
А какъ горячихъ щей на столъ имъ только дали,
То гость съ хозяиномъ ѣсть тотчасъ ихъ и стали;
Хозяинъ на свою тутъ ложку подувалъ;
Сатиръ чудясь еще хозяину сказалъ:
На чтобъ онъ въ ложку дулъ, итакъ въ ней жарко было?
Крестьянинъ отвѣчалъ: чтобъ жаркое простыло.
Вскоча изъ за стола Сатиръ вонъ побѣжалъ,
Прости, хозяинъ мой, прости онъ закричалъ.
Я жить съ тѣмъ не хочу, во рту чьемъ не одно,
То есть: что въ немъ живетъ тепло и студено.

* * *

III.

III.

Іюля 10. дня.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ПРИБЫТКАХЪ ПОЛУЧАЕМЫХЪ НАМИ ОТЪ НАШИХЪ НЕПРІЯТЕЛЕЙ.

Намъ чинены ужѣ за нѣсколько вѣковъ жестокіе выговоры, что мы не многія вещи подробно разсматриваемъ. Непріятели наши надлежатъ безспорно въ сіе число. Они намъ такъ кажутся, какъ немощнымъ нашимъ самолюбіемъ представлены бываютъ. Естественныя предразсужденія увѣряютъ насъ, что мы имѣемъ право ненавидѣть ихъ, какъ нарушителей нашего покоя, и причинъ печальныхъ нашихъ мыслей. Я нахожу по малому размышленію, что они намъ гораздо полезнѣе нашихъ пріятелей. Писавъ сіе, обращаюсь я мыслями своими на всѣ тѣ изрядныя изображенія, кои я въ стихотворческихъ и протчихъ сочинителей писаніяхъ о дружествѣ читывалъ. Они столь великолѣпны и пріятны, что я и по сіе время между тлѣннымъ ничего преизящнее истиннаго и такъ называемаго философскаго пріятеля не нахожу. Но я при разныхъ щастливыхъ

 обсто-

обстоятельствахъ, по собственному искуству, болѣе пятидесяти лѣтъ, еще никогда столь щастливъ не бывалъ, чтобъ найти одного, которому бы я сіе имя безъ ласкательства приписать могъ. Я бы самъ имѣлъ нарочито пристрастное почтеніе къ своимъ совершенствамъ, естлибъ могъ во всю свою жизнь въ свѣтѣ представить себѣ пріятеля по строгому и драгоцѣнному онаго изъясненію. Кажется, что человѣкъ не къ тому рожденъ, чтобъ представлять ему на семъ позорищѣ толь хорошей роль; и многіе нравоучители уже думали, что надлежитъ искать подлинника ихъ пріятныхъ описаній въ иномъ мірѣ, а не на нашей земли. Я имѣлъ многихъ пріятелей. Я знаю, что большая часть оныхъ меня для такихъ причинъ любили, кои повару моему болѣе чести, нежели мнѣ приносили; я отдѣляю малое число отъ множества, которому я гораздо чистѣйшія намѣренія и обыкновенное благородство въ дружествѣ приписывать долженъ. Между тѣмъ кажется, обращаясь безъ предразсужденія изъ увеселительнаго моего дома къ оставленному мною великому городу, что я моимъ непріятелямъ болѣе благодарности, нежели лутчимъ моимъ пріятелямъ, долженъ. Я нимало себѣ не воображаю, при открытіи моихъ мыслей, предложить новую истинну, но паче думаю, что сія истинна должна учинить

насъ

насъ при многихъ случаяхъ терпѣливыми и достойными почтенія, естьли ее только прилѣжно разсмотримъ. И такъ я за малые мои труды довольно награжденъ буду, естьли хотя одному изъ согражданъ моихъ покажу способъ, какимъ онъ образомъ своихъ непріятелей разсматривать долженъ?

Когда я говорю о непріятеляхъ: то разумѣю подъ тѣмъ званіемъ такихъ людей, кои говорятъ о насъ зло либо отъ зависти, либо отъ злословія, или для корысти, или для всѣхъ сихъ трехъ причинъ, и имя наше какъ тайно такъ и явно увеличенными или вымышленными пороками поносятъ. Отъ протчихъ непріятелей, кои силою и лукавствомъ наше имѣніе отнять, или убійственною рукою жизнь нашу погубить стараются, защищаютъ насъ мудрыя учрежденія законовъ, или мечь отмщенія. Отъ нападенія же первыхъ никакой Ликургъ не выдумалъ еще довольно крѣпкой обороны, и самой честной человѣкъ не бываетъ въ безопасности отъ ихъ злобы.

И такъ гораздо разумнѣе пользоваться ихъ поступками, нежели мучиться, быть малодушнымъ и роптать изъ нетерпѣливости на расположеніе всего свѣта, для ихъ ругательствъ. Лехко видѣть можно, что жесточай-

шїе наши непрїятели гораздо болѣе поспѣшествуютъ истинному нашему благополучїю, нежели лутчїе наши прїятели. Разсмотримъ только, которые изъ нихъ привлекаютъ насъ больше къ добродѣтели: и тогда не останется намъ втомъ ни малаго сомнѣнїя.

Я не намѣренъ похитить нравоучительныхъ наставленїй, которыми бы могъ доказать, что единая добродѣтель можетъ учинить насъ благополучными, или такъ сказать, спокойными. Я не говорю здѣсь съ такими людьми, кои отомъ совершенно не увѣрены. Я напомяну только краткими словами, что мы безъ точнаго познанїя всѣхъ нашихъ склонностей, желанїй, намѣренїй, дѣлъ, пороковъ и мнѣнїй, о добродѣтели не болѣе, какъ только о ея имени знать научимся. Но кто подаетъ намъ лутчей способъ къ сему строгому и безпристрастному изслѣдованїю? Кто ведетъ насъ дѣйствительнѣе къ благопристойности, благочинїю, отрицанїю самого себя, терпѣнїю, человѣколюбїю и великодушїю, которыми получаемъ мы похвалу отъ премудрыхъ въ свѣтѣ? Прїятели-ли или непрїятели? Конечно должны быть первые. Но я ссылаюсь на искуство всѣхъ тѣхъ, кои нравы своихъ прїятелей строго испытали. Льстецы, кои слѣды наши цѣлуютъ

луютъ, и насъ не только при щастливомъ приключенiи, въ которомъ разумъ нашъ никакого участiя не имѣемъ, но и при нашихъ погрѣшностяхъ обожать умѣютъ, недостойны быть здѣсь упомянуты. Они не стоятъ кромѣ презрѣнiя, хотябъ они всю свою подлость въ тончайшую остроту разума претворяли, а какъ единые только слабые и порочные духи могутъ терпѣть сiю ползующую гадину: то не совѣтую я честному человѣку имѣть между своими прiятелями ни единаго льстеца.

Скажутъ ли намъ всегда правду наши прiятели? Захотятъ ли они отважиться, чтобъ прiобрѣсть гнѣвъ нашъ искренностiю своею? будутъ ли они непрестанно столь благородны, чтобъ почитать честь нашу дороже нашей благосклонности? Сколь охотно бы я на сiе отвѣтствовалъ, но сколь много долженъ бы я былъ противорѣчить моему искуству! Я думаю, что не не достаетъ честныхъ людей въ дружествѣ, кои удерживаютъ насъ отъ явныхъ пороковъ и увѣщаваютъ насъ въ случаѣ неприличныхъ поступокъ съ благопристойностiю и разумомъ. Но далѣе не простреется ихъ искренность. Они не примѣтятъ или по крайней мѣрѣ упустятъ намъ изъ любви, для вкоренившихся въ нихъ предразсужденiй о нашихъ досто-

достоинствахъ, слабости наши; равнымъ образомъ и невидимыя дѣйствія самолюбія, кои суть первые источники наивящихъ преступленій. Наималѣйшая слабость есть слабость. Она удаляетъ насъ нѣкоторою степенью отъ добродѣтели, и не возможно, чтобъ она ежедневно не возрастала, когда мы ее заблаговременно обуздать не постараемся. Въ семъ случаѣ никто не поступаетъ съ нами искреннѣе нашихъ непріятелей. Острыя ихъ очи не пропускаютъ ничего, и конечно, не отъ нихъ то зависитъ, когда мы не познаемъ сокровенныхъ побужденій нашихъ дѣлъ, и усыпляемъ себя воображенными совершенствами. Правду сказать, сію услугу можемъ мы отъ нихъ лутче сносить, нежели отъ нашихъ пріятелей. Различіе намѣреній, которыя они при открытіи погрѣшностей нашихъ имѣютъ, не можетъ насъ побудить къ скорѣйшему прощенію пріятелямъ, нежели непріятелямъ, и тихіе уста хулящаго насъ пріятеля унижаютъ самолюбіе наше болѣе, нежели безумныя ругательства злословнаго непріятеля. Сія смѣшная горячность будетъ намъ нѣкоторымъ образомъ простительна, когда мы только употребимъ въ пользу, злобу нашихъ непріятелей, клеветы ихъ терпѣливо разсмотримъ, тѣмъ себя поправимъ, и изъ необузданной ихъ ярости то употребимъ въ нашу пользу, къ чему тру-

сость

сость нашихъ пріятелей и познаніе собственныхъ своихъ недостатковъ, весьма рѣдко подаетъ намъ случай. Несправедливыя увеличиванія, или безстыдныя вымышленія погрѣшностей и пороковъ не могутъ намъ ни въ сей должности, ниже произшедшей отъ того пользѣ препятствовать. Непріятелямъ нашимъ только бываютъ они въ посрамленіе, и отъ насъ зависитъ, естьли они сами не поспѣшествуютъ нашему благополучїю.

Человѣку кажется сродно, чтобъ не видѣть никогда истиннаго изображенія своего нрава. Ему не для чего самому себя изображать, когда хочетъ видѣть подлинникъ. Отважнѣйшей льстецъ скромнѣе его сердца, и тихія движенія самолюбія представляютъ ему всѣ ево вообра礼енія ложными. Мы иногда довольно справедливо помышляемъ о нашихъ погрѣшностяхъ, прежде нежели дѣйствія ихъ глаза наши отверзли. Но сколь остроумно выдумываемъ мы множество извиненій къ нашему спокойствію? Мы сами о себѣ иногда говоримъ злое, но только для того, чтобъ вскоре послѣ того можно было намъ сказать и доброе. Можетъ быть, что пріятели наши въ изображеніи нашего нрава будутъ щастливѣе. Но и они обманываютъ себя и насъ, я присовокуплю, по человѣколюбію противъ своего желанія. Они обходятся

ются съ нами весьма ласково. Они лишаются чувства о нашихъ слабостяхъ отчасти наслаждающимся у насъ добромъ, отчасти ежедневнымъ обхожденіемъ, отчасти сходствіемъ, которое они съ нашими склонностями имѣютъ. Они ласкаютъ намъ больше отъ заблужденія и любви, нежели отъ подлости. Своенравіе наше бываетъ въ устахъ ихъ хорошимъ вкусомъ, склонность къ мысленнымъ увеселеніямъ щедростію, мяхкосердіе человѣколюбіемъ, честолюбіе великодушіемъ и посредственное знаніе въ наукахъ основательнымъ ученіемъ. Непріятели наши изображаютъ насъ совсѣмъ инако. Всѣ наши добродѣтели бываютъ имъ невидимы, а малѣйшія слабости признаютъ непростительными погрѣшностями. За малѣйшей недостатокъ памяти почитаютъ насъ самыми невѣжами, за постоянной видъ надутыми глупцами, за веселое лице рабами сластолюбія и за единое разуму соотвѣтствующее заключеніе богопротивниками. Всегда имѣютъ излишнія, всегда ложныя представленія о нашемъ нравѣ.

Но что насъ меньше вредить, и что намъ больше вспомоществовать можетъ? По краткомъ разсмотрѣніи лехко намъ нато отвѣтствовать. Изображеніемъ, которое мы сами о себѣ, или пріятели наши о насъ дѣлаютъ, усматриваемъ мы тѣ совершен-

ства,

ства, коими мы не обладаемъ. Но бываемъ склонны къ присвоенію себѣ оныхъ; ибо доходилъ ли когда кто до такого сомнѣнія, чтобъ могъ подозрѣвать увѣреніе своего сéрдца и свидѣтельство лутчихъ своихъ пріятелей о своемъ достоинствѣ, или по крайней мѣрѣ имѣлъ сіе подозрѣніе болѣе нѣсколькихъ минутъ? Сія то есть причина, для которой мы никогда до воображаемой величины достигнуть не можемъ. Мы бываемъ медлительны; не продолжаемъ далѣе пути нашего къ добродѣтели, и слѣдовательно назадъ возвращаемся. Мы не радѣемъ о самихъ себѣ, и дѣлаемся у разумныхъ людей смѣшными и презрительными, хотя бы мы злословной народъ нашею властію и протчими преимуществами въ страхѣ и въ послушаніи содержать могли. Словомъ не похвально, чтобъ насъ лутче изображали, нежели каковы мы суть.

Мы скоряе получимъ пользу изъ распространяемыхъ о насъ нашими непріятелями мерзскихъ изображеній и приближимся бодрственнымъ размышленіемъ о оныхъ къ добродѣтели, слѣдовательно и къ нашему спокойствію. Первыя дѣйствія, кои они причиняютъ нѣжному чувству нашего самолюбія, покажутся конечно весьма непріятными, но и они, естьли только захотимъ, будутъ вспо-

моществовать къ большему удовольствію. развѣ не можно, чтобъ мы имѣли въ себѣ нѣкоторые изъ приписуемыхъ намъ пороковъ? Мы не должны себя всегда ласкать, и въ семъ то случаѣ можемъ положиться во первыхъ на нашихъ непріятелей. Захотимъ ли мы изъ своенравія, упрямства или малодушія опровергать средство, которымъ мы нѣчто истинное въ себѣ примѣчать научаемся? Пожелаемъ ли мы упустить сїе начало къ нашему поправленію, которое безъ того ни коимъ образомъ не исполнится? Положимъ, что непріятели наши увеличиваютъ безконечно злобою своею слабости наши, положимъ, что безстыдная ихъ подлость столь далеко простирается, что они намъ тѣ пороки приписываютъ, которыхъ мы совсѣмъ чужды; можно ли и тогда несносныя ихъ обиды употребить себѣ въ пользу? Для чегожъ не употребить? Обуздай только первыя чувствованія раздраженной своей страсти! Слушай болѣе разума, нежели ничего значущей молвы народа! то и симъ средствомъ можно возстановить свое спокойствїе. Мы не отъ того имѣемъ погрѣшности, пороки и преступленія, что они прилагаются намъ нашими непріятелями. Когда мы здоровы: то могутъ десять незнающихъ или злыхъ лѣкарей разсѣять въ городѣ, что мы страждемъ лихорадкою, и всѣ возможныя болѣзни имѣемъ;

однако

однако все сїе не здѣлаетъ намъ ни малаго вреда. Не должно ли почесть удовольствїемъ, когда при точномъ изслѣдованїи увидимъ, что мы въ самомъ дѣлѣ благороднѣе, справедливѣе, воздержнѣе и разумнѣе, нежели какъ насъ злые люди описывали? Не похвально ли нашей добродѣтели, что когда хотятъ увѣрить свѣтъ о нашихъ злодѣянїяхъ, то принимаютъ прибѣжище къ лукавымъ вымысламъ, лжи и ругательству?

Равнымъ образомъ будетъ намъ весьма полезно, когда мы всѣ поношенїя нашихъ непрїятелей и прїуготовленныя ими ругательныя о насъ изображенїя подробно разсмотримъ. Мы можемъ себя тѣмъ впредь охранить, дабы онымъ не уподобиться. Ибо лехко можно впасть въ тѣ погрѣшности, коихъ мы еще не имѣемъ, и ничто не можетъ насъ такъ скоро ввергнуть въ погибѣль, какъ безопасность.

Но что скажетъ нашъ свѣтъ? развѣ долженъ я ругателя моего благодарить, когда онъ меня въ городѣ смѣшнымъ, и имя мое, можетъ быть, и въ послѣдующїя времена здѣлаетъ презрительнымъ? Имѣй терпѣнїе, мой другъ! Не дойдетъ то до послѣдующихъ временъ. Отъ тебя зависитъ привесть его въ посрамленїе. Живи только справед-

ливо и разумно. Честные люди не лехковѣрны. Они вѣрятъ твоимъ непріятелямъ столькожъ мало, сколько и твоимъ пріятелямъ. Они почитаютъ тебя по твоимъ дѣламъ, и почтеніе ихъ къ твоей добродѣтели тѣмъ болѣе увеличивается, когда они видятъ тебя безвинно страждущаго. А мнѣніе простаго народа невеликой важности. Сіе несмысленное стадо само не знаетъ, что оно дѣлаетъ, и ты хулы достоинъ, естьли похвалою онаго прославиться пожелаешь.

Развѣ намъ не должно и опорочивать произнесшее противъ насъ ругательство? Я не совсѣмъ опровергаю сіе средство къ защищенію невинности. Есть нѣкоторые роды ругателей, которые конечно молчаніемъ нашимъ отважнѣе и безстыднѣе становятся. Но сіи же самые люди имѣютъ часто случай изъ благопристойнѣйшаго и разумнѣйшаго оправданія къ продолженію ихъ злобы. Я думаю, что тѣмъ ничего не потеряешъ, когда слушаешъ разговоры ихъ великодушно, и все свое опроверженіе въ томъ намѣреніи ограничиваешъ, дабы ежедневно отъ времени до времени себя поправлять. Я никогда безъ удовольствія не напоминаю о краткомъ отвѣтѣ Анаксимандровомъ, которой весьма благородной духъ показываетъ. Когда ему сказано было, что и дѣти худому ево пѣнію

нїю смѣются; *Хорошо*, сказалъ онъ, *такъ я буду учиться лутче пѣть*. Таковая поступка причиняетъ, что намъ непрїятели наши противъ ихъ желанїя служить должны; она способнѣе всего къ спокойствїю нашего духа; она прекращаетъ, и безъ того краткое продолженїе имѣющихъ, произнесенныхъ противъ насъ ругательствъ и терзаетъ наигорчайше самихъ поносителей, потому что она намѣренїя ихъ разрушаетъ.

Мы наживаемъ себѣ непрїятелей особливо въ то время, когда начинаемъ быть щастливыми; и тогда то они намъ полезны, когда разсудимъ, что они намъ при щастїи необходимы, естьли желаемъ пребыть достойными почтенїя. Сердце наше никогда намъ такъ не измѣняетъ, какъ при обладанїи прїятными намъ имѣнїями. Оно излишествуетъ многими слабостями. Настоящее учрежденїе свѣта намъ нравится, а вскоре послѣ того нравятся намъ и всѣ дѣла наши. Сїе есть подлинное средство къ учиненїю себя у разумныхъ людей презрительными, и къ возбужденїю въ нихъ мнѣнїя, что сердце наше не умѣетъ владѣть щастїемъ. Мы доводимъ сїе мнѣнїе вскоре къ подлинности. бываемъ горды и неприступны и не престаемъ до тѣхъ поръ по возвышенїю намему шататься, пока съ онаго въ низъ не свер-

свержемся. Сколь полезно намъ имѣть при щастіи нашемъ нарочитое число непріятелей! Сколь осторожными здѣлаетъ насъ представленіе, что непріятели наши всѣ наши поступки, рѣчи и дѣла примѣчаютъ, да и дерзостнымъ своимъ подозрѣніемъ часто до мыслей нашихъ проникаютъ? Мы спознаемся иногда сами съ собою. Посреди звука раздающагося отъ голодныхъ и слабыхъ похвалителей къ нашей славѣ, будемъ помышлять мы о нашихъ слабостяхъ. Мы пребудемъ кротки и любимы и желающей насъ поносить окажетъ тогда злобу свою въ высочайшемъ градусѣ.

Наконецъ подаютъ намъ лутчее средство наши непріятели къ заслуженію великолѣпнаго и неоцѣненнаго имени великодушнаго человѣка? Никакой титулъ, кромѣ сего не можетъ учинить насъ почтеннѣйшими, и нѣтъ ничего трудняе пріобрѣтенія онаго. Я думаю, что оное въ суе употребляютъ, прилагая ево тому, которой пріятелямъ своимъ благодѣянія оказываетъ. Сколь сіе похвально: столь болѣе душевныхъ силъ принадлежитъ къ великодушію. Я не знаю, могу ли я украсить симъ именемъ оказываемое человѣколюбіе незнакомымъ. Надлежитъ прощать злѣйшему своему непріятелю; оказывать ему благодѣянія, естьли только достойнѣйшія отъ того не постраждутъ.

Неблаго-

Неблагодарность ево не должна намъ втомъ препятствовать; не надобно упоминать никогда о своихъ благодѣяніяхъ и неискать инаго мщенія, кромѣ его поправленія. Естьли мы чинимъ сіе безъ лицѣмѣрія: то имѣемъ право требовать имени великодушія. Имѣемъ ли же мы причину ненавидѣть или проклинать тѣхъ, кои намъ къ сей чести способствуютъ, хотя бы сіе и отъ злобы ихъ происходило?

Естьли бы я хотѣлъ писать пространно, то бы привелъ въ примѣръ немалое число почтенныхъ мужей изъ древности, кои бы безъ ихъ непріятелей до такой славы, въ какой мы ихъ видимъ, никогда не достигли. Судбины нашихъ новыхъ Философовъ подтверждаютъ сіе весьма явственно. Невѣроятно, чтобъ они дошли, безъ толь лукавыхъ и многихъ непріятелей, до таковыхъ искренныхъ и знатныхъ сообщниковъ. О естьли бы мы чаще вспоминали о сихъ прибыткахъ получаемыхъ нами отъ злыхъ нашихъ согражданъ! то бы гораздо лутче научились мы видѣть разселины нашего сердца. Мы бы были гораздо способнѣе къ дружелюбію. Язвы ближняго были бы намъ чувствительны. Прощали бы согражданамъ нашимъ все, а себѣ ничево. безпрестанное примѣчаніе всѣхъ нашихъ мыслей и дѣлъ учинило бы само-

любіе

любіе наше похвальнымъ, обхожденіе дружественнымъ и благочиннымъ, всѣ наши намѣренія великодушными, а жизнь нашу спокойною.

Имѣйте благодарность, мои непріятели! Вашею помощію научился я познавать свѣтъ, моихъ пріятелей и самого себя. безъ васъ учинилъ бы я можетъ быть гордое требованіе, что я все сіе совершенно знаю! Вашими пріуготовленіями надѣюсь я препроводить спокойно остатокъ моей жизни. Какъ можно заслужить вамъ мою ненависть? Для одного только того буду вами гнушаться, очемъ Тацитъ говоритъ: pessimum inimicorum genus laudantes, то есть *Опаснѣйшіе непріятели суть тѣ, кои насъ хвалятъ.*

Переведено съ Нѣмецкаго.

IV.

IV.

Іюля 17: дня.

РАЗГОВОРЪ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО СЪ ДІОГЕНОМЪ.

Non, poſſidentem multa, vocaueris
Recte beatum: rectius occupat
Nomen beati, qui Deorum
Muneribus ſapienter vti,
Duramque callet pauperiem pati.
Horatius.

то есть:

Напрасно называютъ того щастливымъ, кто многимъ богатствомъ владѣетъ. На противъ того достоинъ по справедливости называться щастливымъ тотъ, которой полученныя отъ Бога дарованія разумно употребляетъ, и самое убожество терпѣливо сносить можетъ.

Гораціи.

Спокойственное удовольствіе нашей души есть главное благополучіе въ жизни нашей. Но по большой части имѣютъ оное

токмо тѣ, о которыхъ мы ни мало того не думаемъ. О семъ въ свое время Александръ великїй съ Дїогеномъ долго разговаривали, о которомъ разговорѣ въ извѣстныхъ древнихъ писанїяхъ находимъ токмо недостаточныя извѣстїя. Я имѣлъ щастїе, на пути моемъ чрезъ Турецїю, отъ нѣкоего Греческаго монаха купить старинную на пергаментѣ писанную книгу, въ которой между протчимъ и сей разговоръ толь обстоятельно изъясненъ, будто бы оной отъ слова до слова списанъ былъ. Во угожденїе читателямъ перевелъ я его какъ слѣдуетъ: и не думаю, чтобъ оной лишилъ я подлиннаго знака простосердечїя древности.

Алекс. Скажи мнѣ, Дїогенъ, какъ то возможно, чтобъ ты былъ всегда доволенъ?

Дїог. Затѣмъ что я все то имѣю, чего желаю. Ибо я не желаю ничего, кромѣ того, что мнѣ имѣть можно.

Алекс. Какъ можешъ ты имѣть все, и ничего не желать? Ты бѣденъ и въ презрѣнїи.

Дїог. Живучи по состоянїю моему въ удовольствїи, почитаю себя богатѣе и почтеннѣе самого Александра.

Алекс.

Алекс. бѣднякъ!

Діог. Великій царь! смѣю ли я тебѣ, какъ философъ, истинну безъ ласкательства говорить?

Алекс. Да, тебѣ дозволяется говорить все, что ты за правдивое, подлинное и хорошее признаешь.

Діог. Такъ знай, что я имѣю прямое добро, тебя же напротивъ того токмо мнимое добро ослѣпляетъ; что я малое по праву имѣющѣе, разумно употребляя, тѣмъ удовольствію моему поспѣшествую: ты же напротивъ того неправедное твое имѣніе, къ твоему и другихъ неудовольствію во зло употребляешъ; что я нужнымъ довольствуюсь, не требуя ничего болѣе, ты же изобиліемъ своимъ недоволенъ, и горишъ всегда желаніемъ, чтобъ еще болѣе пріобрѣсть. И тѣмъ то я тебя богатѣе.

Алекс. Тебѣ можно богатство твое уступить.

Діог. Но я также и почтеннѣе тебя, затѣмъ что меня всякой за мои безобидныя дѣла, хотя не словами похваляетъ, но сердцемъ любитъ и почитаетъ, тебя же напротивъ того устами возвышаетъ, а въ сердцѣ,

какъ похитителя чужей чести и имѣнїя, какъ лишителя вольности, забавы, спокойствїя и жизни, бранитъ, ненавидитъ, и проклинаетъ.

Алекс. Ты весьма смѣло говоришъ. Но я даннаго позволенїя не отмѣняю, и терпѣливо выслушаю, что бы по твоему мнѣнїю прямымъ добромъ называться могло.

Дїог. Кромѣ тварей къ нужному сохраненїю тѣла и жизни принадлежащихъ, вольность, сила, здоровье и разумъ, суть истинное добро, но такое, какое и злые имѣютъ. А лутчее добро есть истинная премудрость, добродѣтель удовольствїе и чистая совѣсть. Ибо сїи свойственны токмо благимъ.

Алекс. Можетъ быть ты станешъ описывать мнѣ благихъ и злыхъ.

Дїог. благими называю я тѣхъ, кои будучи въ состоянїи, вѣчною судьбою имъ опредѣленномъ, по увѣренїю здраваго разума исполняютъ свою должность.

Алекс. Такъ и злыми называются тѣ, кои въ исполненїи должностей своихъ весьма неисправны; но прежде нежели я кого за

такого

такого признаю, изъясни мнѣ, вчемъ состоитъ должность человѣка, икакъ оную хранить надлежитъ.

Діог. Общая должность каждаго состоитъ втомъ, чтобъ поспѣшествовать истинному своему благополучію. Сїе исполняется порядочнымъ разума употребленїемъ, и воли исправленїемъ, различая истинное отъ мнимаго; ибо разумъ ищетъ и любитъ, а воля убѣгаетъ и ненавидитъ: стараясь притомъ каждую вещь по ея внутреннему истинному достоинству, а не по предъувѣренїю обманчиваго воображенїя разсматривать, необузданныя похоти сердца утолять, самому себѣ и своимъ согражданамъ ничего въ противность не дѣлать; а все то, что самому себѣ и другимъ тѣлесно и душевно къ совершенству и удовольствїю способствовать можетъ, въ дѣйство производить.

Алекс. Ты ли такой человѣкъ, которой бы все сїе учинить могъ?

Діог. Я не столь совершенъ, сколь того желаю; но я отомъ стараюсь.

Алекс. Чтожъ тебѣ втомъ препятствуетъ?

Діог. Мысленныя похоти и превратныя склонности сердца, ядовитые корени всякой

злобы, всякаго нещастія и неудовольствія, и вредныя обыкновенія выше разума моего возрастающія.

Алекс. Такъ бы я хотѣлъ оные совсемъ изкоренить.

Діог. Нѣтъ! это невозможно. Да я бы и не совѣтовалъ, потому что мы потѣряемъ чувствіе къ истинному добру. И такъ станемъ лутче отвращая отъ зла привлекать къ добру, и то можетъ учиниться слѣдующимъ образомъ: не надобно намъ ничего дѣлать ни говорить, не разсудя прежде: разумно ли или неразумно наше намѣреніе?

Алекс. Втомъ часто ошибиться можно.

Діог. Все, что истинное мое имѣніе безъ вреда другаго умножаетъ, и отъ чего я, на прикладъ, становлюсь здоровѣе, сильнѣе, вольнѣе, умнѣе, добродѣтельнѣе, радостнѣе и довольнѣе, то хорошо и разумно: что же напротивъ того прямое мое имѣніе уменшаетъ и причиняетъ мнѣ и другимъ жалобу, раскаяніе и неудовольствіе, есть зло и неразумно. И такъ сіе дѣлая, а оное оставляя, преодолѣваю я звѣрскія свои страсти, и отвращаю ихъ отъ зла къ добру; живу при-

притомъ въ удовольствіи и покоѣ, и не терплю ни какихъ выговоровъ ни отъ себя ни отъ другихъ.

Алекс. Это правда, въ семъ я тебя щастливымъ почесть долженъ. Но не бываешъ ли ты иногда преодолѣваемъ жестокими похотьми.

Діог. Очень часто. Сластолюбіе, тщеславіе, сребролюбіе, роскошъ, презрѣніе и поруганіе другихъ людей, гнѣвъ, зависть, корыстолюбіе и протчее въ сердцѣ моемъ запечатлѣнны, и какъ скоро оные чувствами возбуждаемы бываютъ, такъ скоро возобновляются, и покушаются съ жестокостію утвердить власть свою; но для поспѣшествованія покою, утоляю я ихъ за благовременно разумомъ, убѣгая всѣхъ возможныхъ случаевъ, оные возбудить могущихъ.

Алекс. Да ты обходишься ежедневно съ такими людьми, которые тебѣ каждую минуту подаютъ образъ новыхъ пороковъ и глупостей.

Діог. Частымъ преодолѣніемъ моихъ желаній довелъ ужѐ я до того, что взираю на нихъ, какъ на ребячьи игрушки, смѣюсь, и научаюсь ими презирать въ спокойномъ уединеніи жилища моего разумными наблюденіями.

Алекс. Чтожъ думаешъ ты, когда смотришъ на меня? Не возбуждаетъ ли въ тебѣ зависти мое благополучїе.

Дїог. Когда смотрю на тебя, какъ на такого человѣка, которой многїе тысячи людей щастливыми учинить случай имѣетъ, то завидую твоему состоянїю, желая по сей причинѣ себѣ онаго. Но когда вижу, что ты изъ необузданнаго властолюбїя толико тысячь людей въ нещастїе приводишъ, лишая ихъ имѣнїя, здоровья, вольности, чести и живота; коль сильно ты притомъ безпокоишься, коликимъ попеченїемъ, опасностїю, страхомъ, ужасомъ и угрызенїемъ совѣсти непрестанно мучишься; то нахожу множество причинъ быть весьма самимъ собою доволенъ, а тобою какъ рабомъ владычествующей тобою страсти, какъ неправеднымъ и немилосердымъ хищникомъ презирать, втомъ тебя осуждать, и сожалѣть о бѣдственномъ твоемъ состоянїи.

Алекс. Изобличенїе твое очень несносно.

Дїог. Прямая истинна обольщенному слуху никогда прїятна не бываетъ.

Алекс. Развѣ несправедливо, чтобъ стараться о снисканїи славы.

Дїог. Нѣтъ, но паче то похвально: когда то здѣлается праведными способами.

Алекс.

Алекс. Что называешъ ты праведными способами?

Дiог. Кои даны намъ отъ высочайшей Силы въ томъ состоянiи, въ какомъ она намъ быть опредѣлила, для причиненiя самимъ себѣ и другимъ щастiя и удовольствiя. И такъ можетъ государь праведными способами прославиться, когда премудро правительствуетъ, то есть: полезные законы установляетъ, и къ производству оныхъ разумныхъ и безпорочныхъ правителей и судей опредѣляетъ, невинность и добродѣтель защищаетъ и награждаетъ; злобу и пороки несмотря на знатность людей изкореняетъ и наказуетъ, подлинной пользѣ государства своего безъ собственнаго своего прибытка поспѣшествуетъ, народное благополучiе, миръ и тишину достойнымъ къ произведенiю въ дѣйство намѣренiй своихъ средствомъ избираетъ; такого подданные его любятъ, сосѣди боятся, а обое да и весь свѣтъ за царскiе его добродѣтели высоко почитаютъ.

Алекс. Сiе требуетъ великаго размышленiя, а еще больше труда къ исполненiю, хотя мнѣ иногда учитель мой Аристотель о томъ и разсказывалъ.

Дiог. Такъ ты должности своей еще не исполнилъ и недостоинъ по нынѣ царемъ именоваться.

Алекс. А я думаю, что честь царская состоитъ въ побѣдоносныхъ баталїяхъ, и въ завоеванїяхъ чужихъ земель и городовъ.

Дїог. Это происходитъ отъ того, что ты по нынѣ слѣдовалъ, ни учителю ни разуму своему, но токмо звѣрской склонности властолюбиваго твоего сердца и обманчивымъ совѣтамъ лукавыхъ льстецовъ. Сїе весьма неразумно, чтобъ тѣ пороки, кои въ малости между подданными обруганїемъ, мукою, да и жестокою смертїю наказуются, въ великости въ царяхъ, князьяхъ, и государяхъ за честь почитались.

Алекс. Это правда, ты разсуждаешъ какъ философъ, а естьли бы ты былъ царь, тобъ ты можетъ статься инако думалъ и поступалъ.

Дїог. Можетъ быть: для того то я и доволенъ моимъ состоянїемъ, въ которомъ я отъ толь опасныхъ искушенїй живу свободенъ.

Алекс. Не хотѣлъ ли бы ты охотно настоящее твое состоянїе промѣнить на царское?

Дїог. Познавъ злобу людей, и собственныя мои слабости, притомъ чувствуя увеселенїе, прїятность, покой и безопасность уединеннаго житїя, былъ бы я великой глупецъ, когдабъ захотѣлъ подвергнуться толь великому бремени, опасности и безпокойствїю.

Алекс.

Алекс. Но не непріятно ли бы тебѣ было видѣть оказываемое тебѣ почтеніе многочисленнымъ народомъ и ежедневныя услуги толикаго множества знатныхъ особъ.

Діог. Но гораздо пріятнѣе жить въ ненарушимой вольности по своему соизволенію.

Алекс. Сіе лутче всѣхъ здѣлать можно царю.

Діог. Ни мало! боязливая осторожность къ защищенію своей высокой власти, должна жизнь его учинить скучною. Ибо при немъ находится иногда столько же шпіоновъ и ласкателей, сколько придворныхъ и чужестранцовъ онъ предъ собою видитъ. Ложное ихъ ласканіе, и принужденное почтеніе не можетъ его подлинно столько увеселить, сколько безпокоятъ его справедливыя жалобы утѣсняемыхъ подданныхъ или чужестранныхъ, которыхъ онъ всѣхъ въ случаѣ отказу, хотябъ они и несправедливо жаловались, принужденъ опасаться какъ враговъ своихъ: какъ же возможно такому множеству просителей, да еще часто и въ неправедныхъ дѣлахъ, непрестанно угождать?

Алекс. Противъ моихъ враговъ защищаютъ меня мои краулы.

Діог. Не знаю, полно не болѣе ли отъ толь близкаго оружія жизнь твоя въ опасности, нежели въ безопасности. Ктомужъ

краулы

краулы при всей ихъ вѣрности не всегда въ силахъ бываютъ къ защищенїю оной: ибо кто собственною своею жизнїю презираетъ, тотъ бываетъ повѣлителемъ надъ твоею. Вспомни присемъ о своемъ родителѣ и о Павзанїи.

Алекс. Въ семъ случаѣ должно отваживаться.

Дїог. А я почитаю себя щастливымъ, что того дѣлать нужды не имѣю.

Алекс. Однакожъ ты имѣешъ меньше чести, веселья и спокойствїя.

Дїог. По твоему только мнѣнїю, и какъ то наружно кажется, но я тебя обнадѣживаю, что я при моей хотя худой, но истинной чести, веселїи и спокойствїи стократно довольнѣе тебя; ибо тебя суетное сїянїе и пустой шумъ мнимаго величества и удовольствїя ослѣпляетъ и оглушаетъ, такъ что ты отъ того истиннаго познать и чувствовать не можешъ.

Алекс. Такимъ образомъ приписываешъ ты себѣ изрядное право, величаться бѣднымъ твоимъ состоянїемъ.

Дїог. О семъ открылъ я тебѣ довольно мое мнѣнїе и думаю, чтобъ ты мнѣ втомъ конечно повѣрилъ, когдабъ вкоренившѣеся въ тебя воображенїе о мнимомъ твоемъ величествѣ и власти тебя не оковало.

Алекс.

Алекс. Мнѣ уже досадно становится, что въ такомъ нищенскомъ отрепье вселилось сердце, которое предъ благополучїемъ моимъ превозносится.

Дїог. А я сугубо доволенъ, что величайшїй царь, въ цвѣтущемъ сїянїи мнимой своей славы, мнѣ завидовать причину имѣетъ. Когда бы ты разсуждалъ по мѣрѣ разума, чтобъ тебѣ мое нищенское отрепье презрительно не казалось, ибо оное въ прямомъ своемъ употребленїи не хуже царской твоей одежды. Оно укрываетъ, согрѣваетъ и защищаетъ отъ жестокой бури таково же, да еще и лутче твоего одѣянїя.

Алекс. Но оно такъ тебя не украшаетъ, а болѣе приводитъ въ презрѣнїе.

Дїог. Простые люди, которые птицу по перью, а лошадь по попонѣ почитаютъ, часто негоднымъ дятломъ или худымъ лошакомъ обмануты бываютъ; разумные же люди разсуждающїе о истинномъ и внутреннемъ достоинствѣ каждой вещи, не почитаютъ никого по внѣшнему виду красоты, платья и титула, но по добродѣтели, разуму и искуству, и я доволенъ, когда только имъ нравлюсь.

Алекс. Но оныхъ по твоему мнѣнїю весьма мало: и потому должно тебѣ сносить посмѣянїя наибольшей части.

Дїог.

Діог. ТакЪ и я надЪ великимЪ множествомЪ смѣяться стану, да еще и сЪ большимЪ правомЪ.

Алекс. Какое можешЪ ты имѣть право, на примѣрЪ смѣяться надЪ знатнымЪ богачемЪ, которому кланяются всѣ, и которой вЪ великолѣпномЪ его домѣ вЪ лутчемЪ спокойствіи живетЪ, богатой имѣетЪ столЪ и всемЪ протчимЪ по внутреннему своему благопроизволенію наслаждается, ты же напротивЪ того вЪ бѣдной твоей бочкѣ самЪ себѣ служить, хлѣбомЪ и водою пробавляться и отЪ всѣхЪ житейскихЪ забавЪ отрещись принужденЪ?

Діог. ВЪ такомЪ случаѣ надлежитЪ смотрѣть только на человѣка, а не на внѣшнѣе его украшеніе, и того наблюдать; естьли онЪ добродѣтеленЪ и доволенЪ своимЪ состояніемЪ; то онЪ щастія своего достоинЪ, потому что знаетЪ оное праведно употреблять. Когда найдемЪ вЪ немЪ сіе, то оставляю я ему охотно надЪ собою преимущество, и похваляю его: ибо онЪ можетЪ болѣе добра вЪ свѣтѣ здѣлать, нежели я. А естьли мы не найдемЪ вЪ немЪ сего, то надлежитЪ намЪ всѣ наружныя его украшенія почитать препонами истиннаго его благополучія: а паче всуе употребляемое его щастіе признавать за опасные способы, которыми

торыми онъ своему и другихъ людей нещастію поспѣшествуетъ. Тогда то явно мое надъ нимъ преимущество, и я нахожу тьму причинъ смѣяться надъ нимъ какъ надъ безумнымъ и почитать себя предъ нимъ крайне щастливымъ.

Алекс. Скажи мнѣ пожалуй хотя нѣкоторыя изъ тьмы твоихъ причинъ.

Діог. Человѣкъ такого качества рѣдко владѣетъ праведно пріобрѣтеннымъ имѣніемъ: оно привлекаетъ тайную тягость на сердце его и проклятіе на домъ его, а особливо, когда оное безразсудно всуе употребляетъ: и такъ живетъ онъ притомъ всегда въ неудовольствіи. Деньги свои и знатность, которыми бы ему надлежало невинность, добродѣтель и заслуги открывать и награждать, употребляетъ онъ къ ихъ утѣсненію и къ возвышенію вмѣсто оныхъ злобы, пороковъ, невѣжества и тому подобнаго. Употребляетъ онъ не стыдясь противъ другихъ насильство и несправедливость, покупаетъ для себя и для раболѣпствующихъ его почитателей незаслуженые чины; поглощаетъ безвременнымъ яденіемъ и безмѣрнымъ питіемъ обѣдъ, труды, потъ и слезы цѣлой сотни бѣдныхъ, которые предъ его дверьми, наготою, стужею, болѣзнію, голодомъ и жаждою мучимы, всуе милости у него просятъ. Онъ любитъ только

только себя, хотя и неразумно, наѣдается до тѣхъ поръ, что зделается хотя вкусною но непрочною снѣдью червей, напивается и пьянствуетъ до того, что напослѣдокъ совсемъ одряхлѣетъ; лишается какъ прямаго употребленія разума, такъ смысла и чувствія къ доброму; бываетъ самъ себѣ бремянемъ, безбожнымъ худымъ примѣромъ, а богобоязнымъ досадою и соблазномъ. безмѣрныя желанія бываютъ его истязателемъ, а тѣло и поврежденная его совѣсть жестокою ему мукою. Живетъ въ безпокойствіи, и умираетъ съ ужасомъ. Я же напротивъ того, котораго честь въ добродѣтели, котораго богатство въ вольности, удовольствіи и въ доброй совѣсти состоитъ, не владѣю ничемъ неправедно. Никакая тайная клятва, и никакой праведной вздохъ меня не безпокоитъ. Хотя не могу я здѣлать много добра, однако не дѣлаю никому и зла. Служа самъ себѣ не отягощаю я ни кого. бѣдною моею пищею бываю я также сытъ и имѣю еще преимущество, что пребываю всегда трезвъ, разуменъ, здоровъ и доволенъ, и не причиняю никому ни досады, ни вреда ни неправды. И такъ живу я въ спокойствіи и умру напослѣдокъ въ мирѣ и тишинѣ. разсуждай изъ сего, кто изъ насъ обѣихъ надъ другимъ смѣяться, или кто кому завидовать подлинную причину имѣетъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ ЛИСТѢ.

VI.

Іюля 24. дня.

Продолженіе Разговора Александра Великаго съ Діогеномъ.

Алекс. Доказательство свое доводишъ ты очень далеко: да когда бы богатые всѣ таковы были, тобъ наконецъ я тебѣ принужденъ былъ дать надъ собою преимущество. Но большая часть оныхъ живетъ умѣренно.

Діог. Ты хочешъ представить скупягъ, которые лишаясь своего спокойствія, чести покоя, здоровья, всякихъ невинныхъ забавъ, живота и доброй совѣсти, въ желѣзныхъ своихъ сундукахъ съ неправедною мздою непрестанную муку терпятъ, и все спокойствіе во оныхъ замыкаютъ. Ахъ сіи бѣдственные рабы немилосердаго корыстолюбія мнѣ такъ смѣшны кажутся, что и разсуждать объ оныхъ я не хочу.

Алекс. Съ тобою не зговоришь, ты описываешъ всѣхъ людей очень гнусными.

Дïог. Я представляю только порочныхъ въ прямомъ ихъ видѣ.

Алекс. Но слушай, положимъ, естьлибъ ты былъ рабъ какого неразумнаго господина, которой бы тѣмъ веселился, чтобъ мучить тебя безплодными приказанïями, на котораго бы ты ни коимъ образомъ не угодилъ, и которой бы тебѣ болѣе ударовъ, нежели пищи давалъ; былъ ли бы ты и тогда доволенъ?

Дïог. Да, когдабъ я былъ такой рабъ, тобъ я тѣмъ веселился, чтобъ дѣлалъ все по возможности, а притомъ бы своимъ прилѣжанïемъ, вѣрностïю и терпѣнïемъ старался гордость господина моего преодолѣвать, и ево чрезъ то обращать къ добрымъ мыслямъ. Я ужѐ испыталъ и нашолъ, что глупецъ, котораго хотя щастïе и учинило господиномъ, доженъ всегда быть рабомъ разумнаго.

Алекс. Чтожъ бы ты сталъ тогда дѣлать, когдабъ ты имѣлъ дряхлое тѣло, и когдабъ былъ обьятъ мучительною болѣзнïю?

Дïог. Правда, что воздержное и трудолюбивое мое житïе защищаетъ меня отъ всѣхъ мучительныхъ болѣзней и придаетъ мнѣ твердость и нечувствительность: однакожъ, когда неиспытанной судьбѣ было бы угодно, дать мнѣ дряхлое тѣло, тобъ подвер-

вергался я вѣчному оной учрежденію постоянным духомъ, болѣзни бы мои всѣми возможными образы утолялъ, но никогда бы невоздержаніемъ, гнѣвомъ и нетерпѣливостію оныхъ увеличивать не старался, и притомъ былъ бы доволенъ оставя по себѣ свѣту достойной примѣръ трудно искушаемаго но сопротивляющагося терпѣнія и добродѣтели.

Алекс. Такимъ образомъ не надобно бы тебѣ въ толь бѣдственномъ состояніи никакого утѣшенія.

Діог. Утѣшеніе мое было бы сіе: что я по всеблагому и праведному благоволенію Неба, отъ котораго я тьму благодѣяній получаю, все терпѣливо сношу; что болѣзнь моя мнѣ препятствуетъ въ произведеніи злаго и побуждаетъ къ дѣланію добраго; а наконецъ, что я не самой нещастливѣйшей въ свѣтѣ.

Алекс. Ктожъ бы могъ быть еще нещастливѣе тебя?

Діог. Во первыхъ лишенной разума и чувствъ, по немъ ничемъ недовольной, а по большой части безбожной человѣкъ. Ибо одинъ только сей по истиннѣ злощастенъ. Больной находитъ еще вспоможеніе и сожалѣніе у другихъ, а утѣшеніе и надежду въ самомъ себѣ. Лишившейся чувства, ли-

 шается

шается правда и веселія со онымъ сопряженнаго, имѣетъ худыя и досадныя воображенія, но находитъ не рѣдко приращеніе въ другихъ чувствахъ, а особливо въ разумѣ. безумной не чувствуетъ своего нещастія, но имѣетъ мнимое втомъ удовольствіе. безбожной человѣкъ всѣми людьми, Небомъ и самимъ собою ненавидимъ, и не находитъ въ нещастіи своемъ никогда ни сожалѣнія, ни прибѣжища, ниже утѣшенія и надежды; слѣдовательно принужденъ необходимо отчаяться, что и есть высочайшею степенью злополучія.

Алекс. На чемъ же можно основать истинное удовольствіе?

Діог. На сихъ краткихъ предложеніяхъ, въ которыхъ не малое время упражняться должно. Помышляй, что ты подчиненъ всесильной, милосердой, и правосудной Власти, которая все распоряжаетъ. благодари ее, что она тебѣ надъ многими тысещами протчихъ тварей толь славное даровала преимущество, поставя тебя въ свѣтъ разумнымъ созданіемъ. И такъ старайся яко человѣкъ исполнять твою должность, то есть жить разумно. Употребляй дарованное тебѣ имѣніе въ твоемъ состояніи съ мудростію и воздержаніемъ къ поспѣшествованію твоего и другихъ людей благополучія. Преодолѣвай страсти и злыя похоти съ непоко-

поколебимымъ великодушіемъ. Не завидуй и не презирай никого за вящѣе или меншѣе его благополучіе, но пользуйся твоимъ спокойно. Между тѣмъ старайся о праведномъ имѣніи, и прилѣжи къ непорочной жизни. То никакое щастіе не здѣлаетъ тебя необузданнымъ, гордымъ и дерзновеннымъ, и никакое злополучіе не приведетъ тебя въ печаль и уныніе. Словомъ: *терпи, убѣгай и надѣйся.*

Переведено съ Нѣмецкаго.

VII.

О НЕУДОВОЛЬСТВІИ.

Crescit indulgens ſibi dirus hydrops.

Horatius.

Жестокая водяная болѣзнь усилиается, когда оную нѣжишъ.

Горацій.

РАзговоръ между Александромъ и Діогеномъ сообщенной предъ симъ читателямъ въ еженедѣльныхъ листахъ возбудилъ во мнѣ размышленія о толь много хвалимомъ симъ Философомъ презрѣніи тлѣннаго свѣтскаго имѣнія. Предложенные его хотя изъ языческой Философіи доводы безъ сомнѣнія достаточны къ наученію разумныхъ людей. Каждой съ нимъ будетъ втомъ согласенъ, когда онъ утверждаетъ, что удовольствіе духа есть наивящѣе благополучіе въ жизни нашей

нашей. А я присовокупляю къ сему, что наизлѣйшей и всегдашней непріятель во оной есть неудовольствіе. Ни знатнѣйшія особы ниже подлость не могутъ почитать себя свободными отъ онаго Да еще въ тѣхъ сильнѣе оное оказывается, которыхъ внѣшняя величавость, великолѣпіе и богатство другихъ думать побуждаетъ, что удовольствіе ихъ совершенно.

Я не спорю, чтобъ человѣкъ не могъ быть доволенъ на короткое время. Когда честолюбивой получитъ достоинство, котораго онъ искалъ; скупой пріобрѣтеніемъ желаемаго прибытка утолитъ денежную жажду, сластолюбивой насытитъ плотскія похоти; то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они во время наслажденія сими мнимыми ихъ благополучіями себѣ не воображали, что ихъ удовольствію нималаго ущерба учиниться не можетъ. Но лишь только здѣлаются участниками своего желанія, то находятъ ужѐ оное недостаточнымъ и прихоти ихъ еще болѣе возбуждаются.

Онорій знатностію предковъ своихъ и собственными заслугами обрѣлъ милосердіе государя своего. благосклонность сего князя снабдѣваетъ его богатствомъ, и возвышаетъ надъ всѣми протчими подданными. Государь его любитъ; а протчіе всѣ его боятся и почитаютъ. Все повинуется его повелѣніямъ, подъ его правленіемъ весь княжеской дворъ королевскому въ великолѣпіи и славѣ ни мало не уступаетъ. Князь самъ

думаетъ

думаетъ, что власть его увеличивается, когда честолюбіе министра его умножается. Не взирая нато Онорій при всѣхъ своихъ высокихъ чинахъ недовольнымъ является. Князя его высочество и власть для него малы. Толь малая земля не можетъ обьять толь великаго духа. Желаніе ко всегдашнему повышенію побуждаетъ его почитать свое состояніе презрительнымъ и маловажнымъ. И такъ Онорій ищетъ большаго двора. Искуство его и тамъ всѣмъ скоро явно становится. Онъ привлекаетъ къ себѣ сердце новаго своего государя, которой его въ короткое время всѣмъ тѣмъ предпочитаетъ, кои съ начала произвожденію его способствовали. Онорій почитаетъ теперь себя совершенно щастливымъ. Онъ будучи въ милости у сильнаго короля не можетъ болѣе возвыситься. Но чтожъ еще безпокоитъ Онорія? Что побуждаетъ его Монарху своему совѣтовать къ начатію опасной войны противъ сильнаго сосѣда? Для чего нарушаетъ онъ бракъ наслѣднаго принца съ принцессою, дочерью сильнѣйшаго короля? Насильная его кончина, когда оной посреди своихъ пріятелей разбойнически заколотъ, показываетъ, что онъ не безъ причины боялся. И такъ причины войны и препятствіе брака стали теперь явны. Онорій хотѣлъ войною отмстить за увѣщаніе, избавившее его отъ наступающаго нещастія, которое навлекъ было онъ на себя безумными желаніями. Невинной случай, ко-

тда при дворѣ королевской невѣсты другой въ королевскую карету собственною его медлѣнностію прежде его сѣлъ, несмотря нато что принцъ потомъ мѣсто ему уступилъ; и страхъ, чтобъ принцесса у будущаго своего супруга болѣе его министра недѣйствовала, подаютъ ему довольно причинъ посвятить гордости своей и честолюбію благополучіе государства и удовольствіе своего государя. Всѣ его пріятели теперь признаются, что Онорій никогда недовольнѣе и безщастнѣе не казался, какъ въ наивящемъ своемъ благополучіи.

Гулозъ, дворянинъ не убогой, былъ во многихъ иностранныхъ земляхъ и жилъ вездѣ весьма славно. Въ селѣ своемъ велѣлъ онъ построить великолѣпной замокъ. Въономъ не не достаетъ ничего къ украшенію, спокойствію и великолѣпію служащаго. Покои такъ расположены, что при проходѣ оныхъ главнѣйшія перемѣны четырехъ временъ года видѣть и чувствовать можно. Ни одного дня не проходитъ, чтобъ Гулозъ не былъ посѣщаемъ своими пріятелями. Всѣ чужестранные находятъ у него желаемой пріемъ. Гулозовъ столъ изъ всѣхъ великолѣпнѣйшей. Онъ имѣетъ славу, что никто на пятьдесятъ миль кругомъ не имѣетъ такого хорошаго повара, такихъ искусныхъ музыкантовъ, и такой славной охоты, какъ онъ. Гулозъ помышляетъ денно и ночно отомъ, какимъ бы образомъ апетитъ свой еще болѣе удоволь-

вольствовать, спокойствіе свое увеличить и веселіе свое учинить совершеннѣе. Теперь лишь только вступилъ онъ на сороковой годъ: а роскошное его житіе тѣло его привело въ дряхлость. Самыя сладкія пищи кажутся ему невкусны: самыя мягкія постели кажутся ему жестки. Никакая музыка не можетъ утолить чувствія его болѣзней, и успокоить духъ его. Кто же нещастливѣе и бѣдняе Гулоза? въ тѣлѣ и душѣ котораго толь сильно любимая имъ роскошъ, становится жесточайшею мукою.

Лезиній имѣлъ отцемъ бѣднаго поселянина. бѣдственное его состояніе принудило его работать у другаго поселянина и пасти скотъ его. Кусокъ сухаго хлѣба, и питіе воды изъ чистаго источника не токмо его насыщали, но и увеселяли. Никто не былъ бодрѣе и веселѣе Лезинія въ семъ его состояніи. Онъ употреблялъ весь умъ свой нато, чтобъ показаться на свадбѣ или на крестинахъ въ бѣломъ балахонѣ. Къ нему нечаянно пришла вѣдомость, что дядя его въ сосѣдственномъ большомъ городѣ умеръ и что ему досталось въ наслѣдство двадцать тысечь ефимковъ. Лезиній оставилъ съ поспѣшеніемъ свое стадо и прежнѣе житіе. Необычайное владѣніе толь знатнаго богатства побудило желанія его еще къ большему пріобрѣтенію денегъ. Природная его способность научила его весьма скоро,

какъ бы ему оныя съ закладомъ или другимъ безопаснымъ образомъ раздавать, и умножать. Не не доставало ему случаю, чтобъ взять достойную жену: но онъ всѣмъ отказывалъ подъ такимъ видомъ, что хотѣлъ прежде умножить наслѣдное свое имѣнїе до тритцети тысечь ефимковъ, въ чемъ щастїе ему и послужило. По предложенїи ему вторично хорошей женидбы согласился онъ напослѣдокъ съ тѣмъ, когда будущей его тесть въ брачномъ договорѣ обяжется приживаемыхъ имъ въ бракѣ дѣтей принимать въ свое усыновленїе и ихъ воспитывать. Какъ на сїе не соглашенось, то остался Лезинїй нежелатъ и гораздо сталъ скупяе. Всегда приносилъ онъ досадныя жалобы на худыя времена, и на великую ево бѣдность. Онъ перешелъ къ Квакерамъ * и принужденъ былъ слышать отъ

* Квакеры, есть извѣстная секта, начавшаяся въ Англїи въ 1649. году. Начальникъ оной былъ башмашникъ въ Англїи Георгъ Фоксъ. Званїе Квакеровъ приложено имъ на Аглинскомъ языкѣ отъ дрожанїя: потому что нѣкоторые изъ нихъ при объявляемомъ ими вдохновенїи оцѣпеневая, необычайно тѣломъ и членами трясутся и дѣлаютъ чрезвычайныя движенїя. Между прочими заблужденїями почитаютъ они неправеднымъ чинить въ вѣрности присягу и не хотятъ снимать ни предъ кѣмъ шляпы, называя всѣ знаки внѣшняго почитанїя суетою, зачто они особливо претерпѣли въ Англїи не малое гоненїе во владѣнїе короля Карла II.

отъ всѣхъ такія рѣчи, будто онъ то только для того здѣлалъ, чтобъ не снимать съ головы шляпы, и оную частымъ прикосновеніемъ напрасно не мять. Вся ево поступка была брюзглива и скучна. Прежняя бодрость его совсѣмъ миновалась, а попеченія здѣлали его толь безобразнымъ, что ни одинъ изъ его друзей не могъ его узнать. Ни одинъ листъ на деревѣ вѣтромъ въ такое движеніе не приводится, въ какое подозрѣніе и страхъ приведенъ нравъ его. Какъ ему одинъ изъ его должниковъ заплатилъ возвратно тысечу ефимковъ и онъ ихъ по учиненномъ счетѣ замкнулъ въ желѣзной въ каменную стѣну вдѣланной сундукъ, то захотѣлось ему оныя въ другой разъ пересчитать. Но притомъ взялъ онъ твердо въ голову, что надлежитъ быть въ сундукѣ его двумъ тысечамъ ефимкамъ, затѣмъ что онъ ихъ два раза считалъ. Сіе причинило его нещастіе. Ибо по нѣсколькихъ дняхъ не нашедъ во ономъ болѣе тысечи ефимковъ запечалился онъ о мнимой утратѣ другой тысечи, кою онъ отъ сугубаго считанія получить надѣялся, и сія печаль была причиною его смерти. Никто неоспоритъ, чтобъ Лезиній съ великимъ своимъ богатствомъ не былъ бѣднѣе и недовольнѣе тово, каковъ онъ въ пастушьемъ своемъ состояніи находился.

При разсмотрѣніи сихъ примѣровъ можетъ быть читатели помыслятъ о томъ далѣе, отъ

чего

чего имѣетъ свое начало такая ненасытимость человѣческихъ желанiй, и со оною непрестанно сопряженное неудовольствiе. Имъ не покажется противно, когда мысли ихъ обращу на печальное грѣхопаденiе первыхъ нашихъ прародителей. Сiе есть безъ сомнѣнiя источникъ какъ нашего несовершенства, такъ и неудовольствiя. Въ благополучномъ состоянiи непорочности дарованное имъ совершенство привлекало чувства и желанiя ихъ къ любви и удивленiю вѣчнаго Существа, и сами твари служили во обще имъ ктому, чтобъ познавать изъ того премудрость Творца, постигать его Всемогущество и возсылать Ему хвалу. Склонность къ совершенству хотя въ человѣкѣ и осталась; но какъ сная отъ потеряннаго познанiя и любви безконечнаго Существа, обратилась въ конецъ имѣющей твари, то не можетъ никто надѣяться найти въ ней совершеннаго удовольствiя.

Нѣтъ ничего такого, чтобъ могло человѣка удовольствовать, естьли онъ не побуждается тѣмъ къ удивленiю и славѣ Создателя своего. Но что тому виною, что сердце свое прилѣпляемъ мы къ тлѣннымъ вещамъ? безъ сомнѣнiя сiе, что мы мысленнымъ желанiямъ во всемъ даемъ преимущество, которыя наконецъ толь сильно сердцемъ овладѣютъ, что сила разума и познанiя совсѣмъ отъ того истребится, и человѣкъ

ловѣкъ придетъ въ такое состоянїе, въ которомъ онъ не токмо во снѣ но и въ бдѣнїи многое дѣлаетъ, чего и самъ не знаетъ.

Непостоянство всѣхъ вещей должно бы было насъ само собою увѣрить, что оныя намъ никакой непрерывной радости причинить не могутъ. Мы радуемся, когда раждаются дѣти, а должно бы было намъ въ то время по справедливости помышлять, что они для того только родились, чтобъ паки умереть. Мы печемся о богатствѣ и не разсуждаемъ того, коль многїе случаи могутъ насъ лишить онаго. Но положимъ, чтобъ человѣкъ имѣлъ причину величаться благополучїемъ своимъ до самой кончины, и жилъ бы въ великой чести, богатствѣ и изобилїи; однакожъ онъ долженъ будетъ признаться, что опасность, досада, скука и попеченїя были неразлучными спутниками сего мнимаго его благополучїя. И что же останется ему наконецъ отъ его чести, богатства и хорошаго житїя по смерти? Ничего кромѣ угрызенїя совѣсти, которое душу неразумнымъ наслажданїемъ таковаго временнаго благополучїя тѣмъ силнѣе мучить станетъ.

А понеже собственное наше и временныхъ вещей качество совершеннаго удовольствїя въ мїрѣ причинить не можетъ; то помышлялъ я самъ въ себѣ, какимъ бы обра-

зомъ

зомъ могъ я пользоваться такимъ несовершенствомъ тлѣнныхъ имѣній и происходящимъ отъ того въ человѣкѣ неудовольствіемъ. О семъ разсуждая научился я познавать особливо тлѣнность и скорое теченіе всего временнаго.

безпокойствіе души человѣческой и происходящее отъ того желаніе казалися мнѣ проводниками безконечнаго милосердія, чрезъ которое не нашедъ въ мірѣ семъ ничего ко успокоенію нашему, провождаемся мы къ прежнему началу всѣхъ совершенствъ.

Такимъ образомъ не можетъ меня несовершенство всѣхъ временныхъ вещей учинить недовольнымъ, но паче довольнымъ. Я научаюсь изъ сего любить не твореніе само собою, но воздавать хвалу Создателю. Я знаю, сколь сильно горящія желанія ищущихъ единственно своего блаженства въ земныхъ вещахъ ненасытимостію ихъ мучатъ; и потому разсужденіе объ ономъ служитъ мнѣ къ тому, что я не завидую ничьему благополучію и живу доволенъ всѣмъ тѣмъ, что отъ Неба мнѣ низпосылается.

Перепедено съ Нѣмецкаго.

VIII.

VIII.

ЕЛЕГІЯ.

О вы мѣста, гдѣ я съ любезною свидался,
Гдѣ страстный духъ во мнѣ любовію питался;
Я къ вамъ теперь, мѣста любезныя спѣшу
И къ вамъ я горести души моей сношу:
Но вы меня мѣста, луга, лѣса встрѣчайте,
И вѣсть пѣчальную изъ устъ моихъ внимайте,
Которую я вамъ со вздохами дамъ знать.
Престаньте птицы пѣть, умолкните летать
Збирайтесь всѣ ко мнѣ мою услышать муку
И жалостну моей возлюбленной разлуку,
Вы будьте мнѣ въ бѣдахъ участницы моихъ
Я вамъ откроюся въ нещастіяхъ своихъ;
Стенаньи вы мои во всѣ мѣста промчите
И пѣніемъ мое нещастье разнесите
Въ прекрасную страну любезныя моей!
Опойте жизнь мою мучительную ей.
Когда съ моею я любезной разлучился,
Когда въ послѣдній разъ съ дражайшею простился,
Съ тѣхъ поръ стенаю я! грущу! покоя нѣтъ!
И съ той минуты я возненавидѣлъ свѣтъ!
Въ глазахъ она моихъ куда ни обращуся
И вспомня лишъ ею слезами обольюся
Вездѣ прелестный взоръ мнѣ слѣдуетъ вездѣ
Краса ею отъ глазъ не кроется ни гдѣ
Изъ устъ ею къ себѣ я клятву ту внимаю,
Умру любовницѣй! тебѣ себя вручаю!
Но ахъ сіе мечта, почто ласкаюсь симъ.
Не зрю ужè конца нещастіямъ моимъ.
Почто и матерня утроба мя родила?
Почто меня на свѣтъ судьба производила?
На толи чтобы мнѣ драгую полюбить?
И съ ней меня потомъ на вѣки разлучить.
Колико чувствуетъ мой духъ ею лишенье
Сія напасть мое перемогла терпѣнье:

Ужас-

Ужасныя слова, хладѣетъ кровь во мнѣ
Стекаются бѣды, напасти всѣ ко мнѣ!
Вотъ грудь плѣненная къ мученію терзайте,
И жизнь несносную нещастьи прекращайте,
Изъ тѣла рвите духъ, вы пейте мою кровь
Тушите въ сердцѣ жаръ и вѣрную любовь:
Пускай умру и дни плачевныя скончаю
Но смертію я сей любьви не потеряю.
Когда я буду свѣтъ на вѣки оставлять,
Тогда скажу его причиною въ семъ мать:
Она была ко мнѣ и къ ней немилосерда
Она единая была жестокосерда,
Что я красавицы моей на вѣкъ лишенъ!
И отъ прелестнаго лица я отдаленъ!
Но сердце было ахъ его ко мнѣ какъ камень
Или не жегъ его совсѣмъ любовный пламень?
Она единая свершила то со мной,
И чемъ я потерялъ блаженный свой покой.
Вотъ жалобы мои лѣса, луга внемлите,
И купно съ птицами плачевно востените:
Я вамъ мѣста, мѣста прекрасныя вѣщалъ,
Гдѣ я по всякій день съ возлюбленной гулялъ;
Свидѣтельствуйтесь мной, колико жилъ я вѣренъ!
И какъ я былъ всегда драгой нелицемѣренъ!
Вы омывайтесь днесь мѣста въ крови моей
Я сердце страстное пронзилъ рукой своей.
Вѣщайте жизнь мою нещастну каждымъ лѣтомъ,
Что вы покрыты мной поля багрянымъ цвѣтомъ.
Воспоминайте всѣмъ сей мой ужасный день,
Въ которой здѣсь меня покрыла смертна тѣнь!
Терзайте мя потомъ вы лютыя здѣсь звѣри;
Я зрю отверсты мнѣ уже ко смерти двери!
Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ ... изъ тѣла духъ влечетъ...
Прости любезная! ... прости ... прости мой свѣтъ!

IX.

IX.

Іюля 31. дня.

На преславную побѣду полученную Россійскимъ войскомъ надъ Прускимъ въ Силезіи, 12. Іюля 1759 года.

Европа и весь свѣтъ, Монархиня, свидѣтель,
Предъ Вышнимъ коль Твоя любезна добродѣтель.
Онъ ревность храбрую въ полки Твои вложилъ:
И гордыхъ сопостатъ коварну мочь сломилъ
Бѣгутъ рассыпаны, зря прежніе Трофеи,
И посрамленія сугубятъ тѣмъ идеи.
О нашемъ торжествѣ противники скорбятъ,
Союзники Твою святую вѣрность чтятъ.
О счастливъ, счастливъ, кто десницу ту лобзаетъ,
Которой силами богъ гордыхъ усмиряетъ.

Писано въ Гостилицахъ 25. Іюля тогожъ года.

X.

ХУЖЕ ЛИ СВѢТЪ СТАЛЪ ПРЕЖНЯГО?

Общее мнѣніе между людьми владычествуетъ, что свѣтъ сталъ нынѣ гораздо хуже, нежели былъ прежде. Всякъ лехко понять можетъ, что сіе говорится не о натуральномъ, но о моралическомъ состояніи свѣта, несмотря на то что есть люди, кои утверждаютъ, что свѣтъ, по натуральному и тѣлесному своему состоянію, мало по малу ветшая и приходя отъ времени до времени въ большее несовершенство, становится хуже. Они думали утвердить сей вопросъ разными причинами по состоянію нынѣшнихъ временъ, сказывая: что люди удалились во всемъ отъ благородной простоты, поощрявшей прежде сердца человѣческія, и что непорочное обхожденіе другъ съ другомъ, истинное простосердечіе и праводушіе въ дѣлахъ со всѣмъ ужѐ изчезли, вмѣсто которыхъ наступили лѣсть, ложъ и притворство съ презрительною корыстью соединенное.

Тѣ, которые взираютъ на свѣтъ непросвѣщеннымъ окомъ, разсуждаютъ о немъ по своему собственному состоянію. Старикъ вспоминаетъ, что во время его юношества цѣна съ-

съѣстныхъ припасовъ была гораздо ниже, нежели нынѣ. Свѣтъ ему кажется гораздо хуже, потому что изобиліе во всѣхъ вещахъ, и другой порядокъ житія произвели дороговизну; но того не помнитъ, что въ древнѣе время недостатокъ въ деньгахъ былъ гораздо болѣе, нежели нынѣ. Исторія научаетъ насъ, что зло и добро всегда были въ свѣтѣ въ одно время и по перемѣнно въ ономъ владычествовали, и тѣмъ предлагаетъ неопровергаемыя доказательства, что время наше имѣетъ великое преимущество предъ временемъ нашихъ предковъ. Я предложу только единое преимущество весьма человѣческому благополучію поспѣшествующее. Оно состоитъ въ изкорененіи суевѣрія. Сей великой непріятель человѣческаго разума содержалъ прежде подъ своимъ игомъ всѣ народы, не выключая и людей ученыхъ. Но мы наслаждаемся нынѣ такимъ временемъ, въ которомъ наибольшая часть земныхъ обитателей отъ онаго благополучно освободились.

Естьли мы на древнѣйшія времена обратимся, то найдемъ въ оныхъ гораздо болѣе недостатку, а болѣе совершенствъ въ продолженіи послѣдующихъ временъ. Сколько наукъ и художествъ изобрѣтено въ послѣдующія времена, кои древнимъ совсѣмъ были неизвѣстны? Я упомяну только о медицинѣ и физикѣ, кои древнимъ были малознаемы. Посредствомъ анатоміи узнали истинное

 строеніе

строенїе тѣла человѣческаго и основали медицину на справедливыхъ и неопровергаемыхъ правилахъ, которая прежде основана была на сомнительномъ и несправедливомъ искуствѣ. Тожъ самое можно сказать и о физикѣ, помощїю которой существо тѣлъ нынѣ гораздо лучше познается, нежели прежде. Приступимъ еще къ другому предложенїю и разсмотримъ войну. Древнїе народы имѣли войну съ гораздо большею жестокостїю, нежели нынѣшнїе. Недовольствуясь они одержанною надъ непрїятелемъ побѣдою, производили повсюду разныя безчеловѣчїя. Цѣлые городы и страны опустошали, грабили и въ пепелъ обращали, а плѣнныхъ въ жестокое невольничество заключали. Но нынѣ уже и варвары наблюдаютъ народныя права, ибо хотя ненавидятъ они непрїятелей, но хранятъ человѣколюбїе. Нынѣшнїя войны производятся съ наибольшимъ великодушїемъ, и сколько возможно стараются щадить городы и подданныхъ побѣжденнаго государства, наблюдая въ войскѣ своемъ строгой военной порядокъ.

Правда, что война бываетъ всегда съ бѣдствїями нераздѣльна, и не можетъ прекращена быть безъ причиненїя людямъ нещастїя; но нещастїя сего нельзя сравнить съ тѣмъ вредомъ, какой въ древнїя времена войны производили. Кто же осмѣлится утверждать, что людскїе нравы въ нынѣшнїя времена

испор-

испорчены? Правда, что нынѣ притворство весьма умножилось; но въ древнія времена находимъ мы еще гораздо большей порокъ.

Хотя въ то время и не притворствовали, однако ненависть и злобу доводили они до самой крайности. Вражды тогда были непримиримыя и всякъ старался изъискивать способа ко вреду своего непріятеля. Однимъ словомъ всякъ изъ нихъ намѣренъ былъ жить съ соперникомъ своимъ въ непримиримомъ несогласіи. Напротивъ того въ нынѣшнихъ ссорахъ не доходятъ до такой крайности, потому что оныя притворствомъ закрываютъ. Всякъ оказываетъ непріятелю своему нѣкоторыя учтивости, наблюдая притомъ гражданскія должности одинъ противъ другаго. Таковыми поступками должно ожидать между непріятелями скорѣйшаго примиренія, а въ древнія времена старались продолжать злость отъ часу болѣе разными обидами, и потому нынѣшнюю непріязнь должно предпочесть древнѣй. Наконецъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ щитаютъ также между недостатками нынѣшнихъ временъ, не разсуждая, что по недостатку денегъ прошедшихъ временъ были они не дешевлѣ. Положимъ, что дороговизна принадлежитъ къ недостаткамъ нашихъ временъ, но со всѣмъ тѣмъ можно сказать, что оная причиняетъ еще не малую пользу. Коль многія невоздержанія и роскоши производились напредь сего

во время праздничныхъ дней! Коль великое истощенїе требовали свадебныя пиршества! Не только родственники и прїятели, но и великое множество иностранныхъ на оныя были созываемы. Они препровождали нѣсколько дней сряду въ кушанье и питїи, причемъ росходы были такъ велики, что новосочетавшїеся оными бы нѣсколько времени содержать себя могли, не упоминая, что нѣкоторые по окончанїи сихъ торжествъ разныя болѣзни претерпѣвать принуждены были, и потому можно со всякою справедливостїю назвать оныя жестокими благодѣянїями. Но въ нынѣшнемъ вѣкѣ производятъ торжества гораздо порядочнѣе и разумнѣе. Не приводя болѣе примѣровъ, можно сказать, что нынѣ умѣютъ при таковыхъ торжествахъ веселиться больше хорошимъ вкусомъ, нежели безполезнымъ изобилїемъ.

Пиршества производились еще при погребенїяхъ и протчихъ печальныхъ случаяхъ, что и до нынѣ еще не совсѣмъ изъ употребленїя вышло. О бѣдныя увеселенїя смѣшенныя изъ радости и печали! Можетъ быть, что намѣренїе нашихъ предковъ было притомъ и похвально. Ибо желая они предъупредить худымъ слѣдствїямъ, отъ чрезвычайной печали раждающимся, думали ободрить сердце рюмкою вина. Сїе употребленїе не совсѣмъ уничтожено, но умѣрены къ тому потребные росходы.

Я

Я бы могъ привести многїе примѣры и приключенїя, показующїя преимущества временъ нашихъ предъ прежними; но всякому позволяется принять сей трудъ и разсмотрѣть оныя. Все то, что мы достохвальнѣйшаго въ древнихъ находимъ, есть единая честность. Хотя я у нихъ сего преимущества не отнимаю, однако и то правда, что она обще съ ними не изчезла, потому что и въ нынѣшнемъ свѣтѣ есть множество искреннихъ друзей и честныхъ людей.

Ненависть, злоба, ложь и лѣсть не совсѣмъ же и древнимъ были неизвѣстны. Единое только различїе находимъ мы между древними и нынѣшними временами, которое состоитъ втомъ, что дружбу они почти до опасной повѣренности, а злобу до самаго безчеловѣчїя доводили; но нынѣ въ дружбахъ болѣе осторожности и искуства, а въ злобахъ болѣе притворства, нежели жестокости употребляютъ.

О коль щастливы мы, что божїе провидѣнїе дозволяетъ намъ наслаждаться опредѣленною намъ жизнїю въ толь просвѣщенное время, въ которое суевѣрїе изчезло и мракъ невѣденїя изгнанъ! Можетъ быть, что нѣкоторые будутъ читать сїе съ немалымъ неудовольствїемъ, роптать на мое предложенїе и приписывать худое время испорченнымъ нравамъ. Пускай полагаютъ они ихъ щастїе и нещастїе въ снахъ по

мнѣнїю древнихъ народовъ. Пускай рвутъ свои волосы по обычаю древнихъ Нѣмцовъ при новыхъ вымышленїяхъ. Пускай управляютъ себя по обыкновенїю стараго свѣта и обожаютъ ихъ древнїя обычаи. Пускай остаются при принесенїи ихъ идолослужебныхъ жертвъ. Но мы слѣдуя напротивъ того разуму, и его умѣреннымъ склонностямъ пребудемъ въ благородствѣ и наслажденїи нашего благополучїя, не предписывая себѣ заблужденныхъ правилъ, кои сами въ себѣ противорѣчїе содержатъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XI.

ПРИТВОРСТВО СУПРУГОВЪ.

Нѣтъ еще шести лѣтъ, какъ прекрасная Миладїя выдана своими опекунами за Лорда***, которой по согласїю всей Англїи получилъ въ ней все то, что любовь и щастїе могли ему даровать наидрагоцѣннѣйшаго. Она была въ цвѣтѣ нѣжныя младости, и неменьше разумомъ какъ и красотою сїяла. О какъ бы онъ ею могъ быть благополученъ, естьлибъ инаго былъ сложенїя! Но по нещастїю принадлежалъ онъ въ число такихъ людей, кои въ женскомъ полѣ единое токмо удовольствїе находятъ, и

супругъ

супругъ своихъ новымъ домашнимъ уборомъ почитая, въ собесѣдiи ихъ скоро перестаютъ имѣть увеселенiе.

Чрезъ мѣсяцъ времени по ихъ сочетанiи истощила Миладiя всю Лордову къ себѣ горячность, и кромѣ холодности ничего въ немъ не оставила, за которою вскорѣ послѣдовало отвращенiе. Изумленiя, привѣтливости, старанiя, каковыя сiя безвинная къ приведенiю его паки въ любовь свою употребляла, стали ужѣ ему казаться скучными, а наконецъ и несносными. Показывая ей съ начала много любьви, не безъ причины думалъ онъ, что скоропостижная таковая перемѣна ея горячность и самолюбiе не мало потревожитъ, и сталось такъ: прекрасная въ немалое пришла огорченiе, но притомъ столько была разумна, что всѣми силами старалась, чтобъ не притти чрезъ то въ нещастiе, отъ котораго, распознавъ ужѣ нравъ супруга своего, никакова себѣ избавленiя не надѣялась: и для того всячески скрывала свое неудовольствiе, кое наконецъ до такой возрасло степени, что она внутренно виновника онаго презирать стала. Оба, въ одно почти время, почувствовали, коль жестоко они другъ друга возненавидѣли. Между тѣмъ будучи одарены хитрою прозорливостiю, старались только о томъ, какъ бы другъ отъ друга скрыть истинныя свои мнѣнiя, подъ видомъ ласки и наираболѣпнѣйшаго послушанiя.

Сїя взаимная ненависть не могла продолжаться болѣе. Лордъ узналъ свою погрѣшность. Рѣдкїя и завидныя супруги его свойства, благодарность, коею ей былъ обязанъ и прекращенїе прежнихъ увеселенїй, индѣ тщетно имъ исканныя, побудили его нечувствительно, чтобъ всѣ возможныя испытать старанїя, какъ бы возобновить въ себѣ паки тотъ жаръ, коимъ нѣсколько мѣсяцовъ назадъ сердце его къ ней пылало. Но любовь съ обѣихъ сторонъ уже изчезла, а безпристрастному смыслу рѣдко удается воспалить оную паки. Лордъ пришедъ отъ состоянїя своего въ отчаянїе, и не находя для себя въ мятежномъ мїрскомъ житїи никакихъ прелѣстей ниже увеселенїй; къ обыкновенномужъ земляковъ своихъ средству прибѣгнуть довольно великодушїя не имѣя, принялъ намѣренїе ѣхать въ свои деревни и искать отрады въ деревенскихъ забавахъ. Новой таковой жизни представленїе ласкало его не мало, особливо для того, что разлучится съ своею супругою; а хотя, располагалъ онъ, притворное ея привѣтствїе и толь далеко простираться будетъ, что она тудажъ со мною ѣхать согласится, однако внутренная печаль о выѣздѣ изъ Лондона, сожалѣнїе, что болѣе въ него уже не возвратится, скучная простота житїя сельскаго вгонятъ ее скорѣе въ могилу и давно желаемымъ вдовствомъ наслаждаться

меня

меня допустятъ. Предложилъ онъ намѣреніе свое и Миладіи, которая приняла оное какъ нещастливѣйшая особа въ свѣтѣ; однако будучи великодушна, ни печали ни неудовольствія не показала. Сіе тронуло Лорда толь чувствительно, что онъ не токмо усугубилъ свое къ ней почтеніе, но и не сталъ болѣе тщиться обманывать ея ложными видами страсти, каковой въ сердцѣ его не было. Нѣсколько дней спустя поѣхали оба въ провожаніи всего ихъ дома; и только лишь стѣны Лондонскія изъ виду потеряли: то Лордъ началъ вдругъ говорить Миладіи,
„ Признаюсь любезная, и открываю те-
„ перь искренно, что болѣе къ тебѣ любьви
„ ужѐ не чувствую; я таковожъ глупо сіе
„ дѣлаю, какъ и тогда, какъ въ первой разъ
„ увѣрялъ тебя притворно о своей горячно-
„ сти. Признайся дражайшая, съ такою
„ же чистосердечностію, какъ и я тебѣ
„ признаюсь, что насъ ѣдущихъ нынѣ вмѣс-
„ тѣ провождать жизнь въ деревнѣ, одна
„ только льститъ надежда, и со временемъ
„ намъ благополучнѣйшіе дни обѣщаетъ,
„ истинно одна та: что ты думаешъ меня
„ пережить и наслѣдовать все имѣніе, а и я
„ тожъ, да еще можетъ быть жду того
„ съ большею нетерпѣливостію, нежели ты!
„ Кленусь тебѣ, что болѣе меня ужѐ не-
„ прельщаешъ, да и ты я чаю въ разсужденіи
„ меня такихъ же мыслей. Согласимся, какъ бы

„ бы обмануть нашихъ сосѣдей, чтобъ не
„ примѣтили, что мы другъ друга внутренно
„ ненавидимъ.

„ Дражайшій Милордъ, отвѣтствовала Миладія, (не удивляясь нимало такому привѣтствію) „ ты долгое время жилъ при дворѣ, да
„ знаешь же, что и мнѣ сіе житье не совсѣмъ
„ невѣдомо. Тамъ тотчасъ дружескими
„ выраженіями изъявляютъ свое доброжела-
„ тельство; злоба же напротивъ того по-
„ литикою и притворствомъ закрывается.
„ Но иногда благопристойность продол-
„ жается не долго и противныя другихъ
„ мнѣнія изтребляютъ учтивость. И
„ такъ душа моя, начто намъ переста-
„ вать притворствовать; хотя кто насъ
„ и увидитъ, однако почему знать тай-
„ ныя наши мнѣнія. А чтобъ тебѣ дока-
„ зать, что сей одинъ способъ съ нашимъ
„ намѣреніемъ согласенъ, то знай, любе-
„ зный мой Милордъ, что хотя тому уже
„ мѣсяца съ три, какъ я тебя ненавижу
„ и тобой презираю, однако того примѣ-
„ тить конечно никто не могъ да и ты
„ самъ можетъ быть ласкалъ еще себѣ
„ надеждою, что я тебя люблю сердечно.
„ И такъ для меня пожалуй не принуждай
„ себя, ѣзди на охоту, играй, пѣй не опа-
„ саясь отъ меня выговоровъ. Я ни слова не мол-
„ влю, хоть въ какую худую славу ни при-
„ веди себя безпорядочнымъ своимъ житіемъ.„

Прибывъ

Прибывъ въ Гупландію, препроводили они тамъ нѣсколько дней съ тайною и взаимною нетерпѣливостію, пока Лордъ, выдумавъ другое по обстоятельствамъ ихъ средство, подошелъ въ одинъ день къ Миладіину уборному столику и говорилъ ей слѣдующее:

„ Любезная Миладія! я разсуждалъ, что „ весьма чистой воздухъ здѣшней стороны „ долго намъ будетъ препятствовать въ „ полученіи желаемаго благополучія. Вмѣ- „ сто того, чтобъ повредить, онъ лишь „ только укрѣпляетъ наше здоровье. Мы „ духомъ терзаемся, а тѣла наши какъ на- „ рочно часъ отъ часу получаютъ новую „ силу. Естьли намѣреніе твое не пере- „ мѣнилось, и также пребываетъ посто- „ янно какъ и мое, то надѣюсь, что „ Графство Эссексъ (*) можетъ лутче по- „ спѣшествовать оному. Естьли тебѣ пре- „ дложеніе мое угодно, такъ мы завтре „ отправимся, и по прибытіи туда за та- „ кое твое снисхожденіе всю тамошнюю „ деревню за тебя справлю и откажу.

Миладія, будучи всегда сговорчива и хитра, приняла не сттовариваясь, предложеніе своего супруга; и шесть мѣсяцовъ тамъ поживъ, по погребеніи его, благополучно въ Лондонъ возвратилась.

XII.

(*) Мѣсто низкое и болотное; и потому нездоровое.

Переведено съ Французскаго.

XII.

ЕПИСТОЛА

Государь мой!

Я Примѣтилъ въ случившихся мнѣ путешествїяхъ въ чужихъ краяхъ, что чѣмъ далѣе ѣдешь къ полудню, тѣмъ меньше получишь пищи а больше учтивостей. А наши сѣверные жители тѣмъ очень недовольны и они хотятъ лутче, чтобъ было побольше кушанья, а учтивости по меньше. Сїе случилось одному изъ господъ придворныхъ, когда ѣздилъ онъ съ покойнымъ королемъ Фридерикомъ IV. въ Италїю, то всегда заказывалъ онъ въ трактирахъ готовить кушанья на четыре человѣка, хотя онъ обѣдывалъ только одинъ. Учтивости же напротивъ того прибавляются, чѣмъ ближе подходишь къ Екватору или чѣмъ больше стоновятся градусы широты, такъ что на послѣдокъ здѣлаются нескладными и смѣшными. Здѣсь въ сѣверныхъ странахъ и до нынѣ довольствуются еще слѣдующими поздравленїями слуга вашъ или услужница; или какъ просто говорятъ здравствуй! а во Францїи сїе поздравленїе ужѐ не годится; ибо тамъ говорятъ: я имѣю честь быть вашимъ слугою. Въ Италїи еще и того больше: ибо тамъ и мужикъ мужику говоритъ:

ворить: Я покорный рабъ вашего господства; а въ Гишпанїи съ учтивостїю говорять и нищимъ, которые ходя по улицамъ просять милостыни: ибо вмѣсто того, какъ въ сѣверѣ говорятъ: богъ дастъ; или какъ Французы говорятъ: богъ да благословитъ: хотя нѣсколько по учтивѣе, но ничемъ несытнѣе, Гишпанцы употребляютъ особливыя учтивости, изъясняя, что какъ то имъ прискорбно, что они не могутъ подать имъ помощи и просятъ, чтобъ они не причли того въ обиду. На востокѣ, а особливо въ Китаѣ рѣчи весьма витїеваты, и учтивости удивительны, такъ что у нихъ кажется грубо, чтобъ изъяснить себя просто, все дѣлается у нихъ въ мѣру; по полу часу стоя у дверей дѣлаютъ поклоны кому на передъ войти: у нихъ и обѣдаютъ въ гостяхъ по тактѣ. Разные путешественники описали восточныя учтивости, которыхъ Европейцы не могутъ слышать безъ смѣху. Въ Персїи, на примѣръ, очень неучтиво, ежели скажешъ кому, что такой то умеръ; а вмѣсто тово надобно говорить: онъ подарилъ вамъ оставшее время, которое бы жить могъ. Шардинъ повѣствуетъ, что сїя учтивость однажды употреблена была не къ стати и подала притчину къ смѣху. Шахъ Аббасъ II. далъ одному служителю лошадь на сбѣреженїе, которая умер-

умерла подъ ево смотрѣнїемъ; а какъ шахъ спросилъ объ ней, то помянутой служитель сказалъ: она подарила Вашему Величеству оставшее время, которое бы жить могла, чему шахъ принужденъ былъ смѣяться, и сказалъ: благодаренъ, что ты даришъ мнѣ лошадиной вѣкъ. Сїе приводитъ мнѣ въ память одно сожалѣнїе, которое здѣсь употреблено было при погребенїи, гдѣ вмѣсто того, чтобъ сказать я сожалѣю, что вашъ батюшка скончался, сказано, чтобъ лутче и велерѣчивее выговорить, я сожалѣю, что вашъ любезный родитель такъ скоро преселился въ царство небѣсное, на что другой ему отвѣчалъ: я благодарствую за ваше сожалѣнїе, и желаю, чтобъ вашъ любезный родитель не такъ скоро туда вошелъ. Я съ моей стороны ничево такъ не ненавижу какъ подобныхъ сему излишнихъ учтивостей. Я есмь и протчая.

Переведено съ Дацкаго.

XIII.

XIII.

Августа 7. дня.

ЩАСТІЕ НЕ ОТЪ НАСЪ ЗАВИСИТЪ.

Славной Граціанъ въ книгѣ своей, *Придворной Человѣкъ* [Homme de Cour] называемой наставляетъ читателей своихъ, чтобъ они съ щастливыми людьми сообщеніе имѣли, а отъ обхожденія съ нещастливыми удалялись. Сіе наставленіе, хотя благородному духу покажется подлымъ, однако можетъ быть полезнымъ тѣмъ людямъ, кои ищутъ прибытку себѣ въ свѣтѣ. Сіе достовѣрно, что большая часть того, что мы щастіемъ или нещастіемъ называемъ, происходитъ отъ добраго или худаго разпорядка нашей жизни. На примѣръ: когда я слышу жалующагося человѣка, что онъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ удачи не имѣетъ, то безъ всякаго сомнѣнія почту я его за такого, которой за дѣла свои приниматься прямымъ образомъ не умѣетъ. Въ томъ же мнѣніи и Кардиналъ Ришелье обыкновенно говаривалъ, что по предсказанію разума всеодинако быть неща-

стливымъ и глупымъ. Какъ сей кардиналъ былъ весьма щастливъ, а притомъ и очень хитръ: такъ извѣстной соперникъ его графъ Оливарецъ у короля Гишпанскаго пришелъ въ немилость; потому что на него доказано было, что онъ ни въ какихъ предпріятіхъ не имѣлъ щастія. Сіе причину подало называть его скрытнымъ образомъ глупымъ.

Цицеронъ представилъ Римлянамъ Помпея генераломъ для трехъ причинъ, потому что онъ былъ храбръ, къ предводительству способенъ и щастливъ. безъ сомнѣнія предъявленная причина была сему основаніемъ, а именно, что безпрерывнымъ щастіемъ засвидѣтельствуется нѣкоторая предосторожность щастливаго человѣка; ибо не одинъ токмо Силла диктаторъ, но и многіе Римскіе Императоры къ многимъ другимъ прозваніямъ своимъ прилагали и сіе слово Феликсъ, то есть Щастливой, какъ сіе можно видѣть и нынѣ на манетахъ. Язычники, какъ кажется, въ самомъ дѣлѣ почитали человѣка для щастія его гораздо выше, нежели въ разсужденіи другаго какого качества; и сіе, по моему мнѣнію, людямъ жизни будущаго вѣка нечающимъ есть весьма свойственно. Ибо какъ можно

мнѣ

мнѣ понять, чтобъ человѣкъ нѣкоторыхъ отличныхъ заслугъ не имѣющій великимъ богатствомъ одаренъ былъ, а сїе богъ всевидящимъ своимъ окомъ видитъ, хотя намъ оное и непримѣтно? Для чего Гомеръ и Виргилій не допускаютъ своихъ героевъ ни къ принятїю намѣреній ни къ исполненїю ихъ предпрїятій безъ охраненїя и управленїя ими нѣкоего божества? безъ сомнѣнїя для того, что стихотворцы за великую честь себѣ почитали отъ боговъ быть любимымъ; и притомъ думали, что лучшей способъ хвалить человѣка состоитъ втомъ, чтобъ объявить тѣ объ немъ превозходства, кои имѣющему оныя придаютъ неотмѣнно отличныя предъ прочими заслуги.

Которые вѣрятъ имѣющей быть мукѣ и воздаянїю, тѣ поступаютъ весьма глупо, когда они о добродѣтеляхъ какого человѣка заключаютъ по его благополучїю. Ежели бы можно было весь предѣлъ бытїя нашего простирать токмо отъ часа рожденїя по часъ смерти: то за подлинно и я щастїе человѣка почиталъ бы за праведную мѣру и равномѣрную мзду заслугъ его; ибо Провидѣнїе не имѣло бы другаго случая къ награжденїю его за благїя дѣла индѣ какъ въ семъ вѣкѣ. Добродѣтельной язычникъ подъ игомъ нещастїя стенящей, имѣетъ

причину тожъ сказать, что брутусъ не за долго предъ кончиною своею сказалъ. *О добродѣтель! я почиталъ тебя яко нѣчто существенное, но вижу что ты только пустое названіе.*

А дабы возвратиться мнѣ паки къ намѣренію своему, то хотя прозорливость безъ сомнѣнія щастіе и нещастіе раздаетъ намъ великою мѣрою; однако бываетъ много нечаянныхъ случаевъ и приключеній, которыя часто и самыя хитрыя разпоряженія, какія человѣческое остроуміе токмо выдумать можетъ, уничтожаютъ. Къ бѣжанію не способствуетъ скорость, ни къ битію сила. По сему должно безконечной Премудрости надъ щастіемъ владычествовать самовластно: ибо самая великая мудрость человѣческая не можетъ никоимъ образомъ устоять противъ нечаянныхъ случаевъ могущихъ препятствовать дѣламъ нашимъ. Иногда же случается, что благоразуміе, которое всегда сопряжено бываетъ отъ большой части съ прозорливостію, человѣку воспрещаетъ пріобрѣсть такое щастіе, какое онъ можетъ быть безъ него получилъ бы. Человѣкъ стараясь достать то, что удобно снискать можно, и слѣдуя точно правиламъ человѣческой мудрости, не скоро достигнетъ до такого великаго и нечаяннаго благо-

благополучія, къ какому часто приводитъ людей веселое ихъ сложеніе и ощастливенная сумазбродная смѣлость. И сіе можетъ быть есть причиною, для чего, по общей пословицѣ, фортуна равно какъ женщина къ молодымъ людямъ является благосклоннѣе, нежели къ старымъ.

Но когда человѣкъ, говоря вообще, по слабости прозорливости своей не можетъ предвидѣть всѣхъ многоразличныхъ случаевъ могущихъ ему приключиться; то долженъ я согласиться со мнѣніемъ доктора Тиллотзона, какое онъ имѣлъ при нѣкоемъ случаѣ; а именно: естьли бы и можно было хотя нѣкоторымъ образомъ сумнѣваться о Провидѣніи, однако необходимо надлежало бы желать, чтобъ находилось такое безконечно премудрое и премилосердое существо, на котораго правленіе можно бы было намъ въ семъ вѣкѣ полагаться.

Сіе есть насильное самовольное мнѣніе, что мы благополучной предпріятія какого успѣхъ, приписываемъ благоразумію своему, и по сниканіи нѣкоего благополучія ласкосердствуемъ себѣ не ради того, что оно есть паче даръ небѣсный, но что добыча есть нашей хитрости. Мнѣ особливо показалась оная медаль, которую Аглинская коро-

королева Елисавета вскорѣ послѣ одержанной надъ непобѣдимымъ флотомъ побѣды зделать приказала въ вѣчную сего чрезвычайнаго случая память. Уже извѣстно, что король Гишпанской и другіе бывшіе сей великой Государынѣ непріятелями разбитіе онаго флота, для умаленія славы помянутой королевы, хотѣли лучше причитать бурной погодѣ, нежели храбрости Аглинскаго морскаго войска. Но королева Елисавета вмѣсто того, чтобъ ей почитать сіе за ущербъ своей чести, признала паче за особливое благодѣяніе божіе, и для того приказала на одной сторонѣ медали изобразить разбитой бурею флотъ, такъ чтобъ корабли онаго одинъ о другой ударялись съ слѣдующею богоугодною надписью: Afflavit Deus et dissipantur. то есть: *Богъ дуновеніемъ своимъ разсыпалъ ихъ.*

О нѣкоемъ славномъ Греческомъ генералѣ, коего имени теперь не припомню и которой былъ у фортуны особливымъ наперстникомъ, объявляютъ, что онъ, сказывая друзьямъ своимъ о всѣхъ своихъ побѣдахъ, при концѣ объявленія о великихъ дѣлахъ своихъ прибавлялъ слѣдующее: *и въ семъ Фортуна не имѣла никакого участія.* А въ исторіяхъ упоминается, что ему послѣ сего ни въ чемъ удачи не было.

И понеже гордость и своевольное мнѣніе о собственныхъ нашихъ талантахъ благоразумному и добродѣтельному человѣку весьма непріятны, то можно намъ тѣмъ наипаче разсудить, коль противны будутъ онѣ Высочайшему Существу, которое призираетъ токмо на кроткія сердца и многоразличными дарованіями своими, какъ кажется, наипаче показываетъ намъ то, что замыслы и хитросплетенныя наши разположенія не имѣютъ участія въ успѣхахъ нашихъ.

Упомянувъ при семъ разсужденіи о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, кои при сочиненіи онаго пришли мнѣ на память, заключаю оное слѣдующею краткою Персидскою баснею: капля воды упадши изъ облака въ море, и увидѣвъ себя въ несказанномъ множествѣ жидкой матеріи стала разсуждать о себѣ слѣдующимъ образомъ: *ахъ что я такое есмь въ семъ превеликомъ океанѣ! Бытіе мое здѣсь невѣдомо ни кому въ семъ свѣтѣ; я осуждена быть тѣмъ, что слоаетъ ничто, и я еще меньше всякой малѣйшей твари Божіей.* Но по случаю находящаяся близъ ея раковина нечаянно разтворилась и оную каплю во время сего уничиженнаго съ самою ея разговора въ себя ухватила. Сія капля, какъ

какЪ обЪявляется вЪ басьнЂ, долгое время лежа вЪ раковинЂ, напослЂдокЪ отЪ того премЂнилась вЪ жемчужину, которая попадшись вЪ руки водолаза по разнымЪ приключенїямЪ наконецЪ здЂлалась теперь оною славною жемчужиною, которая находится на верху Персидской короны.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XIV.

XIV.

О ЧЕСТОЛЮБІИ.

Ежели разсматривать душу особо безъ страстей ея: то представляется она унылою и недвижимою, косною въ ея предпріятіяхъ и слабою въ произведеніи ихъ въ дѣйство. По сему польза страстей состоитъ втомъ, чтобъ душу ободрять и приводить въ движеніе, разумъ возбуждать, волю укрощать и всего человѣка дѣлать бодрѣе и прилѣжнѣе въ исполненіи его намѣреній. Сіе общее страстей дѣйствіе простирается наипаче при честолюбіи, которое душу побуждаетъ къ такимъ предпріятіямъ, кои могутъ тому, кто ихъ производитъ, приносить честь и славу. А поступая въ размышленіяхъ нашихъ далѣе можемъ мы узнать еще болѣе намѣреній, которыя Провидѣніе имѣло при вложеніи сихъ страстей въ человѣка.

Для свѣта надобно было, чтобъ науки изобрѣтаемы и поправляемы, книги сочиняемы и потомству оставляемы, народы войною покоряемы и въ лучшее, въ разсужденіи нравовъ, состояніе приводимы были.

А понеже прямыя и истинныя побудительныя къ таковымъ великамъ дѣламъ причины единственнобъ дѣйствіе имѣли въ душахъ добродѣтельныхъ, тобъ не много исправленій послѣдовало въ свѣтѣ, естьлибъ не находилось общаго побужденія во всѣхъ людяхъ равномѣрно дѣйствующаго: а сіе побужденіе есть честолюбіе, или желаніе славы, которое не допускаетъ великимъ дарованіямъ быть безъ дѣйствія и безъ пользы обществу; и которое многихъ беззаконныхъ людей преодолѣваетъ, и противъ ихъ природныхъ склонностей къ честнымъ и достохвальнымъ дѣламъ побуждаетъ. Сверхъ сего можемъ мы видѣть, что токмо великія души отъ большой части честолюбіемъ распаляются а малодушные и подлые люди весьма мало онымъ возбуждаемы бываютъ; можетъ быть для того, что человѣкъ видя собственныя свои несовершенства отчаявается о полученіи себѣ славы, или что онъ не имѣетъ довольныхъ силъ къ усмотрѣнію добра, которое не прямо и не тотчасъ до его пользы или выгодности принадлежитъ, или и для того, что Провидѣніе при вложеніи душй въ него не благоволило подвергнуть его такой страсти, которая бы свѣту была безполезною, а ему самому вредительною. Ежели бы сіе желаніе славы не было столь

сильно:

сильно: то трудность полученія и опасность потерянія оной, когда уже мы ее пріобрѣли, скоро могли бы отвратить насъ отъ суетнаго ея исканія.

Сколь же мало находится людей довольными способностьми одаренныхъ, чтобъ могли дѣлами своими прославиться въ свѣтѣ, и себя самихъ отъ прочихъ людей отличить? Провидѣніе творя насъ по большой части другъ другу подобными, наблюдаетъ нѣкоторой образъ соумѣренности въ раздѣленіи намъ своихъ дарованій. Когда оно творитъ насъ въ одномъ совершенными: то дѣлаетъ обыкновенно въ другомъ недостаточными, и кажется, что оно болѣе попеченія и призрѣнія имѣетъ о томъ, чтобъ люди въ своихъ качествахъ не подлы и не недостаточны были, нежели чтобъ кто изъ нихъ въ одномъ чемъ былъ превосходнымъ и предъ прочими отличнѣйшимъ.

И сколь мало же находится имѣющихъ отъ природы премногія изрядныя душевныя дарованія, и приведшихъ себя въ великое совершенство прилѣжаніемъ своимъ, коихъ бы добродѣтели невѣденіемъ, неосновательнымъ предразсужденіемъ или завистію другихъ людей не помрачались? Нѣкоторые люди между благороднымъ и подлымъ дѣломъ

не дѣлаютъ никакого различія. Другіе причитаютъ свое нѣкоему несправедливому намѣренію; иные же разсуждаютъ объ ономъ умышленно другимъ образомъ, или толкуютъ о томъ неправедно.

А ежели поступимъ въ изъясненіи сего примѣчанія далѣе, то можемъ мы увидѣть, что всѣ тѣ въ полученіи чести бываютъ нещастливѣйшими, кои гоняются за оною съ великою жадностію. *Саллюстій* пишетъ о *Катонѣ*, что чѣмъ меньше требовалъ онъ себѣ чести, тѣмъ болѣе снискалъ оную.

Иные люди изъ злобы имѣютъ то увеселеніе, чтобъ склонностямъ нашимъ противиться, и отнимать у насъ то, чего мы всемъ сердцемъ желаемъ. И того ради примѣтивъ въ честолюбивомъ человѣкѣ ревностное желаніе славы, ибо оно паче всѣхъ страстей примѣтнѣе, приписываютъ они ему похвалъ мало, скрывая оныя, и не давая ему пользоваться тѣмъ удовольствіемъ, которое могъ бы онъ имѣть отъ ихъ прославленія, почитаютъ хваленіе свое болѣе за учтивость отдаваемую его особѣ, нежели за справедливость заслугамъ его принадлежащую. Другіе отъ природы злобнаго сего нрава не имѣющіе въ похвалахъ своихъ къ людямъ ими высокопочитаемымъ, бываютъ весьма осторожны,

жны, дабы не подать имъ причины, чтобъ они въ мнѣніи своемъ высоко возносилися, и слѣдовательно себя забывали. Однако сїе желанїе славы приводитъ обыкновеннымъ образомъ честолюбиваго человѣка къ такимъ непристойностямъ, которыя дѣлаютъ охужденїе доброму его имени. Онъ всегда опасается, чтобъ нѣкоторыя дѣла его не пришли въ забвенїе; чтобъ заслуги его въ свѣтѣ втуне не пропали, или бы не зделалось имъ никакого ущербу отъ вѣстей другими людьми разсѣваемыхъ. Сїе приводитъ его часто къ суетному и славолюбивому хвастовству о себѣ самомъ, и къ пустымъ фантазическимъ разсказамъ о собственныхъ дѣлахъ его. Разговоры его склоняются обыкновенно на одну сторону, очемъ бы они ни происходили; токмо всегда скрытнымъ образомъ простираются къ тому, что онъ либо кого злословитъ либо самъ себя возноситъ. Тщеславїе есть обыкновенная слабость честолюбиваго человѣка подвергающая его тайному презрѣнїю и посмѣянїю тѣхъ, кои съ нимъ обходятся, и уничтожающая характиръ, коимъ возвысить себя всѣми силами тщится. Хотябъ дѣла его были весьма достохвальны! однако теряютъ онѣ свое достоинство, когда онъ объ нихъ самъ объявляетъ. И какъ свѣтъ скоряе можетъ усматривать пороки, нежели хвалить кого; такъ

такъ самохвальство уповательно будетъ хулимо, когда великое дѣло похвалу сію произведшее, пришло въ забвеніе.

Сверхъ всего вышеписаннаго сіе великое желаніе славы у великихъ людей почитается подлостію и несовершенствомъ. Прямая и существенная высокость души взираетъ съ великодушнымъ презрѣніемъ на хулу и похвалу народа и человѣка возвышаетъ выше всякой молвы и болтанія народнаго. Чего ради ощущаемъ мы въ себѣ нѣкое тайное раболѣпствіе и почтеніе къ тому человѣку, которой жизнь свою добродѣтельную провождаетъ добропорядочно и честно, не смотря на наше доброе или худое объ немъ мнѣніе, также на наши порицанія и похвалы. Напротивъ того обыкновенно, когда хотимъ умалить великую славу и важность какого дѣла, то приписываемъ оное суетной чести и славолюбію того, кто оное производитъ. И не льзя сказать, чтобъ сіе общее разсужденіе и мнѣніе людей на худомъ основаніи состояло; ибо нѣтъ по истиннѣ въ томъ случаѣ великодушія, когда кто къ благородному какому дѣлу побуждается корыстною причиною, и дѣлаетъ для славолюбія то, къ чему не можемъ мы поощрены быть безкорыстнымъ человѣколюбіемъ или великодушною ревностію для славы Создателя нашего,

И

И такъ слава есть такая вещь, которая весьма трудно отъ всѣхъ, а паче отъ тѣхъ получается, кои оной весьма желаютъ, ибо большая часть людей или много злости или предосторожности имѣютъ, что тщеславія честолюбиваго человѣка не похваляютъ и ему не ласкаютъ; а сіе великое желаніе славы доводитъ его обыкновеннымъ образомъ до такихъ непристойностей, кои имя его охуждаютъ, а самъ онъ у великихъ людей слабымъ почитается.

По семъ слава скоро пропадаетъ, которую паки получить столь же трудно, какъ сперва не легко было доставать оную.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XV.

XV.

Августа 14. дня.

О новоизобрѢтенныхЪ особливаго рода мѢхахЪ, кои водяными назвать можно. *

ПОнеже не легко каждая вещь, а особливо вЪ механическихЪ художествахЪ, до такого совершенства достигнетЪ, чтобЪ никакова дополненія не требовала; то не малую пользу приносятЪ полагающіе труды свои на исправленіе и такихЪ изобрѢтеній, кои уже за нѢсколько сотЪ лѢтЪ свѢту извѢстны. Естьли кто сему попротиворѢчитЪ, тотЪ конечно похулитЪ и то, что водою дѢйствующія махины приведены тщаніемЪ трудолюбивыхЪ мужей кЪ такому совершенству, каковому нынѢ по справедливости удивляемся. Воспріявшей прежде всѢхЪ намѢреніе коженые мѢхи превратить вЪ деревянные, кои нынѢ здѢсь вЪ государствѢ при горныхЪ заводахЪ и при плавильныхЪ печахЪ

* *ИзобрѢтеніе господина Мартина Трипальда вЪ 1738. году*

печахъ употребительны, не меньшія достоинъ похвалы, нежели тѣ, которые другія въ общежитіи полезныя махины, для облехченія трудовъ, впрочемъ бы непреодолимыхъ, изобрѣсть стараются.

Здѣсь предлагается новое изобрѣтеніе мѣховъ, кои не слабѣе прежде употребляемыхъ дѣйствуя, принесутъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ большую пользу, не токмо при горныхъ заводахъ, но и при другихъ плавильныхъ печахъ, гдѣ большіе мѣхи необходимо потребны.

Иному можетъ быть странно покажется, что посредствомъ воды огонь раздувать можно. Но кто философическія трансакціи читывалъ, и въ нихъ предлагаемое здѣсь изобрѣтеніе видѣлъ, которое особливо въ Италіи въ городѣ Тиволи и въ другихъ мѣстахъ употребительно и называется софи д'аква: также кто слѣдующее описаніе со вниманіемъ разсмотритъ, такой уповательно увѣренъ будетъ, что описанные здѣсь мѣхи прежнихъ гораздо лутче и полезнѣе и что оные по такимъ же разположены основаніямъ, отъ которыхъ существо и дѣйствіе кожаныхъ и деревянныхъ мѣховъ зависитъ.

Сіи мѣхи А, А, здѣланы изъ дерева на подобіе колокола, или сокращеннаго конуса, слѣд-

слѣдственно въ исподи ширѣ нежели въ верху, гдѣ придѣланы крышки, въ низу же напротивъ того у E, E, совсѣмъ отверсты. Къ онымъ крышкамъ прикрѣплены двѣ захлебки V, V, которыя внутрь отворяются, и дѣлаются такія же, какія бываютъ у обыкновенныхъ мѣховъ. Скважины окладываются шерстью, а захлебки придерживаются слабою пружиною, дабы отворялися внѣшнимъ воздухомъ, когда сіи мѣхи въ верхъ поднимаются, а напротивъ того когда оныя въ воду погружаются, тобъ стисненіемъ внутренняго воздуха паки затворялись. Къ симъ обѣимъ крышкамъ B, B, придѣланы два мяхкіе кожаные рукава, каковыя при заливныхъ трубахъ употребляются. Оные рукава приведены отъ обѣихъ колоколовъ въ желѣзныя трубы T, T, которыми вѣтръ въ плавильную печь, или куда потребно, входитъ.

Колокола прикрѣплены желѣзными цѣпями K, K, къ двумъ деревяннымъ кругамъ S, S, съ которыхъ висятъ они вертикально, и завсегда одинакое разстояніе отъ центра движенія имѣютъ.

Къ брусу, на которомъ оные деревянные круги находятся, придѣланы два отлого вмѣстѣ сплоченные ящика F, F, въ которые вода изъ жолоба приведенная

то перемѣнно втекаетъ и чрезъ то всю машину въ движенiе приводитъ. И такъ оные ящики то же дѣйствiе производятъ, какое и водяное колесо при обыкновенно употребляемыхъ мѣхахъ, но съ тою разностiю, что они становятся его гораздо дешевлѣ и причиняютъ весьма порядочное и равное движенiе, подобно тому, какое дѣлаетъ отвѣсъ при измѣренiи времени: а именно, какъ скоро столько воды въ одинъ ящикъ наберется, что ея тяжесть тренiе около центра движенiя преодолѣетъ, такъ скоро начнетъ оной съ умножающеюся скоростiю въ низъ опускаться, до тѣхъ поръ, пока брусъ о деревянной шестъ N, ударится, отъ чего въ тоже время на другой сторонѣ висящей колоколъ въ верьхъ подниметься. Но какъ скоро брусъ о помянутой шестъ ударится, и вся вода изъ ящика выльется, то отъ набравшейся между тѣмъ временемъ воды другой ящикъ опускаться долженъ къ низу, такъ какъ и первой. И такимъ образомъ производитъ каждой изъ сихъ ящиковъ дѣйствiе свое послѣ другова.

И по сему сiи отвлого лежащiе, ящики то же самое посредствомъ воды производятъ, что и водяное колесо при движенiи обыкновенныхъ мѣховъ; а что сiи мѣхи столько же способны къ раздуванiю огня, сколько кожаныя

жаныя и деревянныя, то сїе основано на той же причинѣ, отъ которой и обыкновенные мѣхи дѣйствїе свое заимствуютъ, ибо они раздуваютъ для того, что вошедшей въ нихъ въ то время воздухъ, когда они въ верхъ поднимались, при опущенїи ихъ внизъ въ меншее пространство сжимается; а понеже воздухъ такъ какъ и всѣ прочїя жидкїя тѣла, тѣмъ сильнѣе къ слабѣйшему изъ всѣхъ мѣсту устремляется, чѣмъ болѣе есть сжимающая его сила, то должно ему чрезъ отверстїе выходить съ равнымъ сей сжимающей его силѣ стремленїемъ. И такъ дуетъ онъ сильнѣе или слабѣе, потому какъ стороны мѣха скоряе или тише движутся, также и по количеству въ нихъ входящаго и выходящаго воздуха.

Подобнымъ образомъ происходитъ сїе и у сихъ мѣховъ; ибо собравшейся въ нихъ воздухъ ни сквозь окружающїе его мѣховыя бока, ниже въ воду пройтить никоимъ образомъ не можетъ. И такъ когда сїи мѣхи въ воду погружаютъ, то воздухъ отъ вступившей въ нихъ воды сжимается въ меншѣе пространство, и потому принужденъ сквозь помянутыя отверстїя войти въ кожаные рукава R, R, гдѣ онъ меншѣе сопротивленїе находитъ. Изъ сего не оспоримо

римо слѣдуетъ, что дѣйствіе сихъ мѣховъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше колокола и чѣмъ скорѣе они въ воду погружаются. И такъ они съ такою же силою раздувать могутъ, съ какою и обыкновенные мѣхи, ежели обой равное количество воздуха въ себя вмѣщаютъ.

Чтожъ до пользы касается, которую отъ сего новаго изобрѣтенія въ разсужденіи обыкновенныхъ мѣховъ ожидать должно, то извѣстно, что у высокихъ печей движущая обыкновенные мѣхи сила, не токмо мѣхи вмѣстѣ сжимаетъ но и рычагъ съ отвѣсомъ гнететъ къ низу, которой мѣхи паки въ верьхъ поднимаетъ. И такъ силѣ надлежитъ въ семъ случаѣ производить два дѣйствія. Напротивъ того сіи новоизобрѣтенные мѣхи не требуютъ больше силы, какъ токмо къ преодолѣнію тренія около оси; слѣдственно приобрѣтается симъ изобрѣтеніемъ такая выгода, которая въ механикѣ весьма рѣдко случается, а именно, что тяжести для движенія употребляемыя стоятъ на брусѣ въ равновѣсіи. Ибо обѣихъ колоколовъ A, и A, не можно инако себѣ представить, какъ двѣ равныя тяжести въ двухъ вѣсовыхъ чашкахъ, гдѣ одна другую содержитъ, какъ бы они велики ни были, въ равномъ разстояніи отъ центра земнаго. И такъ хотябъ въ каждомъ изъ сихъ колоколовъ до нѣсколькихъ тысячь

пудъ

пудъ вѣсу было, однакожъ не возможно одному изъ нихъ перетянуть другова.

А чтобъ здѣлать оныя колокола равныя тяжести и привѣсить ихъ въ равномъ разстоянїи отъ центра движенїя, то требуется къ сему весьма не много хитрости. Сверхъ сего каждому извѣстно, что положенныя въ обѣ вѣсовыя чашки тѣла, какой бы тяжести ни были, могутъ весьма малою силою приведены быть въ движенїе. Всѣ же сїи обстоятельства точно при сихъ мѣхахъ находятся.

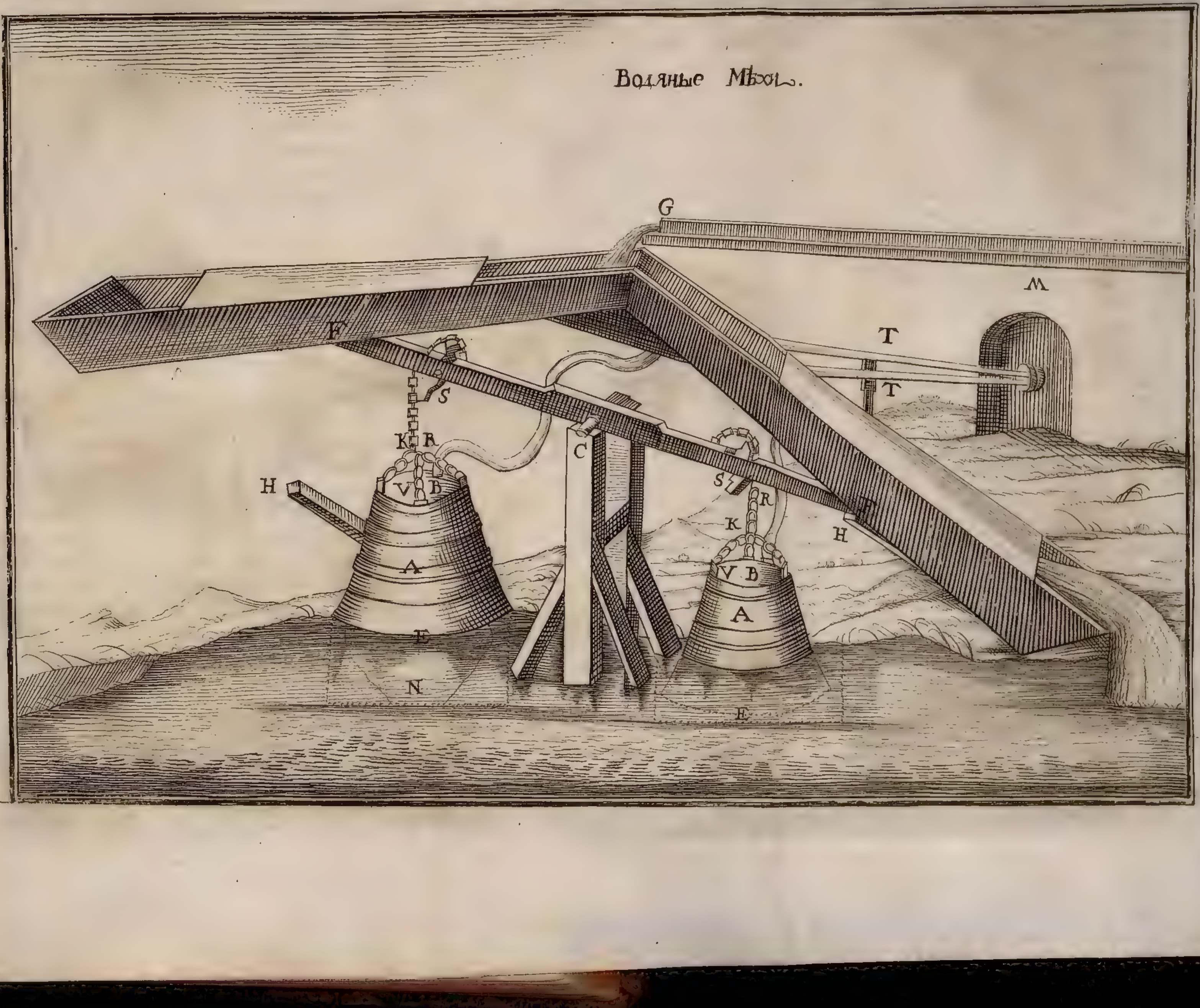
Правда, что чѣмъ глубже одинъ изъ обѣихъ колоколовъ погружается въ воду, тѣмъ болѣе теряетъ онъ своей тяжести, и тѣмъ сильнѣе напротивъ того другой привлекается къ низу, слѣдственно не возможно бы было опуститься первому до надлежащей глубины для сильнаго стисненїя въ немъ находящагося воздуха; но сїе тѣмъ отвращается, что текущая вода по наклоненному дну въ ящикѣ, паденїемъ своимъ такъ какъ и всѣ тѣла, тѣмъ сильнѣе ударъ увеличиваетъ, чѣмъ ширѣ плоскость дѣлаетъ уголъ съ горизонтомъ, и чрезъ то награждаетъ тратимую тяжесть опускающагося въ воду колокола, которой притомъ не вдругъ своей тяжести лишается,

но по мѣрѣ погруженія его въ воду. При семъ должно примѣчать, что на другомъ концѣ изъ воды поднимающейся колоколъ, тогда предъ опускающимся въ низъ наибольшее преимущество въ тяжести получаетъ, когда исподней его край на поверьхности воды окажется. Сіе приключается въ самой тотъ моментъ, когда паденіе воды въ ящикѣ сильнѣйшѣе дѣйствіе производитъ, потому что его дно весьма круто къ горизонту наклоняется.

Изъ сего, какъ уповательно, весьма ясно видѣть можно, что сіи мѣхи меньшею силою приводятся въ движеніе, нежели обыкновенные, слѣдственно меншее количество и воды къ тому потребно.

Сверхъ сего заводчикамъ довольно извѣстно, какая утрата и неспособность происходитъ отъ заложенія высокихъ печей на низкихъ и сырыхъ мѣстоположеніяхъ, что бываетъ, для водянаго колеса, которое обыкновенные мѣхи приводитъ въ движеніе, весьма часто неизбѣжимо. Также выплавливается въ такихъ на сыромъ мѣстѣ здѣланныхъ высокихъ печахъ гораздо менѣе желѣза, нежели въ складенныхъ на сухомъ местоположеніи. Особливо весьма рѣдко найти можно удобныя мѣста для тѣхъ высокихъ печей

чей


Водяные Мѣхи.
G
M
F
T
T
S
K R
H
V B
A
E
N
C
S
R
K
H
V B
A
E

чей, въ которыхъ отливаются чугунныя пушки; потому что для нихъ глубокія ямы подъ исподомъ печи вырывать должно. Напротивъ того посредствомъ сего новаго изобрѣтенія можно исподъ плавильной печи такъ высоко закладывать, какъ кому угодно, потому что вѣтръ сквозь трубы во всякое мѣсто приноситься можетъ, которая выгода при обыкновенныхъ мѣхахъ не такъ лехко получается.

Также за не малую пользу и то почитать должно, что сіи мѣхи лехче дѣлать, нежели обыкновенные. Каждой плотникъ посмотрѣвши токмо однажды, можетъ всю махину построить, и каждую часть послѣ поправлять безъ дальныхъ убытковъ. Когда колокола будутъ чугунные, то продержатся они долѣе, и ежели сверхъ сего здѣлать ихъ толсты, то не надобно въ низу никакой тяжести привѣшивать, для скорѣйшаго погруженія ихъ въ воду. Они дѣлаются еще и изъ тонкой меди, причемъ надлежитъ обложить ихъ въ верху толстымъ свинцовымъ кольцомъ, дабы они скорѣе въ воду опускались.

Можно здѣлать ихъ и на подобіе колокола, или по произволенію треугольные, четвероугольные или какой другой фигуры, только чтобъ притомъ имѣли они въ верху и въ

низу надлежащее отверстіе. Ежели кто пожелаетъ здѣлать ихъ изъ дерева, то надлежитъ на верху, около крышки, оставить край нѣсколько повыше, чтобъ накласть туда столько камней или свинцовыхъ кусковъ, сколько потребно, для перпендикулярнаго погруженія ихъ въ воду.

Наконецъ, когда мы изчислимъ, во что становятся обыкновенные мѣхи и водяное колесо съ его принадлежностьми, и сіе сравнимъ съ гораздо меньшимъ иждивеніемъ, которое употребить должно на дѣланіе мѣховъ сего новаго изобрѣтенія, то усмотримъ весьма чувствительное различіе, хотябъ присемъ и отомъ не разсуждали, сколько требуется на содержаніе обыкновенныхъ мѣховъ въ исправности. При окончаніи сего должно мнѣ напомнить, что вѣтръ въ сихъ водяныхъ мѣхахъ такимъ же образомъ умножается и умаляется, какъ и въ обыкновенныхъ, а именно по мѣрѣ количества текущей воды въ отлого лежащіе ящики, что задвижкою въ жолобѣ, по которому течетъ вода, лехко учинить можно.

ПРИМѢЧАНІЕ ПЕРЕВОДЧИКОВО.

Какъ ни пространно описаніе сочинителево, однакожъ упущено имъ притомъ такое важное обстоятельство, безъ кото-

раго при воспослѣдующемъ опытѣ дѣйствіе сея махины ослабнуть или и совсѣмъ уничтожиться можетъ. А именно на концѣ коженаго рукава потребны также захлебки, которыябъ отворялись къ печи, а къ колоколамъ слѣдственно затворялись. Для сего надлежитъ къ колоколамъ придѣлать короткія трубки, и въ нихъ прикрѣпить сіи захлебки; оныя же трубки и къ тому служатъ, чтобъ помянутые рукава съ колоколами плотнѣе соединялись. Причины, для коихъ здѣсь сіе прибавленіе сообщается, суть слѣдующія: когда колоколъ въ верьхъ поднимается, то вода изъ него выступаетъ, буде другое тѣло мѣсто оныя занять можетъ. Ежели положимъ, что кожаные рукава ни чемъ не заложены, то можетъ въ нихъ находящейся воздухъ безъ всякаго препятствія войти въ колоколъ, а напротивъ этого внѣшнему надлежитъ прежде отворить захлебку. А понеже воздухъ въ печи отъ жару становится весьма жидокъ, то при роздуваніи огня, когда онъ обратно въ печь вступаетъ, отнюдь такова дѣйствія не производитъ, какъ внѣшней свѣжей и гораздо гуще онаго воздухъ. Ежели къ симъ рукавамъ придѣлаются захлебки, какъ выше сего объявлено, то закроютъ онѣ скважину, когда колоколъ въ верхъ подниматься начнетъ, и чрезъ сіе затворится

проходъ

проходъ воздуха изъ коженаго рукава, слѣдственно и изъ печи, напротивъ того внѣшней воздухъ отворивъ давленіемъ своимъ захлебку наполняетъ внутренную пустоту въ колоколѣ, и послѣ при погруженіи колокола въ воду для раздуванія огня въ печь приносится. Присемъ объявить должно, чтобъ кожаные рукава и трубы не весьма длинны дѣлать; ибо чѣмъ больше количество воздуха въ движеніе приводится, тѣмъ слабѣе бываетъ сіе движеніе, и тѣмъ слѣдственно пройсходящее отъ того дѣйствіе становится менее. Чѣмъ же длиннѣе рукавъ, тѣмъ болѣе вмѣщаетъ онъ въ себя и воздуха. Также не нужно, чтобъ колокола въ прудъ или рѣку погружались, но можно на то дѣлать двѣ ямы, кои наполнятся тою же водою, которою махина въ движеніе приводится.

Наконецъ не должно умолчать и о томъ, что предложенной сочинителемъ способъ, для погруженія колоколовъ въ воду не весьма способенъ быть кажется; ибо чѣмъ у сихъ въ низъ опускающихся сосудовъ центръ тяжести стоитъ выше, тѣмъ не надежнее они пребудутъ въ желаемомъ положеніи, и тѣмъ лехче могутъ наималѣйшею причиною на сторону здвинуться; когда же сверьхъ сего на сіи колокола свинецъ, или камни

поло-

положатся, то центръ тяжести выше еще поднимется, и колокола больше кривиться будутъ, нежели прежде, слѣдственно вмѣсто того, чтобъ воздухъ сжимать, станутъ его изъ подъ краевъ вонъ выпускать. И такъ, ежели кто изобрѣтенїе сїе въ дѣйство произвесть хочетъ, тому надлежитъ колоколъ въ низу свинцовымъ ободомъ и привѣшенными тяжестьми здѣлать увѣсистѣе. Впрочемъ должно признаться, что изобрѣтенїе сїе не токмо весьма замысловато, но чаятельно можетъ съ великою употребляемо быть пользою.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XVI.

ЕПИСТОЛА.

Государь мой!

Вы удивляетесь, что я въ старости и всегда упражняясь въ ученіи, нахожу больше удовольствія въ женской, нежели въ муской компаніи. Но вы больше удивитесь, когда скажу, что я точно для ученія ищу ихъ обхожденія; чтобъ лутче сіе странное мнѣніе изъяснить, сказываю вамъ, что, когда я дома, то непрестанно обращаюсь въ трудахъ, отъ которыхъ часто чувствую головную болѣзнь. И такъ я выхожу для тово только, чтобъ утружденныя мысли успокоить. А такой покой обыкновенно получается въ женскихъ компаніяхъ, гдѣ всегда случаются простые разговоры, которые не требуютъ никакова разсужденія; и для тово, когда заболитъ у меня голова отъ ученія, никово я не посѣщаю, кромѣ госпожи И...Она разсказываетъ мнѣ только отомъ, что севодни она кушала, или нынѣшнюю недѣлю какія и въ какомъ уборѣ у ней гости были и протчее сему подобное, отъ чево головной болѣзни или непорядка въ мысляхъ никогда не бываетъ. Въ мускихъ компаніяхъ напротивъ того случаются разговоры

зговоры, которые умножаютъ головную болѣзнь. Тамъ обыкновенно говорятъ о тяжбахъ и политическихъ дѣлахъ, который матеріи моглибъ быть полезны, да еще иногда и пріятны, но не въ такомъ случаѣ, когда ищешъ компаніи, для успокоенія чувствъ Начинаютъ, послѣ перваго поклона, разсказывать дѣло, которое случилось того дня въ приказѣ, или въ какой коллегіи, и хотятъ знать мое о томъ мнѣніе, или вплетутъ меня въ политическія дѣла, къ чему или новыя учрежденія или послѣднія вѣдомости случай подали. Сіе слово слово, какъ бы потчивать въ шахматы играть такова, которой вышелъ изъ своего кабинета уставши отъ письма, и принуждать его, чтобъ онъ опять началъ штудировать. И для сего то, Агличане между прочими вещьми, въ которыхъ они показываютъ свой разумъ, не могутъ терпѣть игры, которая требуетъ разсужденія. На примѣръ ихъ *Бекъ Гемъ*, не такъ труденъ, какъ наши таблеи. Тожъ можно сказать и о протчихъ забавахъ, какъ о дракѣ пѣтуховъ* и сему подобномъ. Le Jeu d'echec, говорятъ Французы, n'eſt pas aſſez Jeu. то есть, шахматная

* Стравливаютъ двухъ пѣтуховъ, которые до тѣхъ поръ дерутся, пока одинъ изъ нихъ не умретъ, и чей пѣтухъ побѣдитъ, тотъ выигрываетъ и положенной между смотрителями закладъ.

тная игра уже не игра. Такою игрою можно потчивать тово, у кого дѣла не много, и которой имѣетъ не утружденныя мысли; а не такова, которой трудится и ищетъ въ игрѣ и компанїи прохлажденїя. Для чего и бываетъ, что люди трудящїеся опредѣляютъ нѣкоторые часы во дни, въ которые они ничево не хотятъ слушать, кромѣ безгрѣшныхъ женскихъ разговоровъ. Сказываютъ, что для того кардиналъ Ришелье въ каждой день по одному часу бывалъ въ такой компанїи: ибо онъ не находилъ за благо, чтобъ разговаривать о метафизическихъ вещахъ, когда онъ выходилъ утрудившейся изъ своего кабинета. Для тогожъ самаго и Сократъ резвливался иногда съ своими дѣтьми. Другая причина, для чево я больше посѣщаю женщинъ есть сїя: когда я приду въ мускую компанїю, то потчиваютъ меня рюмкою вина или трубкою табаку, до чего я не охотникъ; напротивъ того въ женской подносятъ мнѣ чай, кофе и говорятъ всякой вздоръ, что для меня гораздо прїятно въ мои праздные часы. Я пребуду и прочее.

Переведено съ Дацкаго.

XVII.

XVII.

Августа 21. дня.

О порицанiи.

Есть многiя такiя страсти и склонности, кои насъ съ природы понуждаютъ уменьшать и уничтожать заслуги того, къ которому почтенiе у другихъ людей возвеличивается. Всѣ родившiеся на сей свѣтъ съ равными ему талантами, и прежде сего равными ему почитанные, славу заслугъ его порочатъ, признавая оную за порокъ собственныхъ его неспособностей; и того ради тщатся порицать его прошедшимъ какимъ нибудь безчестнымъ дѣломъ или достоинство теперешнихъ его поступокъ умалить, чтобъ поставить его на равной съ собою степени. Самое сiе представленiе поступокъ его возбуждаетъ иногда ненависть у бывшихъ надъ нимъ начальниками. Сiи также почитаютъ за ущербъ своей чести, чтобъ другой кто былъ ихъ болѣе и предварялъ бы ихъ въ чести; сего ради стараются они помрачить его славу, дабы только ихъ была тѣмъ свѣтлѣе. Которые же прежде сего были ему равные, тѣ отъ зависти ругаютъ

его, видя, что онъ ихъ теперь честію превосходитъ; а кои были его командирами, дѣлаютъ сіежъ для того, что они видятъ его себѣ равнымъ. Человѣкъ, чрезвычайною своею славою подающій поводъ всѣмъ людемъ примѣчать и разсуждать о себѣ, обращаетъ многихъ на себя очи, кои всѣ качества его весьма точно разсматриваютъ, всѣ поступки его наблюдаютъ весьма прилѣжно и имѣютъ не малую радость, когда застанутъ его при самыхъ худыхъ и неудобнѣйшихъ обстоятельствахъ. Есть много такихъ людей, которые удовольствіе свое полагаютъ втомъ, чтобъ общей доброй слухъ о комъ опровергать, и о слабостяхъ высокаго характира разглашать хитрыя вѣсти. Сіи люди разсѣваютъ злыя свои пересужденія съ потаенною гордостію, радуяся отомъ, что имѣютъ превосходнѣйшее предъ прочими людьми разсужденіе, ибо проницаютъ до того, чего весь свѣтъ усмотрѣть не могъ, и находятъ недостатки втомъ, чему всѣ люди удивляются.

Иные же люди суть такого нрава, что погрѣшности и неисправности великаго человѣка разглашаютъ съ великою радостію, токмо когда они въ себѣ самихъ сихъ недостатковъ не видятъ: ибо о слабостяхъ другаго разсѣвая, тщатся снискать похвалу себѣ,

себѣ, что они таковымъ порокамъ не подвержены; да еще съ нѣкоторымъ тщеславіемъ весьма часто и въ восторгъ приходятъ, когда видятъ себя нѣкоторымъ образомъ предъ славнымъ человѣкомъ возвышенныхъ. А часто случается еще и то, что никто столь тщательно о порокахъ состоящего въ отличной славѣ человѣка не разсказываетъ, какъ тѣ, коихъ свойства характира той же хулы достойны; ибо они надѣются, или собственные свои пороки столь знатнымъ и важнымъ примѣромъ извинить или мнимую похвалу себѣ получить тѣмъ, что они столь славной особѣ подобны, хотя то есть только въ непохвальныхъ той особы поступкахъ. Ежели же всѣхъ сихъ тайныхъ блядословія источниковъ найти не можно, то часто тщеславное разума надменіе подстрѣкаетъ человѣка порочить славное имя и предавать оное на смѣхъ и игралище свѣту. Сатира сочиненная на простаго человѣка принимается отъ читателей ея не съ такою похвалою и охотою, какъ касающаяся до такой особы, которую заслуги возвели на высокую чести степень и выше другихъ людей поставили. Но сіе развѣ бываетъ въ разсужденіи людскаго мнѣнія, что требуется болѣе искуства къ представленію смѣшнымъ такого человѣка, коего характиръ весьма неприличнымъ къ тому быть кажется;

или что увеселяетъ насъ соединенной съ тою сатирою нѣкоторой родъ мщенія, что описуемая въ оной особа представляется въ чести своей униженною и нѣкоторымъ образомъ намъ подобною, которая по свидѣтельству и по мнѣнію людей столь высоко вознеслась предъ нами.

По сему видимъ мы, сколь много безчестныхъ и хитрыхъ къ ругательству и поношенію причинѣ находится, и сколько же есть злыхъ шпіоновъ вывѣдывающихъ о дѣлахъ великаго человѣка, которой не всегда можетъ видѣть лукавыя ихъ пронырства. Ибо можно вообще показать, что удивленіе къ славному человѣку умаляется въ насъ отъ того, когда мы начинаемъ познавать его обстоятельнѣе, и что рѣдко мы слушаемъ похвалы честной какой особѣ приписуемыя, дабы не желалось намъ навѣдаться о нѣкоторыхъ достопамятныхъ его слабостяхъ и несовершенствахъ. Причина тому можетъ быть сія: что всякая проступка въ знатныхъ особахъ скоряе примѣчается, нежели въ другихъ, потому что оная съ прочимъ его достоинствомъ не сходствуетъ; или что такому человѣку не возможно бываетъ въ одно время прилѣжно наблюдать важнѣйшія обстоятельства своей жизни, и всѣ мѣлочи въ своихъ поступкахъ и разговорахъ

ворахЪ; или какЪ ужѐ мы выше показали, что таже самая склонность побуждающая насЪ кЪ желанію славы приводитЪ притомЪ кЪ такимЪ проступкамЪ и неосторожностямЪ, вЪ кои впадать другимЪ людемЪ противнаго характера не случается.

Однако между тѣмЪ должно также признаться, что благородныя и преславныя заслуги часто вЪ сіяніи своемЪ являются, и весь оной муракЪ и мглу ихЪ чести разгоняютЪ. А ежели вЪ исканіи славы сЪ неправильнымЪ разсужденіемЪ соединенномЪ, или по какой ни есть слабости человѣческой вЪ важнѣйшихЪ жизни нашея обстоятельствахЪ окажемЪ какую проступку, то все честолюбивыхЪ намѣреній зданіе вдругЪ разрушается и опровергается, хотя малыя пятна, такою красотою ихЪ окружающею, заглаждаются и изчезаютЪ; токмо вкоренившееся глубже другихЪ пятно закрываетЪ всѣ другія преизящества и затмѣваетЪ все сіяніе достоинства. По сему явствуетЪ, сколь трудно получить великое имя, когда тотЪ, кто снискалЪ оное, столь часто предается небольшимЪ слабостямЪ и несовершенствамЪ славѣ его не малой ущербЪ причиняющимЪ, буде оныя явны учинятся: а паче когда онѣ весьма тщательно разсѣваются, и еще болѣе увеличиваются отЪ тѣхЪ, кои прежде сего

 были

были его командирами и товарищами, кои желаютъ показать свое остроуміе, и которые сами въ таковыхъ проступкахъ и погрѣшностяхъ рѣдко являются, или совсѣмъ ихъ на себѣ не имѣютъ, между тѣмъ хотябъ другіе такой мысли и не имѣли, чтобъ хулить славнаго человѣка, также хотя бы онъ и самъ былъ исправенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ: однако не безъ труда ему будетъ сохранить честь свою во всей высокости и во всемъ сіяніи. Ему надобно всегда и безперерывно упражняться въ дѣлахъ благородныхъ, ежели желаетъ, чтобъ слава его безпрестанно процвѣтала и бодрствовала, ибо буде она однажды ослабѣетъ, то обыкновенно увядаетъ и низпадаетъ. Удивленіе есть страсть не долго продолжающаяся. Какъ скоро предметъ удивленія начнетъ становиться знакомѣе, то и оно изчезаетъ; ежели не будетъ подкрѣпляемо всегда новыми примѣрами и содержано въ живости безперерывно продолжающимся послѣдованіемъ чудныхъ дѣлъ, кои зрѣнію народа представляются. По истиннѣ сказать можно, что самыя великія славнаго человѣка дѣла сему злоключенію бываютъ подвержены, такъ что хотя бы онѣ были столь же удивительны и чрезвычайны, однако суть ничто въ разсужденіи того, какъ бы думать объ нихъ надлежало. бу-

де же напротивъ того явятся онѣ нѣсколько хуже, нежели какъ мы въ мысляхъ себѣ объ нихъ представляли: то умалятъ онѣ славу того человѣка, хотя бы онѣ сію другому кому и снискали.

Надлежало было почти думать, что конечно въ владѣніи чести нѣчто весьма пріятное находится; ибо она несмотря на всѣ досадныя обстоятельства можетъ человѣка побуждать къ сему опасному желанію. А буде напротивъ того разсудить о маломъ благополучіи съ высокою честію соединенномъ и о многихъ безпокойствахъ желаніе славы въ честолюбивомъ духѣ возбуждающихъ, то еще болѣе удивляться надобно, когда видимъ столь множество безпокойныхъ духовъ къ чести устремляющихся.

Честолюбіе производитъ въ душѣ нашей тайное возмущеніе, умъ воспламеняетъ, и приводитъ мысли въ необыкновенное замѣшательство. Однако силится оно получить суетное мнимое добро, хотя не можетъ удовольствовать или укротить его. Многія другія вещи, кои мы пріобрѣсть тщимся, могутъ однако успокоить желаніе соединеннаго съ ними чувства, и хотѣніе утолить на нѣкоторое время: а слава есть въ разсужденіи естества нашего такое постороннѣе добро, что мы

вЪ душѢ нашей не имѢемЪ ктому ни удобной силы и никакого орудія вЪ тѢлѢ нашемЪ для вкушенія оной; она есть предметомЪ желанія, и выше всякаго возможнаго наслажденія. Честь можетЪ всемѢрно мысли исполнять чрезЪ нѢкоторое время нѢкоимЪ непостояннымЪ удовольствіемЪ, которое человѢка дѢлаетЪ скучливымЪ и безпокойнымЪ, и настоящей жажды не утоляетЪ, но паче раждаетЪ новыя желанія, и душу возбуждаетЪ кЪ новымЪ же предпріятіямЪ. Ибо весьма мало такихЪ честолюбивыхЪ людей находится, кои бы столько славы себѢ получили, сколько желали, и коихЪ жаданіе чести и на высочайшей ужѐ славы ихЪ степени не столь велико было, какЪ прежде, пока ихЪ другіе люди не спознали и не стали прославлять ихЪ.

Я не нахожу вЪ характерѢ Юлія Кесаря ни одного такого обстоятельства, по которому бы могЪ я обЪ немЪ разсуждать выше, какЪ сіи слова его, которыя по обЪявленію Цицеронову говаривалЪ онЪ друзьямЪ своимЪ: что онЪ *мѢрою жизни и славы своей доволенЪ.* Se satis vel ad naturam vel ad gloriam uixiſse. Но бывали еще и такіе люди, которые желаніе свое кЪ исканію оставили, токмо сему причиною есть то, что или ихЪ намѢреніе было безуспѢшно или искусились

сились они, что мало удовольствія при чести находится, или наконецъ и лѣта ихъ жаръ ревности къ оной погасили, и лучше жить ихъ научили; токмо весьма рѣдко виною тому бывало совершенное настоящаго удовольствія наслажденіе.

Однако не слава сама собою не насыщаетъ человѣка, но желаніе оной подвергаетъ насъ многимъ случайнымъ неудовольствіямъ, отъ коихъ бываютъ свободны не имѣющіе столь великаго желанія. Сколь часто честолюбивой не укрощается и не сокрушается неполученіемъ славы тамъ, гдѣ сыскать ее надѣялся. Да сколь же часто не мучитъ его и самая хвала ему приписуемая, буде она не столь высоко возносима бываетъ, какъ бы по мнѣнію его надлежало, но сіе рѣдко случается, ежели ласкательство не увеличиваетъ оной; ибо не многіе люди объ насъ столь много хорошаго думаютъ, какъ мы сами. А когда самая хвала столь много печалитъ честолюбиваго, то какъ ему можно будетъ содержать себя при поношеніи и руганіи? Ибо тажъ самая склонность, которая заставляетъ любить его славу, учитъ его и безчестіе ненавидѣть. Когда можетъ безмѣрная хвала людей, привесть его въ восхищеніе: то и хулою поражается онъ столь же сильно. По сему явствуетъ, сколь мало есть благо-

получїе честолюбиваго; подвергая себя доброй и худой другихъ людей молвѣ, предается онъ во власть каждому злословному языку на поверженїе свое въ сѣтованїе, и на уничтоженїе натуральнаго своего душевнаго покоя: а паче когда разсудимъ, что свѣтъ къ хуленїю гораздо преклоннѣе, нежели къ хваленїю, и такой человѣкъ имѣетъ болѣе слабостей, нежели добродѣтелей.

Сверхъ сего можемъ мы примѣтить еще и сїе, что потерянїе чести печалить должно такого человѣка гораздо болѣе, нежели сколько увеселяетъ его наслажденїе оной; ибо хотя присутствїе сего мнимаго добра не можетъ учинить насъ благополучными; однако отсутствїемъ онаго дѣлаемся и мы бѣдными. Ибо въ имѣнїи какой ни есть вещи находимъ мы только то удовольствїе, какое она намъ дать можетъ; когда же мы ее потеряемъ, то располагаемъ мѣру болѣзнованїя нашего не по истинной, но по той ея цѣнѣ, какую полагаетъ ей воображенїе и предразсужденїе наше.

И такъ сколь мало удовольствїе есть, какое слава намъ съ собою приноситъ, то столь велико безпокойство, коему она насъ подвергаетъ. Желанїе чести производитъ въ сердцѣ нашемъ разныя суетныя движенїя,

а сїе владѣнїемъ желанной вещи наипаче разгарается, нежели простужается. Наслажденїе оною раждаетъ въ насъ умѣренное удовольствїе, хотя лишенїе или недостатокъ онаго великое болѣзнованїе и печаль наноситъ; и сїе малое благополучїе есть столь бѣдно, что оно токмо отъ произволенїя другихъ людей зависитъ. Не токмо порицанїя чинимыя намъ мучительны, но и молчанїе людское скучно, когда мы его не чаяли; да и самая хвала ихъ намъ обидна, когда мала въ себѣ будетъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XVIII.

ЕПИСТОЛА.

Государь мой!

Вы удивляетесь, что какъ такая щеголиха дѣвушка, какъ Н.Н. могла полюбить М.М. и хочетъ вытти за мужъ за такова человѣка, которой имѣетъ худые свойства и о которомъ ничево сказать не можно, кромѣ что самой первой мотъ во всей провинцїи. Я напротивъ того сему не дивлюсь; можетъ быть, что точно для тово она ево и полюбила; ибо мы видимъ, что многїе люди любятъ великїя собранїя, а другїе почитаютъ лутче уединенїе. Также: что многїе влюбляются въ то, къ чему другїе

имѣютъ

имѣютъ омерзѣнїе. Я упомяну здѣсь о двухъ знатныхъ примѣрахъ; объ одномъ изъ древней, а одругомъ изъ новой исторїи. Одна знатная дѣвица, именемъ Иппархїя, такъ жестоко влюбилась въ гнуснаго Философа Кратеса, что она предпочитала его всѣмъ пригожимъ, знатнымъ и богатымъ женихамъ: да ее любовь такъ далеко простиралась, что она дала знать своимъ родителямъ, что, ежели не будетъ она женою Кратесовою, то лишитъ сама себя жизни. Родители просили Кратеса самого, чтобъ онъ ей отсовѣтовалъ отъ такого предпрїятїя; что онъ и дѣлалъ: а какъ его увѣщанїя были втуне, то показалъ онъ ей все свое разодранное платье и представилъ житїя своего бѣдность, говоря, что она должна будетъ привыкать къ такому же гнусному и ни къ чему годному житью, ежели она за него выдетъ. Иппархїя ни на-что невзирая надѣлася самопроизвольно въ подобное рубище, и таскалася съ Кратесомъ вездѣ какъ нищая; подражала ему во всемъ его житїи и не стыдилася ни мало и тѣмъ, что благопристойность ей запрещала, и подвергалася всѣмъ тѣмъ ругательствамъ и поношенїямъ, какимъ циническїе философы подвержены. Другой примѣръ изъ исторїи нашего времени объ одной знатной госпожѣ, которая имѣла превеликое омерзѣнїе къ своему первому мужу, хотя онъ былъ изъ людей знатныхъ и притомъ собою хорошъ; что продолжалось

до самого съ нимъ разводу. Потомъ вышла она опять замужъ, но и сїе ея замужество было неудачливо; въ третей разъ вышла она за подлаго матроза; съ которымъ, хотя онъ и гораздо худо съ нею поступалъ, говорила она, что живетъ веселѣе, нежели въ бытность ею за двумя первыми мужьями, что слышелъ я отъ нее самое; какъ былъ я въ ее домѣ; на мысѣ Фалстерскомъ, въ самое то время, какъ мужъ ее взятъ былъ подъ караулъ за нѣкоторое злодѣянїе И такъ кажется, что самое то, что казалось другимъ гнусно, ей было по видимому прїятно. Я могу ввесть много и другихъ примѣровъ о такомъ удивительномъ вкусѣ; но довольствуюсь токмо сими двумя: и для того неудивляюсь, когда слышу о такихъ удивительныхъ бракахъ. Ибо въ ономъ также, какъ въ питьѣ и пищѣ, вчемъ находитъ одинъ удовольствїе, то многимъ причиняетъ омерзѣнїе. И для того говорится, что отъ разности вкуса происходитъ каждой дѣвицѣ выбирать по себѣ жениха, кому какое прїятно, кушанье и какїя книги кто читать любитъ. я есмь, и прочее.

Переведено съ Дацкаго.

XIX.

ЕПИГРАММЫ.

Влюбленный Магистеръ.

Ученїе всегда полѣзно для людей!
А для чего ему я здѣлался злодѣй,
Тому любезные красавицы препоны!
Любви я чту уставъ и ихъ брегу законы:
Мнѣ дней покойныхъ нѣтъ, я съ ними завсегда
И время книгъ читать мнѣ нѣтъ ужъ никогда:
Кто въ жизни хочетъ быть спокоенъ и учиться
Тому совѣтую я лучше не любиться.

*

Купидонъ.

Прошенїе мое прими о Купидонъ!
Въ Кларисcиномъ зажги ты въ сердцѣ вдругъ огонь,
Чтобъ равнымъ пламянемъ любви ко мнѣ пылала
И ту же страсть въ груди, своей какъ я питала
Иль въ смертныхъ ты любовь совсѣмъ ужъ потуши
Иль изъ ея оковъ влюбленныхъ разрѣши.

*

Любилъ бы я тебя всегда мой свѣтъ нелѣстно,
Лобзалъ бы всякїй часъ лице твое прелѣстно,
Когдабъ твой жаръ любви равно ко мнѣ пылалъ
Но я его въ тебѣ премѣннымъ обрѣталъ.

Гордился

*

Гордился Фольманоръ и всякій день онъ дулся
Пока во внутреннѣй его духъ не сомкнулся;
Онъ лопнуть долженъ былъ, и лопнулъ нако-
нецъ
Вотъ въ воздаяніе ему какой вѣнецъ!

*

ИЗВѢСТІЕ.

Въ разсужденіи того что многіе любители наукъ печатаемой въ типографіи шляхетнаго Кадетскаго Корпуса недѣльной журналъ берутъ охотно, принято намѣреніе продолжать оной и набудущей 1760. годъ, очемъ чрезъ сіе и объявляется, чтобъ желающіе оной брать на будущей годъ заблаговременно въ той типографіи о себѣ дать знать благоволили, а цѣна онымъ положена таже, какая и въ нынѣшнемъ году, а именно за весь годъ съ присылкою за онымъ изъ домовъ на бѣлой бумагѣ по два рубли съ полтиною, а на сѣрой по два рубли; изъ типографіи же онаго журнала въ будущемъ году по домамъ разносить не будутъ.

Естьли, кромѣ подписавшихся на нынѣшней 1759. годъ, кто пожелаетъ имѣть сего года журналъ, то можетъ его и нынѣ за объявленную же цѣну въ типографіи, или всю первую половину 1759. года сухопутнаго шляхетнаго Кадетскаго Корпуса у переплетчика Гексбре получить, а притомъ оной журналъ и каждаго изъ прошедшихъ мѣсяцовъ особливо, кромѣ Генваря и Февраля, въ оной же типографіи продается цѣною за мѣсяцъ на бѣлой бумагѣ по 20. а на сѣрой по 17. копѣекъ, также и по недѣлямъ, выключая тѣхъ же мѣсяцовъ, каждая книжка на бѣлой бумагѣ по 5. а на сѣрой по 4. копѣйки.

XX.

Августа 28. дня.

ПИСЬМО.

Государь мой!

Хотя я увѣренъ, что никто изъ читателей вашихъ пріятному вашему слогу, какой вы въ сочиненіяхъ и о маловажныхъ дѣлахъ употребляете, болѣе меня удивляться не можетъ; однако желалъ бы я охотно видѣть, чтобъ въ книжкахъ вашихъ, которые уже цѣлые томы составляютъ, и по всему виду останутся для потомства, все предлагаемое, и съ общею человѣческаго рода пользою нѣкое сродство имѣющее, самымъ дѣломъ исполняемо было.

Я уже не малое время съ великою нетерпѣливостію ожидалъ разсужденія вашего о обыкновенныхъ въ воспитаніи дѣтей непорядкахъ; да и надѣялся, что оное по временамъ продолжать будете. Но понеже я въ надеждѣ своей обманулся; то отважился сообщить вамъ свои о томъ мысли.

Мнѣ помнится, что Периклъ въ говоренной имъ рѣчи при погребеніи нѣкоторыхъ юношей Аѳинейскихъ, въ Самоскомъ походѣ жизни своей лишившихся, имѣлъ разсужденіе,

которое отъ многихъ древнихъ ученыхъ весьма похваляется: а именно; сравниваетъ онъ уронъ, смертїю сихъ юношей отечеству причиненной, съ тѣмъ вредомъ, которой естьли бы отъ потерянїя весны году приключился. Ущербъ отъ худаго воспитанїя дѣтей обществомъ претерпѣваемой есть столь же вредителенъ, потому что онъ нѣкоторымъ образомъ потомство подавляетъ, и отъ отечества отнимаетъ такихъ людей, которые всѣ могли бы быть въ знанїи своемъ преизрядными, ежели бы предподавано было имъ надлежащее наставленїе и ученїе.

Я читалъ книгу Ишпанскимъ докторомъ Iоганномъ Гвартомъ сочиненную подъ заглавїемъ, Examen de ingenios; въ которой предлагаетъ онъ между первыми положенїями напередъ и сїе: что кромѣ природы ничто не можетъ человѣка къ наукамъ учинить понятнымъ: и что безъ особливой способности къ какому художеству или наукѣ, къ которой кто себя опредѣляетъ, ни крайнее самаго его прилѣжанїе, ни все тщанїе, также и ни руководство лучшихъ учителей не произведутъ ни малѣйшаго въ немъ успѣху.

Сїе положенїе изъясняетъ онъ примѣромъ Марка сына Цицеронова.

Цицеронъ желая, чтобъ сынъ его обучился совершенно тѣмъ наукамъ, къ коимъ онъ его опре-

опредѣлилъ, послалъ его въ городъ Аѳины, которой былъ тогда преславнымъ во всемъ свѣтѣ училищемъ, въ той надеждѣ, что тамъ великое политическихъ народовъ собранїе, неотмѣнно много честныхъ примѣровъ представитъ, и поводъ подастъ ему преуспѣвать нечувствительнымъ образомъ въ его наукахъ. Онъ препоручилъ его въ наставленїе Кратиппу въ числѣ великихъ философовъ въ свое время бывшему; и понеже находившихся тогда книгъ не довольно было къ его наставленїю; то сочинилъ онъ для него нѣсколько новыхъ. Однакожъ въ исторїи объявляется, что Маркъ при всемъ томъ остался глупымъ, и что натура употребленное на отца истощанїе зберегая при сынѣ, учинила его столь неспособнымъ, что онъ отъ всѣхъ правилъ краснорѣчїя, отъ предписанїй философїи, отъ собственнаго своего раченїя, и отъ обхожденїя съ преизрядными людьми въ Аѳинахъ, не могъ ни какой получить себѣ пользы.

Сего ради предъявленной Ишпанской писатель представляетъ, что въ Государствѣ надлежитъ нѣкоторымъ искуснымъ мужамъ разсматривать молодыхъ людей по ихъ склонностямъ, и каждаго опредѣлять къ чему кто годенъ явится.

Платонъ объявляетъ намъ въ одномъ изъ своихъ разговоровъ, что Сократъ, у коего мать была повивальною бабкою, говаривалъ:

хотя мать его въ дѣлѣ своемъ была весьма искусна, однако еще не могла помогать родильницѣ, пока сама не здѣлалась беременною; такимъ же образомъ не льзя было и ему научить того, котораго природа къ тому потребными дарованіями не снабдила. Также и способъ ученія состоящей въ вопросахъ и отвѣтахъ, которой употреблялъ сей философъ при обученіи учениковъ своихъ, поспѣшествовалъ природѣ ихъ, чтобъ они могли изъявлять свои мысли.

Вышепомянутой Ишпанской писатель, разсуждая о семъ съ большею тонкостію, утверждаетъ, что всякой родъ остроумія содержитъ нѣкоторую съ собою согласную науку, въ которой одной можетъ онъ быть превосходнымъ. Что же касается до такихъ разумовъ, кои ко многимъ дѣламъ кажутся имѣть равную способность; то почитаетъ онъ ихъ за недовершенное зданіе натуры, которое строила она съ поспѣшеніемъ.

Есть безспорно нѣкоторые, не токмо въ весьма маломъ числѣ находящіеся люди, къ коимъ натура была столь не благосклонна, что они ни въ какомъ дѣлѣ не могутъ показать успѣховъ. Всякой умъ имѣетъ нѣкоторую склонность къ знанію, которая надлежащимъ раченіемъ подкрѣплена и исправлена быть можетъ.

О Кла-

О Клавіи извѣстно, что онъ принятъ былъ въ Езуитское училищѣ, и тамъ покушалися обучать его разнымъ наукамъ, и какъ въ намѣреніи положено было, его яко самаго глупца, отъ коего не можно было ожидать никакой надежды, изъ онаго училища выслать; то напослѣдокъ одному изъ учителей пришло на мысль отвѣдать, не будетъ ли онъ способенъ къ геометріи? А къ сей наукѣ имѣлъ онъ отъ природы такую склонность, что учинился въ числѣ славнѣйшихъ въ то время геометровъ. Вообще думаютъ, что сей орденъ остроуміемъ своимъ, какъ онъ учащихся по понятію ихъ разбираетъ, еще не мало возвысилъ свою славу, пріобрѣтенную имъ въ свѣтѣ.

Но сколь много разнствуетъ воспитаніе дѣтей у насъ отъ описаннаго здѣсь мною! Поистиннѣ весьма обыкновенно есть, что сорокъ или пятьдесятъ отроковъ разнаго возраста, разныхъ склонностей, и разнаго сложенія находящихся въ одной школѣ, одной наукѣ учатся, и однѣ дѣлаютъ задачи. Какого бы состоянія ни было природное ихъ понятіе, однако всѣхъ ихъ принуждаютъ быть хорошими стихотворцами, историками и ораторами. Имъ всѣмъ надобно имѣть одну способность, по ровну стиховъ, и по ровну въ прозѣ задачь дѣлать. Каждой долженъ имѣть такуюже твердую память, какою

одаренъ изъ нихъ первой. Словомъ вмѣсто того, чтобъ ученїе располагать по разной способности юношей, желаемъ мы отъ нихъ паче того, чтобъ они располагали себя по ученїю. И сїе по признанїю моему надлежитъ приписывать не столь учителю, какъ наипаче отцамъ, или родственникамъ ихъ не прїемлющимъ никакихъ совѣтовъ, что сынъ или сродникъ ихъ не можетъ получить въ той наукѣ или художествѣ такихъ успѣховъ, какїе въ состоянїи оказать сынъ ихъ сосѣда, и что всѣхъ тѣхъ совершенствъ не достигнетъ, кои желаютъ они въ немъ видѣть.

Ежели въ чемъ вѣкъ нашъ предъ прошедшими преимущество имѣетъ; то можетъ онъ похвалиться великодушнымъ попеченїемъ, кое нѣкоторые доброжелательные люди о воспитанїи дѣтей убогихъ родителей прилагаютъ. Но понеже въ сихъ училищахъ любовь родительская много препятствующая никакого дѣйствїя не имѣетъ, то учащїе учинили бы ихъ обществу совершенно полезными, когда бы смотрѣли на правила сообщенныя мною выше. И сїе безъ сомнѣнїя могли бы они весьма легко исполнить, естьли бы дарованїя подчиненныхъ своихъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣвъ распредѣляли ихъ по пристойнымъ классамъ по ихъ понятїю къ той

или

или другой наукѣ, къ ремесламъ, къ художествамъ, къ торгу, къ морской или къ сухопутной службѣ.

Но сколь мало радѣютъ у насъ три главные чины о семъ учрежденіи!

Докторъ Сутъ жалуяся на людей опредѣляющихся въ чинъ духовной, хотя они къ тому весьма негодны, объявляетъ въ нѣкоемъ сочиненіи: что иной человѣкъ ломаетъ голову свою на катедрѣ напрасно, а онъ могъ бы отечеству своему изрядную приносить пользу сохою.

Такъ иной юристъ, которой не можетъ въ судахъ получить себѣ особливой чести, могъ бы въ знатной чинъ произойти при морскомъ флотѣ, а нынѣ почти онъ ничего не дѣлаетъ.

Я зналъ одного цырюльника, которой подъ добрымъ предводительствомъ могъ бы быть изряднымъ лѣкаремъ.

А чтобъ изъяснить сіе еще обстоятельнѣе, то сколь много не находится у насъ остряковъ между работниками, и искусныхъ въ политикѣ лакѣевъ. У насъ много есть портныхъ великорослыхъ, и бритвщиковъ широкоплечихъ; а однако притомъ видимъ малорослыхъ дрягелей, которые подъ ношеніемъ кипы съ товарами едва не упадаютъ; а они могли бы безъ сумнѣнія съ лучшею

 прово-

проворностїю обходиться съ иглою или гораздо способнѣе и съ большею пользою быть фельдшерами.

Хотя у Спартанянъ воспитанїе дѣтей учреждено было по симъ же правиламъ, какїя предложены здѣсь мною, однако поступали они притомъ еще съ большею строгостїю, нежели какъ мною показано. У нихъ законами запрещено было накрѣпко родителямъ воспитывать дѣтей своихъ по своему произволенїю. Дѣти семи лѣтъ въ нѣкоторые класы записываны, и на коштѣ республики содержаны были. Старѣйщины смотря на ихъ дѣйствїя, часто въ ссору ихъ приваживали, и другъ на друга раздражали, чтобъ можно было имъ по такимъ въ младости ихъ оказаннымъ опытамъ видѣть разныя ихъ дарованїя, и невзирая на ихъ знатность, ежели потребно было что произвесть въ дѣйство для пользы общества, какъ ихъ употреблять. Симъ образомъ учинилась Спарта весьма скоро владѣтельницею всея Грецїи, а по благоучрежденнымъ гражданскимъ и военнымъ уставамъ во всемъ свѣтѣ славною.

Ежели вы, государь мой! удостоите сїе письмо напечатать въ вашихъ сочиненїяхъ: то можетъ быть сообщу я вамъ еще болѣе мыслей о семъ же дѣлѣ. Я есмь вашъ и проч.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXI.

О СЛАВѢ.

Дабы въ столь пространномъ дѣлѣ, какова слава есть, мнѣ самому не ошибиться, то я учинилъ разсужденіе объ ономъ особымъ порядкомъ и образомъ. Во первыхъ показалъ я причины, для чего Провидѣніе въ душу нашу вложило побужденіе къ дѣйствіямъ нашимъ? Потомъ разными разсужденіями доказалъ я, что во первыхъ слава есть такая вещь, которую получить трудно, а потерять можно весьма скоро. Второе; что она честолюбивымъ людемъ доставляетъ небольшое благополучіе; токмо напротивъ того наноситъ имъ многія скуки и печали. Теперь еще покажу я, что славолюбіе не допускаетъ насъ достигнуть того намѣренія, которое могли бы мы получить удобно, и кое соединено быть имѣетъ съ совершеннымъ удовольствіемъ. Читатели мои могутъ видѣть сами, что я подъ симъ разумѣю блаженство опредѣленное намъ въ другомъ вѣкѣ, которое всякой получить можетъ, и кое есть вѣчнымъ исполненіемъ радостей и веселія.

А сколь много исканіе чести въ достиженіи сего толикой важности намѣренія

препятствуетъ, оное можетъ читатель усмотрѣть самъ изъ слѣдующихъ трехъ положенiй.

Первое, сильное желанiе чести производитъ въ душѣ разныя грѣховныя привычки.

Второе, многiя дѣла способствующiя намъ къ снисканiю славы не доводятъ насъ по ихъ состоянiю къ совершеннейшему благополучiю.

А третiе, хотя мы не споримъ, что нѣкоторыя дѣйствiя суть настоящими способами отчасти къ прiобрѣтенiю намъ славы, а отчасти къ учиненiю насъ благополучными; однако они къ сему предѣлу насъ не доводятъ, когда происходятъ отъ желанiя къ полученiю перваго.

По моему мнѣнiю можно намъ изъ вышепредложеннаго заключить весьма натурально, что превеликое безумiе есть, искать похвалы у какого ни есть существа, кромѣ творца самаго для слѣдующихъ двухъ причинъ: первое, что никакое другое существо праведно судить и по заслугамъ нашимъ ублажить насъ не можетъ; второе, что отъ почтенiя и прославленiя другихъ существъ не льзя намъ получить никакой особливой пользы и выгоды.

И такъ во первыхъ никакая тварь не можетъ объ насъ разсуждать правильно и насъ почитать по достоинству. Сотворенныя суще-

щества видятъ насъ токмо изъ внѣ, и по сему могутъ разсуждать только о видимыхъ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, а сколь неудобны суть сіи признаки къ учиненію намъ праваго разумѣнія о чьихъ совершенствахъ, оное можно видѣть изъ многихъ разсужденій. Есть многія добродѣтели, которыя по своему свойству, не могутъ ни коимъ образомъ въ внѣшнемъ видѣ явиться. Есть много тайныхъ совершенствъ въ душѣ добродѣтельнаго человѣка, естество человѣческое премного украшающихъ, токмо не могущихъ другимъ людемъ явиться; онѣ пребываютъ сокровенны, и не приводятъ никого въ удивленіе и въ восхищеніе, а явны суть токмо тому, кто сердца и утробы испытуетъ. Какія же дѣйствія могутъ изъявить цѣломудренныя мысли приводящія добродѣтельнаго человѣка въ лучшее состояніе, и святымъ его творящія? Кто видитъ тишину и спокойствіе души доставляющей человѣку совершенное настоящими его обстоятельствами наслажденіе? Кто знаетъ внутреннее удовольствіе, какое чувствуетъ человѣкъ, когда онъ можетъ творить дѣла благія? Кому вѣдомы утѣха и радость, которыя получаетъ онъ отъ цвѣтущаго состоянія и благополучія его товарищей? Сіи и другія подобныя добродѣтели суть сокровенныя красоты души, и закрытыя доброты, до коихъ смертное око про-

проникнуть не можетъ, а душу оныя содѣлываютъ пріятною и драгою предъ тѣмъ, отъ коего ничто сокровенно быть не можетъ. Напротивъ того есть много и такихъ добродѣтелей, коимъ случая не бываетъ, явить и оказать себя въ дѣйствіяхъ.

Всякая добродѣтель требуетъ времени, мѣста, особаго предмету и надлежащаго обстоятельствъ соединенія, когда ей въ дѣйствіи настоящимъ образомъ простираться должно. Убожество затемняетъ всѣ добродѣтели, щедролюбія и великодушія. Терпѣніе и мужество мученика или исповѣдника во время процвѣтающаго христіянства лежатъ подъ спудомъ. Нѣкоторыя добродѣтели показываются токмо въ противностяхъ, другія въ щастіи; иныя между приватными людьми, а другія между состоящими въ высокихъ чинахъ персонами. Но великой Творецъ сего свѣта видитъ и во тьмѣ всякое совершенство, и видитъ не токмо то, что дѣлаемъ, но что и впредь будемъ дѣлать, видитъ наши поступки во всѣхъ дѣлахъ намъ приключающихся, видитъ же и насъ во всѣхъ возможныхъ дѣйствіяхъ, яко бы заплетенныхъ. Онъ знаетъ мученика и исповѣдника и безъ изтязанія его огнемъ и другими муками, и въ свое время воздастъ ему мзду за оное дѣло, котораго онъ въ дѣйство произвесть хотя никогда не имѣлъ случая.

Дру-

Другая причина, для чего люди объ насъ справедливо разсуждать не могутъ, есть сїя, что одно дѣло со многими различными намѣренїями соединено, и причина та изъ противныхъ основанїй произведена быть можетъ. Дѣла наши суть такого различнаго состоянїя и сопряжены съ столь многими обстоятельствами, что люди имѣютъ объ нихъ разныя разсужденїя; или толкуютъ въ противную сторону, потому что много или мало тѣ дѣла испытуютъ; или особливыя обстоятельства много или мало примѣчаютъ; такъ что человѣкъ по одному и тому же дѣлу можетъ казаться одному лицемѣромъ и лукавцомъ, а другому святымъ и героемъ. По сему кто о душѣ разсуждаетъ по внѣшнимъ ея дѣйствїямъ, тотъ смотритъ на нее сквозь обманчивое стекло, которое весьма легко можетъ оную показать въ другомъ образѣ и въ превращенномъ видѣ Чего ради тотъ есть праведной судїя нашихъ совершенствъ, которой не по добротѣ нашихъ дѣлъ о честности намѣренїя нашего разсуждаетъ, но благїя наши дѣла по добродѣтельному предпрїятїю нашему на мѣрилѣ полагаетъ. А сверхъ сего также не возможно есть, чтобъ внѣшнїя дѣйствїя наши представляли совершенства души, отъ которой онѣ произошли. Онѣ не доказываютъ совершенно нашея добродѣтели, а могутъ только показать намъ,

какїя

какія обыкновенности душа имѣетъ, не представляя степени и совершенства оныхъ. Онѣ суть по высокой мѣрѣ токмо слабыя изображенія нашего намѣренія, вымышленные и несовершенные образцы, которые хотя весь чертежъ нѣкоторымъ образомъ намъ предъявляютъ, токмо живости и красоты подлинника никогда изъявить не могутъ. Но великому Судіи всего свѣта вѣдома каждая степень человѣческаго исправленія и прихожденія въ совершеннѣйшей градусъ доброй обыкновенности, также и изъ слабыхъ движеній и склонностей не учинившихся еще обыкновенными намѣреніями и предпріятіями, онъ видитъ первое несовершенное основаніе добродѣтели въ душѣ нашей, и зритъ на все ея растѣніе бодрственнымъ окомъ, пока она получитъ полную и всевозможную пріятность, и явится во всей своей красотѣ и совершенствѣ.

По сему видимъ мы, что никто кромѣ высочайшаго Существа самаго по заслугамъ нашимъ разсуждать объ насъ не можетъ, ибо всѣ другія заключаютъ о насъ по дѣламъ нашимъ, которыя не могутъ имъ никогда подать настоящей идеи о состояніи нашемъ, потому что много есть совершенствъ человѣческихъ, кои не могутъ всѣ въ дѣлахъ нашихъ являться; ибо хотя иныя суть та-

кого

кого состоянія, что оказаться могутъ удобно, но не бываетъ для нихъ къ тому ни какого случая, а хотя бы случай и нашелся къ оказанію ихъ себя въ самомъ дѣлѣ, однако не могутъ онѣ приняты быть за благо, но паче почтутся, что они происходятъ отъ худыхъ источниковъ; или напослѣдокъ, хотя бы причины сіи совершенства производящія и извѣстны были, однако ими степень, крѣпость и совершенство тѣхъ дѣлъ не могли бы быть доказаны.

И понеже высочайшее Существо единый есть судія совершенствъ нашихъ: то онъ единый же и лутчій наградитель за оныя. Сіе разсужденіе касается до нашей пользы равномѣрно какъ другое до славолюбія нашего. И чегожъ славолюбивѣйшему и корыстей ищущему человѣку, естьли бы ему вольно было выдумать нѣкое существо, у коего хотѣлъ бы онъ сыскать себѣ благоволеніе, осталось желать болѣе, какъ чтобъ оное существо было такое, которое бы и малѣйшей видъ совершенства могло въ немъ видѣть, и притомъ было бы столь щедро, чтобъ приличнымъ за то мздовоздаяніемъ его наградило? чего ради всякой славолюбивой склоняя кичливость свою на сію сторону, и ища приличной честолюбію своему славы может при употребленіи на и лучшимъ

образомъ

образомъ своихъ талантовъ разсудитъ, что придетъ оное время, когда Господь и Владыка всего созданія, и судія всѣхъ человѣкъ, видящій всѣ степени совершенствъ въ другихъ, и симъ всѣ совершенства въ себѣ имѣющій, ублажитъ его предъ Ангелами и человѣками, и при всей твари изречетъ ему сіи важныя и утѣшительныя слова: *Благій и вѣрный рабе! вниди въ радость Господа твоего.*

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXII.

XXII.

Сентября 4. дня.

РАЗГОВОРЫ БОГОВЪ.

ПЕРВОЙ РАЗГОВОРЪ.

Какимъ образомъ побѣждать сердца.

Венера: Нѣтъ, ты не можешъ ни мало оправдаться суровостiю, съ какою любовь твою приняла Сиринксъ. Тотъ ли ея достоинъ, кто оной преодолѣть не можетъ, и не стыдно ли небу, что одинъ изъ боговъ, полюбя смертную, не могъ побѣдить ея стыдливости.

Панъ. Какiе дѣлаешъ ты мнѣ выговоры? развѣ недостатокъ прелѣстей долженъ мнѣ причисленъ быть въ порокъ?

Венера. Не должно ли изъ рѣчей твоихъ заключить, что кто хочетъ нравиться, тому надобно быть толь пригожу, каковъ самъ Аморъ? никакъ! Слабость наша не требуетъ многихъ прелѣстей у любовниковъ.

Панъ. Чтожъ бы мнѣ надлежало дѣлать?

Венера. Тебѣ бы должно совсѣмъ инако начать, нежели какъ ты учинилъ, и конечно бы тебѣ удалось. Да и для чего бы не удаться? Естество вложило въ каждое сердце общее сѣмя къ горячности, которая другимъ поломъ

воспламѣняется. И сего ужѐ довольно, чтобъ полюбиться, когда оно не одарило насъ превосходными тѣлесными пріятностьми, кои сами собою сердца побѣждаютъ.

Панъ. Ты чаятельно хочешъ сказать, что по одному только свойству мущины, можно имѣть требованіе нато, чтобъ понравиться.

Венера. И подлинно такъ. Но любовникъ неимѣющей ничего кромѣ горячности, которую одинъ полъ къ другому ощущаетъ, не всегда еще всемъ тѣмъ обладаетъ, чемъ онъ можетъ понравиться. Иногда долженъ онъ употребить средствомъ хитрость, и когдабъ ты зналъ, какова состоянія сердце человѣческое; то бы увидѣлъ, что не трудно оное преодолѣть. Особливое притомъ есть то, что оное почти также какъ крѣпость осаждается. Сперьва надлежитъ искать пріятства любезной особы, испытывать ея склонности и стараться оную себѣ привлечь, а потомъ мало по малу самою ею завладѣть. Наконецъ здѣлаешься и повелителемъ надъ оною. Всѣ сіи вещи не приносятъ столько славы любовникамъ, сколько бы думать надлежало. Склонность, которую мы имѣемъ, здаться, умаляетъ безмѣрно славу ихъ побѣды. Но скажи мнѣ прежде: какъ ты началъ, чтобъ понравиться Сиринксѣ? Мнѣ кажется, ты къ ней пришелъ будучи восхищенъ ея прелѣстями. Уповательно оказалъ ты ей и особливую горячность, какъ

будто

будто бы болѣе ничего къ тому не требовалось, чтобъ понравиться, сказавъ только: Я тебя люблю.

Панъ. Ты угадала.

Венера. Сего то было тебѣ и дѣлать не надлежало. Это великая въ любовникахъ глупость, что они изъясняютъ свои желанія, не возбудивъ прежде желаній въ ихъ любовницахъ, и отъ сего то Панъ всѣ ихъ нещастія происходятъ. Любовь естъ такова, что она загорается въ смятеніи и безпокойствіи, въ коихъ она колеблется; и такъ чтобъ понравиться, надлежитъ напередъ привесть сердце въ безпокойствіе. Вотъ и вся тайна.

Панъ. Но не принадлежитъ ли къ тому еще чего, кромѣ хотѣнія, къ приведенію сердца въ безпокойствіе.

Венера. Нѣтъ болѣе ничего, нѣтъ ни одного сердца, которое бы неохотно колебалось, и въ семъ состояніи только надобно перервать покой сердце оное обремѣняющей. Когдабъ я была любовникомъ, тобъ не трудно мнѣ было понравиться. Но я бы и отомъ ни мало не помышляла, чтобъ оказать мою горячность той особѣ, коя бы въ меня оную влiяла. Я бы довольствовалась тѣмъ, чтобъ она сама оную угадала. Невѣденіе, въ кое бы я ее привела, конечно бы ее безпокоило, и когдабъ сіе без-

 покой-

покойство нѣсколько времени въ сердце ея пребыло, тобъ оное учинило ее безъ сомнѣнія влюбленною.

Панъ. Изрядно: теперь то я научился, теперь надѣлаю я столько завоеваній, сколько самъ похочу. Но какъ могу я оные за собою удержать? Не знаешь ли ты и къ сему особливой хитрости?

Венера. Нѣтъ. Сія хитрость есть тажъ самая. Смятеніе, кое намъ сердце подвергаетъ, обнадеживаетъ насъ и владѣніемъ онаго; но всегда труднѣе оное сохранить, нежели онымъ обладать. Часто не много стоитъ, чтобъ понравиться, но весьма много, чтобъ долго нравиться. Часто бываешь столь влюбленъ, что долго любимъ быть не можешъ. Часто и любезной насъ не толь довольно плѣняетъ, чтобъ имѣть къ нему безпрестанную горячность. Но способы къ сохраненію горячности сердца никогда того не обманываютъ, которой оные употреблять можетъ, или хочетъ. Надобно только всегда оказывать нѣчто новое, подъ какимъ бы видомъ ни показываться, когда только сіи виды перемѣнны, то должно всегда любимѣе становиться.

Панъ. Радуюсь, что ты нашла способъ противъ непостоянства. Мнѣ всегда то досадно было, когда я помышлялъ, что пріятнѣйшая любовь со временемъ должна прекратиться.

Венера.

Венера. Для чево ты о томъ толь сильно досадовалъ? Сіе постоянство не имѣетъ въ себѣ такихъ прелѣстей; оно сохраняется неинако какъ многими средствами, и имѣетъ всегда нѣчто слабое, нѣчто утомленное. Чтобъ быть щастливыми, не должно намъ ничего щастію нашему способствовать. И щастіе людей никогда за дѣйствіе ихъ разума почесться не можетъ.

второй разговоръ.

о премудрости.

Аполлонъ. Можно ли тебѣ одинъ разъ выбрать любовника и съ тѣмъ любиться? развѣ всегда надобно слышать о новыхъ твоихъ любовныхъ дѣлахъ.

Венера. Дай мнѣ любовника, которымъ бы я всегда была довольна, то обѣщаю тебѣ, быть ему на вѣки вѣрною.

Аполлонъ. Изрядно, я вижу, что ты отъ любовника твоего получаешъ всѣ пользы, какія только получатъ можешь, а когда онъ для тебя истощаетъ, то бѣжишъ ты къ другому.

Венера. Подлинно такъ; чтожъ можешъ ты опорочить въ сей поступкѣ? Отъ меня ли то зависитъ, что склонность моя не долѣе про-

должается? И хотябъ то и отъ меня зависило, то бы и тогда я весьма разумно дѣлала, когдабъ я оныхъ перемѣняла. Первыя желанія любовникомъ возбуждаемыя, почитаются всегда за лутчее, что мы въ немъ обрѣсть можемъ. Они суть цвѣтъ забавъ любовныхъ; напротивъ того все прочее непріятно.

Аполлонъ. Нравоученіе твоё, Венера, весьма изрядно, такъ что ты однимъ знаніемъ довольствоваться не можешъ.

Венера. Я старалась оное и дѣйствомъ исполнять. Но Аполлонъ, ты порицаешь меня непостоянствомъ; а знаешъ ли, что ты гораздо непостояннѣе меня? Едва найдешь ты одну истинну, то ищешь ты уже и другой: для чего не остаешься въ покоѣ.

Аполлонъ. Это трудная задача: мы ученые имѣемъ особливое желаніе къ знанію. Повѣришь ли, что недостатокъ въ познаніи намъ столь же чувствителенъ, сколь и вамъ недостатокъ въ забавахъ? Словомъ, мы имѣемъ подобно вамъ потребности, а разумъ имѣетъ неумѣренность, которую столь же трудно обуздать, сколь и неумѣренность сердца.

Венера. Но тебѣ надобно же когда нибудь устать отъ исканія. Ибо, кромѣ того что я думаю, что труды твои рѣдко награждаются, да и то съ крайнѣю нуждою; какъ можешъ ты ихъ сносить.

Апол-

Аполлонъ. О! когда мы устанемъ отъ искаңія, тогда начинаемъ мы вѣрить. Сей то способъ мы употребляемъ, когда захотимъ успокоиться и получить новыя силы, къ продолженію нашего теченія по прежнему.

Венера. Какъ развѣ вѣрить только надобно отъ утомленія? Я бы того никогда себѣ не вообразила.

Аполлонъ. Однако это правда.

Венера. Но можешъ ли ты всегда употреблять сіе средство? Ибо ты долженъ о многомъ сомнѣваться: много такихъ дѣлъ, коимъ вѣрить не надобно, не изслѣдуя ихъ съ прилѣжаніемъ.

Аполлонъ. Но мы сомнѣваемся столь мало, сколь возможно; сомнѣніе трогаетъ весьма сильно разумъ, оно такое состояніе, которое многаго движенія требуетъ. Мы бы хотѣли охотно наслаждаться удовольствіемъ, чтобъ вѣрить, не стараясь о изслѣдованіи.

Венера. А для чего бы вамъ изслѣдывать? Сіе невѣденіе было бы вамъ забавою, коей любопытство васъ лишаетъ.

Аполлонъ. Я тебѣ еще разъ сказываю, что людемъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи не льзя успокоиться, при совершенномъ невѣденіи, и имъ столь же невозможно ничего не знать, сколь и ничего не чувствовать. Они на то

рождены, чтобъ сїи обѣ вещи вдругъ производить и исполняютъ опредѣленное имъ порядочно. Представь себѣ, что разумъ клонится въ одну сторону, а сéрдце въ другую, и оба стремятся не переставая; разумъ для того, чтобъ обрѣсть новыя знанїя, а сердце для того, чтобъ получить новыя похоти.

Венера. Это дураческое состоянїе, когда надобно всегда искать, а почти никогда ничего не находить.

Аполлонъ. Но тому всегда ходить прїятно, кто покою не любитъ. Сверьхъ того натура отомъ мало печется, довольны ли ею люди въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Она въ движенїи ихъ, кои имъ даруетъ, не смотритъ на ихъ пользу, но старается о самой себѣ. Правда иногда поспѣшествуетъ имъ нѣчто къ лутчему, но тогда они ей надобны, и потому они зато нимало благодарить ей не обязаны. На примѣръ: даетъ сердцу возможность чувствїя, которая ничемъ удовольствоваться не можетъ, вперяетъ въ разумъ желанїе къ познанїю, которое никакихъ предѣловъ не имѣетъ. Не думаешь ли ты, что она то въ пользу людемъ дѣлаетъ? Никакъ, но токмо для собственной своей пользы. Она знаетъ, что польза дѣйствїя ея того требуетъ, чтобъ они были въ непрестанномъ движенїи. И такъ не опасайся, чтобъ она имъ втомъ недо-

недостатокъ причинила. И подлинно, что бы было жалостнѣе позорища міра, когдабъ оное не было перемѣняемо различными людскими упражненіями? Каковы бы были науки, художества и полезныя дѣйствія оными производимыя, когдабъ люди сего любопытства не имѣли, котораго они свободиться не могутъ. Міръ бы ничто иное былъ какъ толпа праздныхъ людей, другъ на друга взирающихъ, и непрестаннымъ покоемъ объемлемыхъ.

Венера. Ты хочешь то сказать, что естество премудро для людей учредило, чтобъ быть имъ въ непрестанномъ движеніи и для исполненія сего намѣренія оное толь премудро, что положило имъ предѣлъ, коего они никогда достигнуть не могутъ.

Аполлонъ. Самая истинна.

Венера. Я съ моей стороны тѣмъ весьма довольна, что естество сердце движеніемъ одарило: и въ самомъ дѣлѣ было бы весьма жалко, когдабъ имѣть сердце, котораго бы ни къ чему употребить не льзя было; но мнѣ кажется, что естество не имѣло причины придать разуму движеніе. Я не вижу, какіе бы имѣло сіе движеніе пріятности.

Аполлонъ. А я вижу, ты думаешь, что одна только любовь приноситъ забавы. Сіе показываетъ, что ты ею очень довольна; но над-

лежитъ тебѣ знать, что есть еще забавы, кои не меньше пріятны, какъ и твои, хотя они и совсѣмъ другаго рода. Ахъ! когдабъ ты увидѣла ученаго, нашедшаго истинну, коя ему надобна, въ какомъ бы усмотрѣла ты его восхищеніи? Никогда любовникъ владѣющей по желанію своему любезною не чувствовалъ толь сладкой радости. И для чегобъ ему не быть столь же щастливу, сколь и любовнику? Не имѣетъ ли онъ также какъ и тотъ славу завоеванія? Да что я говорю, ему надобно еще больше превозноситься, онъ не на удачу то получилъ, но самъ себя благодарить долженъ, а прилѣжное его вниманіе поразило волнующуюся истинну.

Венера. И такъ ты думаешъ: что ученіе также страсть, какъ и любовь, да еще и такая же пріятная страсть.

Аполлонъ. Я не знаю, такова ли она пріятна; но могу тебѣ сказать, что всѣ страсти хороши. Они толь намъ драгоцѣнны, что мы ни одной упускать не должны; ихъ считать надобно за прибытокъ, и приносить жалобу, имѣя недостатокъ въ оныхъ.

Венера. Но премудрость запрещаетъ оныя.

Аполлонъ. Какъ? премудрость хочетъ запрещать страсти, когда она сама есть страсть.

Венера. Премудрость страсть!

Апол-

Аполлонъ. Да, страсть: трудно тому повѣрить, ибо она всѣ другія искоренять хочетъ, и себя непріятельницею оныхъ объявляетъ. Впрочемъ не думай, чтобъ она, не имѣя сего названія не имѣла дѣйствія оныхъ. Какъ? развѣ премудрость не должна приводить въ движеніе и терзать сердце, чтобъ овладѣть онымъ? И не сіе ли то есть различающее свойство страстей.

Венера. Что мнѣ нужды до такой страсти, которая другихъ терпѣть не можетъ.

ТРЕТЕЙ РАЗГОВОРЪ.

сравненіе любьви съ скупостію.

Аморъ. Твое состояніе должно быть безъ сумнѣнія хорошо. Ты владѣешъ всѣми сокровищами земли, ты богъ богатствъ; однако тѣмъ ты другихъ нещастливѣе. Ибо словомъ сказать, что помогутъ всѣ сіи богатства, когда наслажденіе оными всегда отлагаешь?

Плутонъ. Того порока ты не имѣешь, Аморъ, извѣстно, что ты къ наслажденію весьма поспѣшаешь.

Аморъ. Это правда; но помышляй о томъ, чтобъ себя защищать.

Плутонъ.

Плутонъ. Къ тому не надлежитъ ничего другаго, кромѣ того чтобъ я узналъ заблужденіе мнѣній. Думаютъ, что я мои богатства съ другими дѣлить долженъ, чтобъ наслаждатися оными пріятнѣйшимъ образомъ. Никакъ, суета не промышляетъ мнѣ сего удовольствія; скупость подаетъ мнѣ лутчіе забавы. Ахъ когдабъ ты зналъ, сколько преимуществъ имѣетъ мое наслажденіе, и сколь оное лутче твоего! Ты лишъ только насладишься, то ужѐ желанія твои тебя покидаютъ, и впадаешь тотчасъ въ безпечность и небреженіе, и отъ того до тѣхъ поръ исправиться не можешъ, пока исполненіе новыхъ желаній не наградитъ отсутствія старыхъ. Что до меня касается, то не теряю я моего щастія наслажденіемъ вещи, оное причиняемой. Владѣніе моимъ имѣніемъ возбуждаетъ во мнѣ токмо желаніе ко умноженію онаго; и сіе желаніе неприскорбно, не такъ какъ у любовниковъ; моя бережливость обнадеживаетъ меня о храненіи онаго.

Аморъ. Но ты мучишься страхомъ, чтобъ не потерять твоихъ сокровищъ.

Плутонъ. Сіе имѣю я съ тобою общее; да и весьма то хорошо, что дѣла въ такомъ порядкѣ. Можно бы въ щастіи зазнаться, и не льзя бы узнать достоинства онаго, ког-

когдабъ не имѣть нѣкоего безпокойствія, чтобъ его не потѣрять Но сіе безпокойствіе маловажно; оное будучи подкрѣпляемо моимъ особливымъ бдѣніемъ въ состояніи здѣлать забавы мои чувствительными. Но вы любовники совсѣмъ инаковы; вы по справедливости безмѣрно безпокоитесь, и не можете быть щастливыми. Внезапной случай своенравія, котораго вы миновать не можете, низвергаетъ васъ вдругъ съ высоты благополучія.

Аморъ. Что хочешъ ты изъ того заключить. Что любовь имѣетъ погрѣшности, втомъ никто тебѣ прекословить не будетъ; но даетъ ли сіе тебѣ право, чтобъ сравнивать твои забавы съ тѣми, кои происходятъ отъ сладчайшей изъ всѣхъ страстей?

Плутонъ. Для чевожъ нѣтъ? Я утверждаю, что въ моемъ царствѣ веселяе, нежели въ твоемъ. Не сказывай мнѣ, что скупость въ худой славѣ, я то довольно знаю; но то дѣлается изъ ненависти, что оную такъ поносятъ. Не будучи въ состояніи препятствовать въ щастіи наслаждающимся прибытками скупости, лишаютъ ихъ всѣ удовольствія, чтобъ почитаться щастливыми. Вотъ все, что имъ въ досаду здѣлать было можно.

Аморъ.

Аморъ. Могло ли то быть имъ довольною досадою, развѣ скупость не самая гнуснѣйшая изъ всѣхъ страстей? Всѣ другїе связуютъ людей другъ съ другомъ, учреждаютъ между ими нѣкоторой родъ торгу союзъ общества составляющей. На примѣръ: въ любви вкушаешъ и получаешъ паки чувствительности; слава такова же, надобно давать похвалы, когда похвалы получать хочешъ: только одна скупость все къ себѣ привлекаетъ, и ничего не возвращаетъ.

Плутонъ. И подлинно сїе есть главная ея погрѣшность; но что до тово нужды, она сообщникамъ своимъ приноситъ щастїе.

Аморъ. Не знаю, что еще сказать. Это только малые забавы, кои ни съ кѣмъ не раздѣляются.

Плутонъ. Ты то такъ думаешъ. Натура произвела забавы, кои дѣлятся, но она и такїя создала, кои однимъ свойственны.

Аморъ. Хотябъ сїе и дѣйствительно было, толькоже скупость и для того не меньше пребыла гнусною страстїю. Она ни для кого не годится, кромѣ того, коимъ она обладаетъ.

Плутонъ. Но подумай, Аморъ, говоря толь худо о скупости, что и въ любьви есть нѣкоторой родъ скупости? Добро, коимъ владѣешъ, не хочешъ дѣлить ни съ кѣмъ, ни

ни чего не упускаешь, чтобъ оное себѣ присвоить, ничего не щадишь, что бы оное продлить могло. Всѣ страсти такого сложенія до тѣхъ поръ дороги, пока оныя намъ щастіе приносить могутъ.

Аморъ. Но есть страсти, кои намъ щастіе приносятъ, и въ тоже самое время и другимъ полезны бываютъ.

Плутонъ. Я втомъ согласуюсь; но натура даровала также намъ страсти, только до однѣхъ насъ касающіяся.

Аморъ. Это правда; перьвые называются добродѣтельми, а послѣдніе пороками.

ЧЕТВЕРТОЙ РАЗГОВОРЪ.

о краснорѣчіи.

Минерва. Что помышлялъ Юпитеръ, опредѣля тебя богомъ краснорѣчія и богомъ разбойниковъ? Приноситъ ли тебѣ сей послѣдней титулъ, столько чести, чтобъ ты оную къ перьвому присовокупить могъ? Ахъ! возврати Юпитеру сіе странное божество; богу неприлично быть атаманомъ разбойнической шайки, и оправдать погрѣшности оной.

Меркурій. Ахъ оставь пожалуй небо, какъ оно есть, много бы надлежало во ономъ исправ-

исправленія, но скажи мнѣ пожалуй, кто далъ тебѣ смѣлость, говорить толь худо о разбойникахъ? Не показываетъ ли ремѣсло ихъ искуства, и нѣкотораго рода неустрашимости, которая ихъ не дѣлаетъ толь презрительными? Когда ты меня сильно разсердишь, то могу тебѣ сказать, что хорошо бы было ихъ содержать въ почтеніи; хотя не худо дѣлаютъ, что ихъ и наказываютъ. Ликургъ человѣкъ весьма разумной былъ объ нихъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Онъ привелъ разбой въ славу, и оной по мнѣнію его былъ образцомъ войны. Подумай Минерва, разбои были наставленіемъ великихъ мужей въ Лакедемонѣ возращенныхъ.

Минерва. Ликургъ на меня не погнѣвается, я всегда такихъ людей презирать буду, которые втомъ упражняются, чтобъ у другихъ отнимать именія. Но скажи мнѣ, для чего нашъ великіи богъ Юпитеръ оба сіи божества въ тебѣ соединилъ? Не для того ли онъ сіе учинилъ, что онъ тебя къ обѣимъ симъ дѣламъ призналъ за способнаго? Или для того можетъ быть, что сіи оба чины другъ другу подобны? И подлинно краснорѣчіе есть нѣкоторой родъ пронырства; оно есть искуство къ притѣсненію людей, оно есть удобной способъ и къ обману оныхъ.

Меркурій

Меркурій. Есть по моему мнѣнію еще другой родъ краснорѣчія, о которомъ ты не вздумывала, то есть сильное и горячее краснорѣчіе, искуство презирающее, и токмо силою вооружающееся. Таково было красноречіе Демосѳеново; и сіе то могла бы ты уподобить людемъ разбойниками называемымъ.

Минерва. Ахъ! сіи ораторы не столь опасны, отъ нихъ можно остеречься, и хотябъ то произошло отъ суемудрія, но и въ такомъ случаѣ извѣстно, какимъ образомъ имъ противиться. Я меньше вѣрю искусному и нѣжному оратору, скрывающему отъ меня свои намѣренія и утѣснять меня старающемуся; а какъ мнѣ нападеніе его неизвѣстно, то и не помышляю я о томъ, чѣмъ мнѣ обороняться; и имѣю удоволствіе видѣть себя побѣжденнымъ, не чувствуя стыда въ ономъ пораженіи.

Меркурій. И такъ не дивись больше тому что тебѣ въ соединеніи моихъ обѣихъ божествъ толь странно показалось. Великое множество находится такихъ вещей, кои глупыми являются, когда ихъ изслѣдуешь. Но какъ мы уже начали изслѣдывать наши титулы, то скажи мнѣ, для чего здѣлали тебя богинею войны и премудрости? Мнѣ кажется, что ты одному изъ сихъ дѣлъ, не отрекшись отъ другаго, предстоять не можешь.

Минерва. Кто тебѣ это сказалъ? Война имѣетъ свои прибытки, кои тебѣ невѣдомы

домы. Она свобождаетъ общество отъ злаго. Она есть ядъ оное очищающей, и все оному тягостное отвращающей. Но гдѣ ты слышалъ, что люди премудростїю водимы быть должны? Ахъ я бы къ нимъ была гораздо добра, естьлибъ даровала имъ таковаго вождя. Они должны имѣть глупости, которые однѣ ихъ веселить могутъ. Меркурїй, имъ надлежитъ быть толь глупыми, каковы они суть. Впрочемъ не могла бы я ихъ разумно предводить. Посредствомъ глупостей ихъ владычествую я надъ мїромъ. Мнѣ бы такъ не удавалось, когдабъ я онымъ посредствомъ разума владѣла. И каково бы то показалось, когдабъ люди были разумны? Не довольно ли и тово что они себѣ воображаютъ, быть разумными?

Меркурїй. Какъ? Можешъ ли ты думать? чтобъ они сами себя толь сильно обманывали.

Минерва. Люди суть глупцы! но разумные глупцы. Разсуждай самъ изъ сея хитрости. Они изъ глупостей своихъ здѣлали столько же добродѣтелей.

Меркурїй. Ежели то правда, то не могу я ихъ довольно похвалить, что они нашли способъ, наслаждаться прїятностїю глупостей, и несмотря нато сохранить честь премудрости.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXIII.

XXIII.

Сентября. 11 дня.

Содержанïе мечтательныя игры о Александрѣ раскаяпшемся.

Клитъ между происходипшимъ песелïемъ на пиру, уязпилъ слопами спосполъстпенными честь спосго Государя. Александръ, обучипшей спои уши къ похпаламъ, не могъ пытерпѣть грома того голоса. Остапилъ столъ, не послушалъ прошенïй дружескихъ, и съ копьемъ пъ рукахъ остапопился пъ томъ мѣстѣ, отъ куды гости принуждены были позпратно пыходить. По пришестпïи туды Клита, узнапши его Александръ по голосу, ударилъ его копьемъ пъ бокъ и умертпилъ. И только что упидѣлъ его мертпа, тогожъ часа птомъ раскаялся. Взялъ тоже копье, для обращенïя онаго на себя самого: и хотѣлъ себя лишить жизни, ежелибъ не прибѣгнула туда гпардïя. И такъ не позмогши себя умертпить, палъ на землю, плакалъ и просилъ слѣдующими слопами друзей и пойско спое отомъ, чтобъ болѣе не оставаться ему пъ жипыхъ, съ такимъ его безслапïемъ:

АЛЕКСАНДРЪ РАСКАЯВШІЙСЯ.

Что вы дѣлаете друзья? Для чего меня удерживаете? Для чего не согласуетесь въ такъ справедливомъ мнѣніи, чинимомъ мною о самомъ себѣ? Для чего не допускаете сему копью въ утробѣ такого друга осквернившемуся, обмыту быть въ моей крови? Начто бережете здравіе того, кто не оставляетъ жизни ни самымъ своимъ друзьямъ? Не троньте, не троньте, пусть что бы тѣнь Клитова жертвою убійцы укротилася.

Развѣ вы хотите, что бы суды всего свѣта назвали повинною вашу неповинность, во гнѣвѣ моего безумія? Развѣ вы хотите, что бы слава вашихъ геройческихъ дѣлъ была помрачена, отъ потачки учиненной вами, моимъ несмысленнымъ дѣйствамъ? Не мѣшайте симъ рукамъ въ приношеніи той жертвы, которую онѣ назначиваютъ душѣ толь любезнаго друга. Допустите Александра до той славы, чтобъ восторжествовалъ онъ самъ надъ собою.

Знаю, что мечь Александровъ такою есть казнію, которая бы могла учинить желательною смерть: и того ради прошу великодушіе вашихъ сердецъ, не супротивиться въ показаніи такой чести моему раскаянію. Пусть умретъ безъ сумнѣнія, отъ рукъ весьма достойныхъ, убійца такъ беззаконной.

кой. Припишите то къ моей фортунѣ, которая хощетъ, что бы ударъ Александровъ, получилъ себѣ казнь отъ Александражъ.

Ежели отрекаетесь отъ сей печальной моему праху славы, то потрудитесь сами оное произвесть своими саблями. Мое недостоинство оправдитъ вашъ гнѣвъ: ибо и съ царями должно поступать по правосудію. Стрѣла наказанія небеснаго, не выключаетъ отъ своихъ ударовъ преступленій государскихъ. Наказаніямъ за скверные грѣхи, не должно имѣть отмѣны, ни по чести ни по лицу. Уволяю я вашу совѣсть отъ должной вѣрности. Разрѣшены вы отъ узъ клятвенныхъ обѣщаній и присягъ, Александру учиненныхъ, въ сбереганіи здравія царя своего.

Я ужѐ не царь, ибо цари избраны наидостойнѣйшіе къ храбрости и милости, для государствованія, и наставленія тѣмъ другихъ. Ужѐ я не Александръ, потому что великодушіе Александрово, кое отъ предѣловъ всего свѣта описано не было, не могло бы толь сквернымъ отмщеніемъ укротиться.

Какой бы вы опытъ признали отъ моей крѣпости ожесточающейся въ друзьяхъ? Какія правила отъ моего разума, упадающаго въ мои прихоти? Какой образецъ отъ моего

моего воздержанія, углубляющаго мой умъ въ безчинствахъ на пированіи? Какой примѣръ отъ моего правосудія убивающаго тиранскимъ насильствомъ несправедливо наивѣрнѣйшихъ?

Ну же храбрѣйшіе, отдайте меня въ руки смерти: поручите другимъ сей Скипетръ, наложите на другихъ сію Корону. Сія порфира напоминаетъ мнѣ, и поноситъ меня наисправедливѣйше за пролитіе крови неповинныя. Сіи головные уборы, и украшенія царскія, не приличны уже такому убійцѣ, такому измѣннику.

Прощеніе то, каковое свойственно есть вашимъ сердцамъ, да премѣнится на ярость. Милость обитающая въ великодушіи вашихъ сердецъ, да будетъ гнѣвомъ къ наказанію меня.

Сіи опечаленія моего сердца не движутъ ли ни мало безъ пристрастія вашихъ чувствъ. Недостоинъ тотъ милости, кто не имѣетъ милости къ друзьямъ.

Не подражайте вы царей вашихъ согрѣшеніямъ, такъ беззаконнымъ. Приписуется та же вина и та же проступка не только тому, кто въ какомъ злодѣйствіи соглашается, но и кто его и не наказываетъ. Благополучіе тѣхъ народовъ, уже окончилось,

лось, которые не стараются пресѣкать не-
правосудій своихъ владѣтелей. Глупое то
терпѣніе, кое вредитъ натуру, небо и по-
томство. Кто не наказываетъ согрѣшеній,
тотъ неблагодаренъ себѣ самому, потому
что чинится недостойнымъ оной вольности,
которыя онъ не можетъ право потерять,
какъ токмо отъ самого себя. боги не за-
ступаютъ тѣхъ народовъ, кои въ главномъ
почтеніи содержатъ неправосудіе: тужатъ
и потомки въ наслѣдованіи примѣра такъ
подлаго, недостойнаго ихъ рода и сердецъ.

И ежели всѣ должны гнушаться непра-
восудіемъ, то коль паче принадлежитъ сіе
до войскъ! Ибо арміи, соединенія, солдат-
ство, требуютъ ли, обѣщаютъ ли, пред-
ставляютъ ли другое что, кромѣ правосу-
дія? Войско неправедное пришедши въ осла-
бѣніе, упадаетъ само собою и безъ силы не-
пріятельской. Земля и море сговариваются
къ его истребленію. Небо, которое мило-
сердымъ есть покровомъ всему человѣческо-
му роду, многократно устрашаетъ его стрѣ-
лами.

бойтесь, вы солдаты, гнѣва божескаго,
которой есть всегда смертоносенъ. Правда
не другое что, какъ гнѣвъ божеской могъ
принудить сіи руки къ оскверненію кровію

 такъ

такъ достойнаго друга. Конечно, конечно, гнѣвъ божеской подстрекнулъ меня къ такой крайности. Отъемлютъ боги разсужденїе изъ нашего ума, дабы мы сами собою въ сѣти безславїя, а многократно и въ руки смертныя, попадались. Иное по истиннѣ не могло бы отнять разума у Александра, кромѣ силы божеской.

Ахъ я несчастливой! что преминулъ отъ принесенїя должной жертвы отцу бакхусу, за то между лакомствами и банкетами произвелъ я убїйство. Тотъ превратилъ весь разумъ на безумїе, кто не хочетъ исполнять должныхъ жертвъ божеству. Отреканїе во время опредѣленное отъ воздаянїя чести богамъ, привлекательствомъ есть ярости гнѣва ихъ. Вѣра наша сложена изъ богочестїя: наипаче богочестїе душею есть здѣшняго свѣта, и такъ подъ провидѣнїемъ боговъ, благополучїе препровождаетъ теченїе всѣхъ нашихъ дѣйствъ. безъ заступленїя боговъ, несчастїе привлекло всѣ свои злыя излитїя къ нашимъ поврежденїямъ. Несчастливый Александръ, что по нерадѣнїю своему привлеклъ на себя гнѣвъ отъ неба, отъ того убилъ онъ друга такъ храбраго, такъ любезнаго, такъ вѣрнаго.

Опыты твоей храбрости, Клитъ, поносятъ мой гнѣвъ по совѣсти. Ты при рѣкѣ Граникѣ, пре-

пренебрегая своимъ здравіемъ твердость щита, охранилъ собственнымъ своимъ оружіемъ мою жизнь. Сабля Розаврова возторжествовала бы надъ моею головою, ежелибъ она не была предъупреждена твоею отважностію.

Но на что я прибавляю новыя оскорбленія къ возмущенію моего сердца? На что воспоминаю тѣ благодѣянія, которымъ я толь недостойное учинилъ награжденіе? бѣдный Клитъ, несчастливъ ты только потому, что имѣлъ дружбу съ наибольшимъ Монархомъ свѣта!

Что тебѣ пользы изъ толикихъ великодушныхъ дѣйствъ храбрости, приводившихъ во удивленіе и самую ненависть? Что тебѣ корысти изъ той вѣрности, съ которою чрезъ толикія лѣта препровождалъ ты тріумфы отца моего? Что тебѣ возмездія за поты толикихъ трудовъ, ко удовольствованію желаній моего славолюбія? Что тебѣ воздаянія за толикія опасности, въ сохраненіи тобою мнѣ короны? Какое тебѣ награжденіе за полученныя тобою раны, для охраненія моей жизни? Смерть беззаконная, безъ утѣхи друзьямъ, и сожалѣнія сродникамъ. Смерть, между веселіемъ пировательнымъ, которое смѣшало вино съ кровію.

Смерть, столь наполненная страховъ и ужасовъ, сколь была снапутствованная отъ темноты ночной, и угроживанная отъ молнiй моего гнѣва. Смерть наконецъ, толь болѣе мучительная, сколь меньше заслуженная.

О неблагодарствiе неслыханное! Когда почитается варварскимъ, нечестивымъ, и жестокимъ оное сéрдце, которое не только недостойно къ показыванiю благодѣянiй, но что и допускаетъ себя побѣждать милостiю; то какое мнѣнiе будетъ въ свѣтѣ о Александрѣ, такъ съ друзьями поступающемъ, такъ солдатъ награждающемъ? Неблагодарствiе есть мерзостнымъ порокомъ и самому себѣ. Справедливо неблагодарные люди уподоблены Ехиднамъ, раздирающимъ то чрево, отъ куды воспрiемлютъ они бытiе и жизнь свою.

Я ли по полученiи мною толикихъ показанiй любьви, толикихъ знаковъ почтенiя толикихъ дѣйствъ крѣпости: что по утвержденiи имъ моего состоянiя, защищеннаго ево бѣдствiями, не видѣлъ ни мочи ни силы такой, которая бы мнѣ страхъ причинила; съ недостойнымъ признанiемъ заслуги толикихъ добродѣтелей, ево растерзалъ, ево закололь?

Над-

Надлежало мнѣ удержать руку отъ уязвленія того сердца, которое безъ сумнѣнія моимъ образомъ было изображено.

Чтобъ я былъ сынъ Іовишевъ, таковымъ я быть не долженствую, ниже могу тому повѣрить. Пролгалось о Оракулахъ, и пустыя только ласкательства, льстящихъ моей фортунѣ. боги не раждаютъ неподобныхъ себѣ. Нечестивое то дѣло, что бы приписывать небу такъ вещь недостойную, какъ душу неблагодарнаго человѣка. божество не можетъ раждать выродковъ отъ самаго себя. бабры и змѣи не раждаются отъ львовъ. Гнѣвъ не имѣетъ себѣ индѣ мѣста, кромѣ ада.

Вижу и дознаваюсь, что отмѣнилъ я отъ себя любовь всѣхъ моихъ друзей! не можно не ненавидѣть такого сердца нечестиваго, которое не соотвѣтствуетъ благодѣянію инако, какъ неблагодарствіемъ. Нынѣ кто уже будетъ охотно со мною обходиться? Кто облегчитъ своимъ развеселеніемъ мою печаль? Кто объявитъ тайну своихъ мыслей? Кто откроетъ вѣрность своего разума? Кто отворитъ внутренность своего сердца?

Всѣ совѣты будутъ съ притворствомъ, всѣ засвидѣтельствованія лживы, всѣ на-

ставленія неправдивы. Языкъ не употребитъ инаго, кромѣ ласкательства: слова будутъ говоримы болѣе къ моему угожденію, нежели къ показанію правды: болѣе къ поспѣшествованію моей воли, нежели къ удовольствованію знанія того, кто ихъ говоритъ.

Чего не можетъ произвесть страхъ въ сердцахъ оныхъ, кто служитъ Государю, имѣющему руки такъ священнотаскія, что не имѣетъ закона справедливости, что упражняется во гнѣвѣ своего оружія: чрезъ которой лишается разумъ своихъ правилъ, а добродѣтель самой себя, отчаявается.

Не погнѣвитесь на меня друзья мои, ежели вина моя приводитъ меня ко устрашенію еще и отъ такой вещи, каковой не можно быть въ сердцахъ вашихъ. Знаю, что великодушіе ваше не можетъ отъ себя отдалиться: но кто во грѣхѣ, тотъ боится и невозможнаго. Совѣсть опороченная думаетъ, что для нее только падаютъ стрѣлы съ неба. Она то, она, что мученіемъ есть нарушателямъ вѣрности, похититъ еще и у сна весь покой.

Будетъ представляться всегда въ мысли моей тѣнь бѣднаго Клита. Станетъ опечалять

лять очи недостойными рачами: смущать сердце, справедливыми поношеніями: словомъ, буду я подобенъ тѣмъ раненымъ, которые не могутъ утерпѣть кто бы до нихъ дотронулся. Стану бояться со всѣхъ сторонъ, чтобъ гнѣвъ небесный не устрашилъ меня своими стрѣлами. Каждаго друга, котораго ни увижу къ моему лицу подходящаго, убоюся, что не пришелъ ли онъ для утушенія надомною праведнаго своего гнѣва.

Да чтожъ будетъ отъ васъ солдаты, ктобъ похотѣлъ приступить къ сему Іовишу, испускающему стрѣлы и на друзей своихъ! Возгнушаетесь вы моимъ обхожденіемъ, побѣжите отъ моего сообщенія. возъимѣете въ ненависти мое присудствіе. Злость другихъ даетъ искуство ко избѣжанію отъ опасностей. Счастливо то благоразуміе, которое научаетъ осторожности отъ приключившейся смерьти другимъ!

Надлежитъ мнѣ пребывать погребенну во всегдашней печали мыслей, сожигаему отъ пламеней знанія моихъ погрѣшеній. Вольность будетъ изъ вашихъ устъ изгнана. Похочу ли когда я облехчить себя отъ скуки сопровождающей беспокойства военныя; то кто ужѐ пошутитъ, кто повеселится со мною?

О не-

О нещастливый Александръ, возненавиденный друзьями, и самимъ собою! Что мнѣ пользы изъ моихъ побѣдъ и славы? Что мнѣ корысти изъ того, что привелъ я себѣ въ подданство большую часть земли? Что побѣдилъ Дарія, покорилъ Азію и восторжествовалъ толикимъ числомъ свѣта, сколько видѣть могъ. Слава та минуема, гордость тщетна, побѣда простая, когда не могъ я одолѣть страстей мучащихъ мое самовластіе: когда подлежу бесчестному возжеланію, то лишенъ я разума: когда отсталъ я отъ справедливости, то учинилъ тиранское чувствіе самому себѣ.

Буду я подобенъ тѣмъ звѣрямъ, которые какъ возгордились отъ киченія своей силы; то стали ими гнушаться того же рода звѣри, и ненавидѣть ихъ другіе. Обыкновенно въ ненависти и зависти находятся властители: однако не будетъ такого пристрастія, которое бы не отзывалося о моей винѣ. Сердца самыя премилосердыя, кои не имѣютъ инаго разсужденія, кромѣ сожалѣнія о впадшихъ впрегрѣшеніе по человѣческой слабости; воспротивятся моему почтенію.

Весьма мнѣ того жаль, что я Александръ, да и что еще царь. Недостатки тѣлесныя не чинятъ такого предмета къ похуленію, како-

каковое чинитъ налицѣ простая бородавка. Строеніе сколь выше, столь виднѣе очами и казистѣе разсужденію всѣхъ. Малинькая кровля сокровенная въ своей низкости, чуть что видится отъ презрѣнія. Погрѣшенія царскія, всѣмъ суть главныя; и толь вяще недостойны извиненія, сколь служатъ другимъ въ прикрытіе ихъ беззаконій.

Видимой огонь на равномъ мѣстѣ, не великою есть диковиною: напротивъ того зажженной факалъ на горѣ, подаетъ причину къ любопытству всѣмъ языкамъ, а иногда и къ писанію многимъ писателямъ. Тѣ проступки, кои бы въ другихъ прикрыты были властію, или извинены случаемъ; во Александрѣ поставляются такими ударами, что бы вознегодовали благодѣянія на самыя милости. Свѣтъ весьма наполненъ моею славою. Слава чрезмѣрно пронесла мои торжества. Зависть и злоба не могутъ воспріять голоса пріятнѣйшаго. Покореніе толикихъ государствъ, безсиліе толикихъ народовъ, вѣтвь толикихъ тріумфовъ, будетъ приписана вашимъ трудамъ, вашимъ попеченіямъ, вашимъ рукамъ: а мнѣ только одни проступки, и нещастія.

Не завидую я, о храбрѣйшіе! славѣ вашего прославленія. былъ бы я недостоинъ

тои

этой власти, каковую содержу, ежелибъ во умѣ своемъ имѣлъ хотя какое малинькое отомъ мнѣніе. Я безмѣрную ревность къ вашему возвеличенію имѣю. Мое сердце наполнено только желаніями о вашемъ здравіи, и вашемъ почтеніи.

Тысящекратно пренебрегалъ я свое здравіе, предавалъ самъ себя на смерть, удержанія ради отъ опасностей вашея неустрашимости, Всегда вы меня видѣли перьвымъ во всѣхъ случаяхъ, перьвымъ во всѣхъ опасностяхъ. При осадахъ, показывалъ я вамъ примѣры: при баталіяхъ отваживалъ васъ дѣлами: въ степяхъ служилъ вамъ вождемъ, при отступахъ щитомъ, и въ трудахъ товарищемъ. Смерть никогда не имѣла ужасовъ къ моему устрашенію. Ежелижъ иногда бывалъ поспѣшателенъ о самомъ себѣ, то чинилъ для повиновенія вашимъ прошеніямъ, да и чтобъ не лишить васъ моего счастія.

Чрезъ сіе изъясняю, что не имѣю я такого мнѣнія, коебы не было къ вашей чести приписано. Уязвляетъ меня однако, безъсумнѣнія, наижчвѣйшая часть сердца, разсужденіе; что истратилъ я въ трудахъ тѣ годы, которые обыкновенно приводятъ людей въ вѣчность, а потомъ при оконча-

нія

жіи теченія моей славы оставляю на воспоминаніе потомкамъ память такъ недостойную. Не знаю, какъ нѣжность моего сердца, которое величается больше торжествомъ, нежели житіемъ, не подвергается сей ранѣ?

Истинна исторіи, коя есть зеркаломъ тому, кто лгать не умѣетъ: благороднымъ конемъ, кто льстить не знаетъ; какъ опишетъ будущимъ вѣкамъ сіе дѣйствіе? По истиннѣ безумны суть прихоти человѣческія! благополучіе ненавидитъ само себя, кто суетными желаніями противится распоряженію небесному. Какое бы было мое пристрастное мнѣніе, ежели бы Гомеръ въ живыхъ нынѣ еще находился?

Но слава благодѣянію судебъ божескихъ, что Гомера въ живыхъ нѣтъ во время Александрово. Естьли напередъ сего только зато, чтобъ мнѣ увидѣть его опять въ живыхъ, давалъ я изъ имѣнія своего половину свѣта; то нынѣ отвергаю такое мое пустомысліе. Тогда-бы подлинно мои несчастія, отъ руки Гомеровой были описаны.

Произвело бы во мнѣ большей страхъ вольное его пера писаніе, нежелибъ какъ въ нынѣшнее время Азія учинилася матерью ста Даріевъ. Сіи, не возъимѣли бы инаго могущества кромѣ отнятія у меня жизни, хотя

хотя не подло защищаемой: а оное, могло бы умерьтвить мое почтеніе, безъ поправленія моей храбрости.

Что было другое тому причиною, какъ не скоропостижное гнѣвовоспаленіе, кое разорвавши плотину разума, потопило всю ту добродѣтель, коя бы мои руки могла удержать отъ такого беззаконнаго дѣйства. О наглая страсть и самыхъ кроткихъ сердецъ! О насильныя и несносныя тиранства и самыхъ вольныхъ умовъ!

Какихъ смертныхъ пріуготовленій, дѣйства запальчивости не пріуготовили. Моровая язва отнюдъ не бывала такъ роду человѣческому вредительна. А только пусть примѣчаются убійства, и смерьти: беззаконія и предательныя измѣны; что они не отъ инуды, но токмо отъ гнѣвовоспаленія производство себѣ имѣютъ.

Продолженіе въ слѣдующемъ листѣ.

Праздное время въ пользу употребленное.

XXIV.

Сентября 18. дня.

Продолженїе

Александра раскаявшагося.

СКолько такихъ презнатныхъ городовъ, что нынѣ едва въ своихъ основанїяхъ, память ихъ именъ соблюдаютъ. Сколько такихъ областей, кои давали законъ и повелѣвали безчисленными народами: видятся нынѣ опустошенными, и разоренными? Высочество государей, и королей сколь болѣе почитается, столь болѣе сей молнїи подвергается. Сїя вспыльчивая страсть привела премногихъ къ паденїю. Иной убитъ спящей ночью: иному зделалась измѣна восхи-

щенныхъ Олтаряхъ: иной растерзанъ на королевскомъ престолѣ: иной наконецъ, какъ Клитъ, умерщвленъ, при веселіи піемаго вина, и пированіи.

Безъ сумнѣнія его досады и злорѣчія были язвительны и проницательны: трогали онѣ очень чувствительное сердце: ругали честь Александрову, которой не можетъ простить обиды ниже въ мысли: ибо всегда есть бѣдственно досаждать божеству. Однако не должно мнѣ было отнюдъ съ такимъ стремленіемъ поддаваться такъ непристойному безумію. Надлежало бы что нибудь другу и упустить. Дружбѣ можно извиняться въ великихъ погрѣшностяхъ. Свободно есть поле къ разговору друзьямъ: имъ дозволено, сколько они хотятъ, говорить: не были бы они друзьями, естьли бы не могли своихъ мнѣній съ выговоромъ объявлять.

Веселію пира и піемому при ономъ вину должно бы дать мнѣ было еще и поводъ къ отпущенію проступковъ Клитовой вольности. Научитесь вы, наперстники государскіе, не употреблять предъ своими властительми иныхъ, кромѣ кроткихъ словъ! Хотя мы великіе люди всѣ прото говоримъ, что гнушаемся ласкателями: да однако

послѣ

послѣ не пріобучаемъ ушей ни къ чему иному, какъ токмо къ ласкательству.

Что бы ты сказалъ, Аристотель, о своемъ Александрѣ? Твои прилѣжныя о немъ попеченія, твои наставленія, твои наученія, обмыли токмо камень. Вѣдаю, что съ моимъ стыдомъ учинилъ бы ты меня чувствительнымъ въ припамятованіи тѣхъ философскихъ сѣменъ, кои одни только могли обуздать не воздержность моихъ страстей. Съ какимъ бы прискорбіемъ получилъ ты отъ славы сію вѣдомость. Со слезами-бы кровавыми сталъ ты просить почтенія своему Александру.

Однако я не сумнѣваюся, что полученныя тобою о моемъ раскаяніи и смерьти извѣстія, неразвеселели ли бы твоей печали. Вѣдаю, что твоя ко мнѣ любовь преклонила бы твое сердце къ общему отъ сожалѣнія заплаканію: что лишаешься ты Александра, которой тебя, равно какъ себя любилъ. Но совсѣмъ тѣмъ обрадовался-бы ты увидя кровію мою честь искупленну; и въ твоихъ памятныхъ запискахъ, кои ты составляешь въ вѣчность; уповаю записалъ бы тотъ примѣръ, что предпочелъ я предъ жизнію славу. Сіе мое послѣднее дѣйство будетъ достойно къ заключенію всей славы Александровой.

О! еще ли я нещастливой льщу самъ себѣ удостоиться похвалы отъ такого варварскаго жестокосердія? Еще ли я тѣмъ величаюся, что яко бы Аристотель между божественныхъ своихъ писаній вложилъ оное такъ тиранское дѣйство! Не могу я инако разсудить, что бы свѣтъ не согласовался въ моей смерьти, какъ достойной за толь великое мое преступленіе казни. Справедливо мнѣніе Аристотелево, яко инымъ чего либо любленіемъ, кромѣ правды, необязанное; не похочетъ осквернить чистоты своихъ чернилъ. Повѣсть еще и сумнительная можетъ отнять имовѣрность у историка, какъ бы онъ достоинъ оной ни былъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Пусть Аристотель наставляетъ только потомковъ, преподаетъ только ученія на предосужденіяхъ моей славы, будущимъ вѣкамъ. Для проложенія дороги дѣйству многихъ, не должно прощенія показать для почтенія только одного. Примѣръ, которой бы обманулъ имовѣрность всѣхъ временъ, поправленіемъ такого человѣка неблагодарнаго, и беззаконника. Мое преступленіе не имѣетъ себѣ такихъ извиненій, кои бы его вину оправдить могли. Слабость человѣческая, привышкая скрывать всѣ наиважнѣйшіе грѣхи; не может ныне мною употреблена быть въ умовоображательной предлогъ.

О достойныя побѣды! О честныя торжества! О славныя Трофеи! осквернять руки въ крови такого друга ограбленнаго, обезоруженнаго и преодолѣннаго отъ вина!

Гдѣ, Александръ, твои честолюбивыя мысли? Гдѣ ты покинулъ свое великодушіе? Напредъ сего не допускалъ ты, что бы ночь скрывала подъ тѣнью своего мрака сіяніе твоей храбрости: а нынѣ ли скрадываешъ ты побѣду такъ недостойную? Напредъ сего плакалъ ты, что не были такъ обширны границы свѣта, каковы твои желанія: но что бы надобно здѣлать тебѣ нынѣ, когда ты будешъ въ свѣтѣ, такъ тѣснымъ отъ твоего честолюбія признаваемъ, обнародованъ за безчестнаго?

Справедливо ты, Стесикратъ, думалъ уподобить горѣ Ату мою статую: ибо сердце такъ нечестивое, душа такъ звѣрская, рука такъ беззаконная не можетъ инако изъяснена быть, какъ вырѣзаніемъ меня на такой горѣ полной звѣрей и камней. Но скажи ты мнѣ, продерзкой моего честолюбія ласкатель! Годится ли вложить городъ въ ту десницу, коя людей умерщвляетъ рѣки водныя въ ту руку, коя кровь изливаетъ?

Сія ли есть оная заслуга, показанная мною моей кормилицѣ? Сіи ли почести поставляются оными дарами, кои себѣ пріобрѣли ея душевныя ко мнѣ склонности. Сія то ли кровь за то ей насмѣхающаяся, что она для воспитанія меня свою утробу растерзала. Два ея сына померли служа мнѣ въ Милетѣ: а нынѣ я въ награжденіе за то убилъ и оставшаго у ней послѣдняго только одного брата, бывшаго единственнымъ ея вдовства утѣшеніемъ, и бѣднымъ остаткомъ ея несчастій.

Куда пристанетъ теперь она бѣдная? Къ кому прибѣгнетъ несчастливая? Я только одинъ изъ всѣхъ ея свойственниковъ остался въ живыхъ: и можетъ ли она на меня глядѣть безъ чувствованія въ себѣ гнѣва? Не загладится никакъ обида въ сердцѣ такой матери и сестры, которая обижена напрасно. Да и я злодѣйскій моихъ оберегателей убійца, по возвращеніи моемъ въ отечество, не могу ни глазъ показать предъ моею мамкою, безъ припамятованія ей чрезъ то ея бѣднаго состоянія и возбужденія въ ней гнѣва. И такъ мучась моею совѣстію, стану я бояться наказаній небесныхъ.

Ахъ! не допускайте вы до того, мои пріятели, не согласуйтесь въ томъ, солдаты: но оставя

ставя меня за такое мое преступленiе, достойное учинить самому себѣ отмщенiе, избѣгнете вы тѣмъ божескаго гнѣва, поношенiй свѣта, укоризны правосудiя, да и власти такого варвара, и такого тирана.

Переведено изъ книги Италiанской называемой Игры Мечтанiя, сочиненной Венецiанскимъ дворяниномъ Францискомъ Лореданомъ. С. П.

XXV.

БАСНЬ ДРІОПЫ.

Изъ девятой книги Овидіевыхъ превращеній.

Какъ говорила Іола и воздыхала о потерянной Галанфидѣ, то прекрасная супруга ея сына отвѣтствовала: когда печалишся ты о превращеніи рабы, и такъ нѣжно о чужей горести воздыхаешъ, то позволь мнѣ, [естьли только слезы твои и печаль твоя допустятъ] расказать нещастіе, которое мнѣ ближе принадлежитъ, и чуднѣйшую судьбину моея сестры! Никакая Нимфа во всей Италіи не могла въ красотѣ съ Дріопою, которая была единою надеждою и гордостію нѣжной ея матери, сравниться; [я дочь второй супруги] Андремонъ любилъ сію Нимфу, которая почтена была любовію отъ бога, управляющаго днемъ, которому Дельфы и островъ Дилъ покорены, Андремонъ по немъ имѣлъ ею въ объятіяхъ своихъ, блаженъ владычествуя тѣми прелѣстями, которыя угодны были богу.

Тамъ было озеро окруженное крутыми берегами, коихъ зеленыя хребты благоуханными миртами увѣнчанны. Подъ тѣнь сихъ деревъ пошла она, не предвѣдавъ напередъ о судьбинѣ своей,

своей, и принесла Наядамъ вѣнки изъ цвѣтовъ сплетенные. Она прижимала улыбающагося своего младенца, держа на раменахъ своихъ у персей сїе дражайшее бремя. Не подалеку отъ того мѣста росло при водѣ лотосое дерево, оно тогда разцвѣтало и всѣ его зеленыя вѣтьви украшались цвѣтами обѣщавающими принесть плоды, которые яснымъ цвѣтомъ Тирскому багрецу не уступаютъ. Съ дерева сего сорвала она одинъ цвѣтокъ, для увеселенїя непорочнаго ея сына. Я бы и сама была неосторожна и тоже бы самое здѣлала, но увидѣла стоя подлѣ ея, что отъ поврежденнаго цвѣта кровавыя падали капли. Я съ ужасомъ взглянула на сїе дерево, которое, какъ будто чувствительное, трепетало. Лотида Нимфа перемѣнила свой образъ [ежели объявленїе тамошнихъ жителей справедливо] когда она отъ недозволеннаго Прїапова любострастїя бѣжала, вкоренилась на семъ мѣстѣ, и здѣлалась растѣнїемъ, которое еще и по нынѣ симъ именемъ называется.

Сестра моя не вѣдавъ ничего о превращенїи семъ, ужаснулась взглянувши на сїе дерево, и хотѣла трепещуща бѣжать, прося напередъ лѣсныхъ Нимфъ о прощенїи, и умоляла ихъ оскорбленное божество, но какъ она назадъ хотѣла бѣжать, то примѣтила, что ноги ее одеревенѣли и вросли

сли въ землю: тщетно старалась она вросшїе свои ноги изъ земли вытянуть, и только лишь поварачивалась; борясь такимъ образомъ, почувствовала, что ростущая кора вдругъ около ея стала, и ею совсѣмъ съ низу покрыла. Ужасаясь сему подняла она трепещущую свою руку, терзать свои власы, тогда рука ею произрастила листвїе, гдѣ прежде были власы, тамъ выростали также листвїе, и тотъ часъ покрылась она вѣтьвїемъ. Младенецъ Амфиссъ лежащей у ея персей, чувствовалъ оледенѣвшую и отвердѣлую грудь, и примѣтилъ, что источники, которые тогда въ первый разъ млекомъ течь перестали, вдругъ засохли. Я все сїе нещастная, что теперь разсказываю, сама видѣла, и стояла при тебѣ свидѣтельницѣю, не могши подать тебѣ помощи, какъ постигъ тебя рокъ сей. Я обняла твои вѣтьви, удерживала возрастающую кору, желая вмѣстѣ съ тобою срастись, и смѣщать тѣнь съ тѣнью.

Тогда пришолъ Андремонъ съ нещастнымъ ея отцомъ, они вопрошали о Дрїопѣ, и вмѣсто Дрїопы обрѣли ростущее дерево, они цѣловали кору, подъ которою еще жилы трепѣтали, они падши ницъ, орошали превращенное растенїе слезами, и обнимали, оное какъ будто бы и они приросли къ ево корню.

Лице

лице, которое только осталось, не походило уже болѣе на женское, но еще и не совсѣмъ было дерево. Вѣтьви твои висели влажностію наполненны, и пока еще ты голосъ имѣла, то сквозь дрожащія вѣтьвіи произносила въ жалостномъ стонѣ слѣдующія слова:

„ Естьли кто еще злощастнымъ вѣритъ, то
„ клянусь небесными богами, которые на-
„ домною никакого не имѣютъ милосердія,
„ что сіе тяжкое отмщеніе учинено мнѣ
„ за неумышленное преступленіе: мы жили
„ въ непорочности вмѣстѣ, и когда я неправду
„ вѣщаю, то пусть сіи новые листы увя-
„ нутъ, пускай ссѣкутся члены мои то-
„ порами и трескучее пламя да пожретъ все
„ мое украшеніе. Но возмите младенца сего
„ изъ рукъ моихъ обратившихся въ вѣтьви,
„ велите заступить мѣсто матери ево вѣр-
„ ной кормилицѣ, водите ево часто къ ма-
„ тери, дозволяйте ему играть подъ ея тѣ-
„ нію, и чтобъ онъ подъ сею же тѣнію
„ питался. Учите ево, какъ скоро дѣтской
„ языкъ начнетъ выговаривать несовершенныя
„ слова и имя матери своей произносить
„ будетъ, чтобъ почиталъ сіе дерево, и съ
„ плачемъ говорилъ; въ семъ растеніи за-
„ ключена нещастная мать моя. И когда бу-
„ детъ онъ какъ отрокъ гулять въ тем-
„ ныхъ лѣсахъ, тобъ бѣгалъ онъ озеръ и рѣкъ

крис-

„ кристальными водами текущихъ, и опа-
„ снымъ цвѣтамъ не прикасался, но остерегаясь
„ моимъ примѣромъ, вѣрилъ бы, что въ каж-
„ домъ деревѣ богиня заключается. Прости
„ родитель мой! Прости сестра моя! Про-
„ сти дражайшій мой супругъ! когда еще
„ любовь или сожалѣніе въ сердцѣ вашемъ
„ ко мнѣ обитаетъ, то обороняйте дерево
„ мое, и не допускайте скота до моихъ
„ вѣтьвей, и желѣзо бы оныхъ не прикасалось.
„ Простите! я немогу уже наклониться,
„ и отдать вамъ послѣдняго цѣлованія, по-
„ дойдите вы ко мнѣ сами. Сынъ мой при-
„ ми послѣднее цѣлованіе твоей матери,
„ покамѣстъ я еще тебя поцѣловать могу.
„ болѣе уже я говорить не въ состояніи,
„ кора покрываетъ уста мои.... они уже
„ заграждаются.... и голова моя осѣняется
„ тѣнію.... отъимите прочь отъ меня ва-
„ щи руки, кора и безъ помощи вашей сіи
„ умирающіе глаза закроетъ.......

Вдругъ пресѣклась рѣчь ея и бытіе, и вся Нимфа сокрылась въ дерево, но еще была кроющаяся жизнь во всѣхъ ея новыхъ вѣтьвіяхъ, и растеніе оное нѣсколько времени человѣческую теплоту имѣло.

Перевелъ А. Н...

XXVI.

XXVI.

ЕПИСТОЛА.

Государь мой!

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ уговаривали вы меня, чтобъ я моихъ нравоучительныхъ и философскихъ писемъ больше не наполнялъ нововымышленными мнѣніями, которыя вы почитаете заблужденными, что онѣ ни къ чему иному не служатъ, кромѣ что смущаютъ людей. Я не совсѣмъ осуждаю ваше отомъ напоминовеніе, а паче когда примѣчаю, что многіе изъ оныхъ во зло употребляются. Но не совсѣмъ надлежитъ полагаться на такія увѣщанія; ибо, сколько отъ сихъ нововымышленныхъ мнѣній происходитъ зла, столькожъ изъ нихъ раждается и добра. Ежелибъ вольность писателей была всегда ограничена, тобъ и по нынѣ были мы во многихъ заблужденіяхъ. Многія мнѣнія, которыя сѣ начала казались странными и глупыми, нынѣ почитаются неопровергаемою истинною, такъ что теперь столько же трудно ихъ отринуть, сколько опасно было сѣ начала ихъ принять. Въ

такомъ

такомъ случаѣ надлежитъ приступать къ самому дѣлу, дабы отдѣлить пшеницу отъ плевелъ; ибо со всемъ презрѣнїемъ и огорченїемъ, которые имѣютъ противъ нововымышленниковъ, можно признаться, что многїе заслужили изъ нихъ, чтобъ быть сравненными съ Геркулесомъ, потому что подобно ему истребили они чудовищъ сего свѣта. Новое мнѣнїе бываетъ либо полезное либо безполезное; ежели оно полезно, то просвѣщается онымъ свѣтъ, и родъ человѣческой извлекается изъ тьмы невѣжества; ежели же оно безполезно, то подаетъ случай къ изысканїю вещи, которая бы не легко на мысль притти могла; и для того говорилъ Аристотель: *сумнѣваться о непопринятомъ ученїи есть начало премудрости*. Ежелибъ сїи по вашему мнѣнїю вредные люди не были въ свѣтѣ, то бы мы и по нынѣ думали что земля плоска и пребыли бы въ безчисленныхъ другихъ заблужденїяхъ и суеверїи, которое отъ человѣческаго нераденїя имѣло бы надъ всѣмъ преимущество. И такъ осуждать вообще нововымышленныя и странныя мнѣнїя и отнимать вольность у людей въ распространенїи ихъ мыслей есть ничто иное, какъ возпрепятствїе въ изысканїи истинны, потому что охота въ человѣкѣ возбуждается воображенїемъ, а утверждающїе невѣжество ложъ и суевѣрїе, кои бы потому никогда

не

же были опровергаемы, обвиняютъ обыкновенно предлагающихъ новыя мнѣнія гордостїю, говоря, что они сбиваются съ истиннаго пути для того только, чтобъ показать, что они умняе другихъ. Сихъ порицателей можно самихъ обвинить, или завистїю, что они не могутъ терпѣть, для чего другїе лутче познаютъ вещи, нежели они, или лѣностїю, для того что они тѣмъ бы принуждены были употреблять разумъ свой съ большимъ прилѣжанїемъ и разсужденїемъ. Сверхъ сего, когда вы мнѣ отсовѣтываете безъ изъятїя, чтобъ я не писалъ нововымышленныхъ и собственныхъ мнѣнїй, то слово въ слово, какъ будто бы вы сказать хотѣли: не употребляй ни себѣ ни обществу въ пользу своего разума и пребудь въ томъ невѣжествѣ, въ какомъ предки наши жили.

Переведено съ Дацкаго.

ИЗВѢСТIЕ.

Въ разсужденіи того что многіе любители наукъ печатаемой въ типографіи шляхетнаго Кадетскаго Корпуса недѣльной журналъ берутъ охотно, принято намѣреніе продолжать оной и на будущей 1760. годъ, очемъ чрезъ сіе и объявляется, чтобъ желающіе оной брать на будущей годъ заблаговременно въ той типографіи о себѣ дать знать благоволили, а цѣна онымъ положена таже, какая и въ нынѣшнемъ году, а именно за весь годъ съ присылкою за онымъ изъ домовъ на бѣлой бумагѣ по два рубли съ полтиною, а на сѣрой по два рубли; изъ типографіи же онаго журнала въ будущемъ году по домамъ разносить не будутъ.

Естьли, кромѣ подписавшихся на нынѣшней 1759. годъ, кто пожелаетъ имѣть сего года журналъ, то можетъ его и нынѣ за объявленную же цѣну въ типографіи, или всю первую половину 1759. года, сухопутнаго шляхетнаго Кадетскаго Корпуса у переплетчика Гексбре получить, а притомъ оной журналъ и каждаго изъ прошедшихъ мѣсяцовъ особливо, кромѣ Генваря и Февраля, въ оной же типографіи продается, цѣною за мѣсяцъ на бѣлой бумагѣ по 20, а на сѣрой по 17. копѣекъ, также и по недѣлямъ, выключая тѣхъ же мѣсяцовъ, каждая книжка на бѣлой бумагѣ по 5. а на сѣрой по 4. копѣйки.

XXVII.

Сентября. 25. дня.

О худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти.

Никто не можетъ быть такъ скоро приведенъ въ замѣшательство и неспокойствіе, какъ тотъ, которой не можетъ разсуждать полезно о своихъ дѣлахъ; никто же напротивъ того не можетъ быть такъ легко успокоенъ, какъ тотъ, которой въ совѣсти своей никакихъ себѣ укоризнъ чинить не долженъ. Сіи истинны заключаютъ въ себѣ ясность, которая всякому очевидна. Между тѣмъ весьма нужно повторять ее безпрестанно и вкоренять въ мысли человѣческія. Ибо, что случается съ прочими истиннами, о которыхъ никто не сомнѣвается, потому что не можно противиться чувствованію о ихъ подлинности, невзирая на то, что при дѣлахъ о нихъ не помышляютъ и поступаютъ такъ, будто бы онѣ нимало были неоснованы: то же дѣлается и съ судьбиною тѣхъ истиннъ, о которыхъ я упомянулъ.

Мы живемъ столь порочно, будто бы намъ оскорбленной совѣсти и опасаться нечево; несмотря нато что искуство весьма часто сіе опровергаетъ; а добродѣтель любимъ столь мало, будто бы полезное разсужденіе о нашихъ дѣлахъ совсѣмъ никакого спокойствія произвесть не могло; но сіе не такъ часто опровергается, потому что рѣдкіе стараются имѣть добрую совѣсть.

Сіи представленія возобновились во мнѣ въ бытность мою предъ недавнымъ временемъ въ компаніи съ моими друзьями, гдѣ между прочими полезными и пріятными разговорами дошла рѣчь и до сей матеріи. Я видѣлъ тамъ ясной примѣръ, сколь много безпокойствія единое только воспоминовеніе, успокоенной ужѐ совѣсти, о противномъ добродѣтели дѣйствіи причинить можетъ. Сколь же великое возмущеніе и смятеніе должна совѣсть причинять въ тѣхъ, кои ежедневно новыя порочныя дѣла воспоминаютъ!

Клеантъ имѣетъ столь много хорошихъ свойствъ, что всѣ ево любятъ, которые ево только знаютъ. Сердце ево благородно и несклонно, чтобъ имѣть удовольствіе въ умышленномъ порочномъ дѣлѣ. Науки и обхожденіе съ пріятелями, въ выборѣ которыхъ

торыхъ хорошей его вкусъ особливо оказался, отвратили мысли его отъ всѣхъ подлостей. Но сіи совершенства не могли сохранить его отъ порока, которому и наибольшей смыслъ легко покоряется. Онъ познакомился съ нѣкоторою дѣвицею, которой свойства были заразительны. Онъ началъ имѣть къ ней почтеніе, которое превратилось въ горячность, а сія въ любовь. Съ ея стороны было равнымъ образомъ во всемъ тому соотвѣтствовано. Довольно извѣстно, что любовь между такими людьми рѣдко бываетъ Платоническою. Она не столь умѣренна, сколь сія, но нѣсколько жесточае; отъ чего и произошло, что Клеантъ и его любезная достигли въ оной далѣе, нежели законы добродѣтели дозволяли. Она имъ здѣлалась нещастливою, и нещастіе ея тѣмъ чувствительнѣе было, что самонравіе знатныхъ ея родителей и родственниковъ не допускало прекратить оное законнымъ продолженіемъ любви. Нѣжному его сердцу было то крайне чувствительно. Онъ разсмотрѣлъ дѣло свое разумно и былъ столь правосуденъ, что разсуждалъ объ ономъ съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ, которое легкомысленнымъ и вѣтренымъ людямъ смѣшнымъ покажется, а пожилые и постоянные почтутъ оное разумнымъ. Онъ не могъ имѣть хорошаго мнѣнія о любви, уязвившей добродѣтель. Онъ

онъ отомъ терзался весьма благороднымъ раскаяніемъ и былъ противъ своей любезной, которую онъ склонилъ къ преступленію, чести ея весьма вредному, столько великодушенъ, сколько тогдашнѣе время и обстоятельства ему дозволяли. Погрѣшность ево служила къ тому, что онъ послѣ того во всѣхъ своихъ дѣлахъ поступалъ осторожнѣе.

Хотя совѣсть ево тѣмъ успокоена; однако ему было весьма чувствительно и всегда онъ соболѣзновалъ при воспоминовеніи сего приключенія. Сіе примѣтилъ я въ Клеантѣ. Мы говорили о неспокойствіяхъ оскорбленной совѣсти, о разныхъ родахъ къ ея раздраженію, и о трудности къ изобрѣтенію довольныхъ средствъ къ ея успокоенію служащихъ. Не безъизвѣстно, что рѣчь попадаетъ нечаянно на то или на другое; и сей разговоръ о совѣсти произшелъ подобно прочимъ безъ всякаго умысла. Клеантъ, котораго я въ первой разъ увидѣлъ, обратилъ къ себѣ, какъ весьма разумной дворянинъ, мое вниманіе. Я примѣтилъ тогда, въ немъ нѣкоторое безпокойствіе. Ухватки ево здѣлались унылыми и по видимому казалось ему, что сей разговоръ не случайно начался. Онъ прилѣжно на всѣхъ взиралъ, не обращаютъ ли они притомъ на него очей своихъ; а иног-

да

да потуплялъ онъ глаза свои внизъ. Словомъ поступки его не были болѣе свободны и непринужденны, но робки и притворны. Я объявилъ мои примѣчанія одному изъ моихъ пріятелей и спросилъ его, для чего Клеанту сей разговоръ не нравится; но онъ мнѣ отомъ самъ открылся. Онъ старался сей разговоръ перемѣнить и начать другой, а я имѣя о немъ сожалѣніе и почувствуя къ нему любовь втомъ по щастію ему вспомоществовалъ. рѣчь перемѣнилась, видъ его сталъ вдругъ веселѣе и уныніе его совсѣмъ миновалось. Я самъ радовался, что поспѣшествовалъ нѣсколько его спокойствію. Я долженъ его высоко почитать, что онъ при семъ разговорѣ былъ неспокоенъ, хотя сіе неспокойствіе и отъ честолюбія его происходило. Сіе неспокойствіе есть истинной знакъ, что оскорбленная имъ добродѣтель была ему чувствительна, а проступокъ ненавидимъ. Я почитаю нравъ сихъ людей болѣе, нежели тѣхъ, кои себѣ никакихъ укоризнъ въ своей совѣсти не дѣлаютъ и не могу имъ и зачинимыя ими только изъ обыкновенія добродѣтели приписать особливой похвалы, потому что оные имѣютъ сладчайшее спокойствіе, естьли разсудимъ, что тотъ болѣе удовольствія чувствуетъ, которой будучи въ погибѣли отъ оной благополучно спасся, нежели тотъ, которой никогда въ оной не бывалъ. Но никому для сего

не надобно умышлено ввергать себя въ погибѣль. Въ сихъ размышленіяхъ оставилъ я компанію. Когда я оныя дома далѣе продолжать началъ, то вспомнилъ я о снѣ, которой я въ древней Нѣмецкой рукописной книгѣ о совѣсти читалъ. Онъ мнѣ понравился, и я вознамѣрился его по обыкновенію моему переправить. Я перемѣнилъ его по моему произволенію, въ иномъ мѣстѣ прибавилъ, а въ другомъ убавилъ, вотъ онъ:

Есть многіе пути, сказалъ мнѣ, Ангелъ хранитель мой, кои ведутъ къ благополучію, Но однимъ только путемъ можно туда дойти, которой называется путемъ добродѣтели. Вождь онаго именуется *Закономъ*. Я потомъ туда посмотрѣлъ и увидѣлъ величавую особу. Она была угрюма и постоянна; видъ ея казался въ дали властолюбивымъ и мучительнымъ; а вблизи дружественнымъ и пріятнымъ. Она призывала къ себѣ безпрестанно великое множество народа, которой выбѣгалъ изъ страшнаго и темнаго лѣса, въ срединѣ котораго *Невѣжество* обитало. Малѣйшѣе число онаго слѣдовало повелительному ея голосу, потому что вождь имъ не довольно пріятнымъ и ласковымъ представлялся, да и дорога казалась имъ изъ дали не такъ хороша, но бугристѣе и каменистѣе побочныхъ. На оныхъ показывались многіе проводники, кои съ надежною смѣлостію всѣмъ обѣщавали, привесть ихъ въ

вЪ славной оной городѢ безЪ всякой опасности. Каждой имѢлЪ особливой видЪ, хотя они другЪ сЪ другомЪ нѢкоторымЪ образомЪ и сходны были. АнгелЪ мой хранитель, сказалЪ мнѢ, что сїи суть *Склонности Нрава.* Иные прыгали и скакали, представляя себя веселыми и довольными, какЪ будто бы уже они вЪ городѢ находились. Иные были тщеславны и дерзски; они обѢщавали величавыми словами тѢмЪ, кои имЪ послѢдуютЪ, провесть ихЪ скоро вЪ оной городЪ чрезЪ гору предЪ нимЪ лежащую. Иные смотрѢли жадными глазами на землю, искали прозрачныхЪ камышковЪ, по оной разсѢянныхЪ и увѢряли всѢхЪ, кои на нихЪ положатся провесть ихЪ такою дорогою, на которой они никакого недостатка претерпѢвать не будутЪ и изыщутЪ средства кЪ облегченїю входа во врата города. Юноши слѢдовали первымЪ, мужья другимЪ, а старики послѢднимЪ. Между тѢмЪ пришло *Разсужденїе,* женщина весьма глубокомысленной поступки, она имѢла двѢ головы, посредствомЪ которыхЪ она вкругЪ себя все осматривала и предлагала сему народу, всякому по зрительной трубѢ, дабы они могли разсмотрѢть точнѢе, какЪ дорогу, по которой они итьти хотятЪ, такЪ и проводниковЪ: но большая часть изЪ нихЪ ея предложенїя не приняли. Хотя было нѢкоторые изЪ нихЪ взяли оные трубы, но

но вдругъ вырваны они изъ рукъ ихъ *Легкомысліемъ*, которое было безпечно и неопрятно какъ въ одѣяніи, такъ поступкахъ и ухваткахъ. Множество послѣдовали избранному вождю, а задніе переднимъ. Никто не заблуждался одинъ, но всякъ велъ другъ друга въ погибѣль.

Они еще не далеко дошли, какъ многіе карлы вступя въ дорогу употребляли всѣ возможности къ воспрепятствію имъ въ пути. Иными отогнаты они насильственно, иными усмирены ласкательствами и привѣтствіями, такъ что они охотно съ ними въ путь пошли. Нѣкоторые изъ путешествующихъ приведены ими въ смятеніе: ибо смотря на нихъ пристольно примѣчали, что они часъ отчасу больше становились и многіе изъ нихъ показывались уже во образѣ великановъ. Двое или трое изъ оныхъ, кои неподвижно стояли, совсѣмъ назадъ возвратились, прочіе пошли въ другую сторону съ своими проводниками и старались отъ нихъ удалиться. Ангелъ мой хранитель, котораго я о ихъ имени спросилъ, сказалъ мнѣ, что зовутъ ихъ *Сомнѣніями Совѣсти*, и суть дщери невѣжества, но о отцѣ ихъ никто не знаетъ. И такъ не могли они удержать сего множества, которое продолжало безъ всякаго попеченія избранной

свой

свой путь. *Разсужденіе*, кое безпрестанно еще за ними слѣдовало и давало имъ, но напрасно, зрительныя трубы, ихъ оставило и изчезло. Вдругъ явилась *Злая Совѣсть*. Одѣяніе ея было черное, ухватки печальныя, а лице темно и смущенно. Въ правой рукѣ держала она бѣлую доску, на которой записывала большими черными литерами погрѣшности каждаго.

Сію доску показывала она всякому, укоряла жестоко, что они были нечувствительны на увѣщанія *Разсужденія*, которое подавало имъ столь часто и тщетно зрительныя трубы. Сказывала, что сей путь, вмѣсто того, что надѣются они имъ притти въ городъ благополучія, ведетъ ихъ къ безднѣ злополучія. Чѣмъ далѣе продолжали они сей обманчивой путь, тѣмъ ужаснѣе былъ не только голосъ *Злой Совѣсти*, но и всѣ окружающія ихъ противостоянія. Они шли въ великой темнотѣ, въ иныхъ мѣстахъ дорога была столь склизка, что они всякой разъ спотыкались: въ другихъ же столь бугриста и камениста, что при всякомъ шагу себя повреждали. Великолѣпной тотъ городъ изчезъ, въ которомъ они всѣ быть желали: напротивъ того увидѣли они себя у великихъ и глубокихъ разсѣлинъ. *Неудовольствіе* и *Раскаяніе* соединились

тогда съ ними. *Неудовольствіе*, была весьма сухощавая женщина; волосы ея были склочены и растрепаны: губы пересмяклыя, и всякая черта ея лица являла мученіе. Она держала въ рукѣ бичь, которымъ била сихъ нещастныхъ. *Раскаяніе* была женщина ей весьма подобная, которой щеки были иногда блѣдны, иногда красны, глаза отъ многаго плача огню подобны: она не смотрѣла вверхъ, но иногда оглядывалась назадъ на дорогу, которою шли сіи прельщенные. Она била сильными руками въ грудь всякаго. Нещастіе сихъ людей тѣмъ болѣе становилось, чѣмъ далѣе они шли. На нихъ напали *Неспокойствія Совѣсти*, кои уподоблялись видомъ дикимъ ловчимъ птицамъ и казались быть весьма жадными на ихъ тѣло. Сіи наполняли воздухъ нестройнымъ воплемъ, которой отъ находящихся при разсѣлинахъ многихъ каменьевъ назадъ отдавался и производилъ въ ушахъ ужасной звукъ. Въ верху надъ ними лѣтала *Надежда*, которая, сколь много я въ темнотѣ могъ примѣтить, одѣта была въ зеленое платье и кричала народу весьма утомленнымъ голосомъ, что они, естьли пріятно имъ ихъ благополучіе, могутъ еще притти на путь истинной. Но для страшнаго голоса *Злой Совѣсти*, и раздающагося вопля *Неспокойствій Совѣсти*, рѣдкіе

изъ

изъ сего народа могли слышать тотъ утомленной голосъ. *Легкомысліе*, которое вырвало у нихъ изъ рукъ зрительную трубу *Разсужденія*, громко засмѣялось, а спутники учинили тожъ самое. *Нерадѣніе*, которое слѣпотою своею уподоблялось безобразнѣйшему чудовищу, заткнуло почти всѣмъ уши, такъ что они не могли разумѣть и увѣщанія *Надежды*. Наконецъ увидѣлъ я двухъ чудовищъ, изходящихъ изъ самой большой бездны, которыя еще болѣе страху во всей странѣ причиняли. Сіи были: *Отчаяніе*, фурія, на которой наижесточайшія движенія являлись. Въ лѣвой рукѣ держала она сосудъ наполненной ядомъ, а въ правой обнаженный мечь. Вдругъ изчезла *Надежда* отъ ея взора и удалилась отъ сей темной страны. *Злополучіе* слѣдовало за *Отчаяніемъ* и стало на краю бездны. Оно окружено было неисчетнымъ множествомъ мучительныхъ духовъ, изъ которыхъ всякой вооруженъ былъ особливымъ мучительнымъ орудіемъ. Образъ ихъ былъ столь страшенъ и ужасенъ, что я отъ великаго страху лице мое до тѣхъ поръ отвращалъ, пока мнѣ возможно было. *Отчаяніе* и *Злополучіе* заключили между собою союзъ. *Отчаяніе* хватая съ чрезвычайною свирепостію тѣхъ, кои ближе къ разсѣлинамъ стояли, ввергало ихъ въ объятія *Злополучія*,

а оное съ гнѣвомъ бросало ихъ въ бездну, изъ которой въ самое то время, когда тѣла ихъ немилосердымъ образомъ раздроблялись, слышенъ былъ ужасной крикъ. *Безопасность* послана была къ тѣмъ, кои отъ бездны еще въ отдаленіи находились. Она несла въ правой рукѣ маковицу, а въ лѣвой сосудъ наполненной Мандрагорою, которое питіе въ глубокой и опасной сонъ приводитъ. Она была весьма исправна въ причиненіи вреда симъ искушеннымъ народамъ. большая часть оныхъ пили подносимой ею сокъ и шатаясь засыпали, отъ чего слухъ ихъ отъ порицаніи *Злой Совѣсти* совсѣмъ заглушился. *Безопасность* наложила на нихъ тяжкія оковы, погнала ихъ къ безднѣ, въ которую они *Злополучіемъ* ввергались. По поглощеніи сею бездною всѣхъ сихъ людей, обратилось *Злополучіе* въ нѣсколько отдаленныя страны къ тѣмъ, кои въ оныхъ находились, дабы произвесть съ ними равную же судбину. Великое множество ожидало онаго съ неустрашимымъ мужествомъ, хотя и являлись на лицахъ ихъ знаки неспокойствія и страха. *Злая Совѣсть* проклала сихъ окамененныхъ и они удалились. рѣдкіе видѣли печальное жребіе товарищей своихъ съ полѣзнымъ имъ примѣчаніемъ. Голосъ *Злой Совѣсти* былъ имъ страшенъ: они слышали еще нѣкоторыя слова *Надежды* и

стара-

старались спастись изъ сего нещастнаго мѣста. Но силы ихъ были уже весьма слабы; ноги ихъ отъ дальной и бугристой дороги, по которой они бѣжали, весьма утомились. *Злая Совѣсть*, *Неудовольствіе* и *Раскаяніе* слѣдовали за ними. *Надежда* поощряла и подкрѣпляла ихъ; но они не совсѣмъ свободны были отъ нападеній *Несспокойствій Совѣсти*. Чѣмъ ближе они къ пути добродѣтели приходили, тѣмъ бодрственнѣе прогоняли они безпрестанно слѣдующее за ними *Злополучіе*. *Поправленіе*, которое было часъ отчасу лутче и оказывалось весьма трудолюбивымъ, сохраняя ихъ отъ погрѣшностей, содержало всегда въ исправности. *Опасность*, которая имъ прежде грозила, отчасу уменшалась; да и *Злополучіе* по предпріятіи двухъ тщетныхъ нападеній, возвратилось назадъ съ ужаснымъ воплемъ. Всего хуже, что они принуждены были много претерпѣвать отъ *Несспокойствій Совѣсти*; а какъ и сіи изчезли, то не совсѣмъ еще была успокоена *Злая Совѣсть*. *Утѣшеніе*, которое молодымъ и соболѣзненнымъ казалось, хотя и вырвола изъ рукъ у *Злой Совѣсти* ту бѣлую доску, на которой записаны были ихъ погрѣшности; однако не преставала она мучить ихъ жестокими выговорами. Когда сіе зделалось, то *Тоска*, которая голову свою на лѣвое

плечо

плечо положивъ, безпрестанно стенала, покрывала лице свое чернымъ флеромъ и видны были текущія изъ глазъ ея слезы. *Утѣшеніе* поощряло ихъ паки и осушало лице ихъ.

Но сколь спокойны и веселы были тѣ, кои съ самаго начала по сей по виду непроходимой дорогѣ пошли. Она превратилась въ пространную и пріятную алею изпещренную съ обѣихъ сторонъ цвѣтами. Они не отдали зрительной трубы *Разсужденія*, но разсматривали все съ возможною осторожностію. Они не вдались во искушенія *Склонностямъ Нрава*; и хотя нападали на нихъ *Сомнѣнія Совѣсти*, однако прогоняли они ихъ силою и призывали на помощь *Разсужденіе*, которое освѣщало все въ округъ ихъ, отъ чего сіи неспокойные духи изчезали, потому что они боялись свѣта. Они шли вмѣстѣ съ добродѣтелями по пріятнѣйшимъ лугамъ, гдѣ вѣчная вѣсна пребывала и которая отъ происходящихъ паровъ благовоннѣйшихъ цвѣтовъ была весьма пріятна. Они принуждены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходить чрезъ небольшіе камьни и бугры, что имъ ни малаго труда не причиняло, потому что они вооружены были мужествомъ и храбростію. Наконецъ прибыли они къ желаемому городу, гдѣ вѣчное блаженство

ихъ

ихъ ожидало. Прежде вхожденія ихъ во врата сего города, поведены они были *Разсужденіемъ* въ храмъ *Доброй Совѣсти*. Сіе зданіе, сколько я могъ видѣть, было весьма крѣпко; основаніе онаго утверждено не на жидкой или песчаной землѣ, но на твердыхъ каменьяхъ, такъ что оно не скоро могло разрушиться. Я насчиталъ болѣе ста столбовъ, кои оное со всѣхъ сторонъ подкрѣпляли. Здѣсь разсматриваны бываютъ пришельцы, достойны ли они быть впущены въ городъ, и въ которыя жилища, кои въ разсужденіи поступокъ красотою и великолѣпіемъ были различны, всякой войти долженъ.

Повиновавшіеся съ самаго начала *Закону*, входили неустрашимо въ оной, другіе же трепетали. *Злая Совѣсть*, которая хотя безпрестанно слѣдовала за ними, однако успокоевана была всегда *Надеждою* и *Утѣшеніемъ*, тутъ вдругъ возстала. Она возобновляла свои укоризны, и тоска ихъ тѣмъ болѣе умножилась, когда имъ было велѣно ждать на папертѣ храма и не входить съ прочими во внутреннюю святыню. Совѣстные приступали внутри къ Олтарю и преклоняли колени предъ поставленными изображеніями величества и милосердія. *Добрая Совѣсть*, дщерь *Закона* и *Разума*, сидѣла на высокомъ престолѣ, какъ на судищѣ и одѣяніе ея было подобно

снѣгу

снѣгу. *Невинность*, любезная ея дщерь, играла на нѣдрѣ ея: добродѣтели, кои провождали безпрестанно совѣстныхъ, сѣли по сторонамъ на золотыхъ стульяхъ. Тогда велѣла *Добрая Совѣсть Разужденiю* изслѣдовать присудствующихъ. Принесли книги, въ которыхъ содержались законы, и по которымъ они судимы быть должны. Причемъ особливо громогласно сказано, что здѣсь смотрѣно будетъ на склонности сердца, то есть: изъ истинной ли они любви къ добродѣтели или изъ корыстолюбивыхъ намѣренiй сей путь предпрiяли. Иныe слушали все сiе бодрственно; другiе закрывали лице и иногда краснѣлись, а иногда блѣднѣли. Первые признаны достойными. Но какъ *Разсужденiе* къ послѣднимъ приближилось, то узнало оно ихъ по точному изслѣдованiю порочными и обѣявило во всемъ храмѣ, что они лицемѣры.

Продолженiе въ слѣдующемъ листѣ.

XXVIII.

Октября 2. дня.

Продолженіе
о худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыткахъ доброй совѣсти.

Они обвинены были добродѣтелями, что на дорогѣ оставались они всегда послѣдними и при зарѣ и ночью въ страну порока уходили. Хотя имъ строго приказано было признаться въ ихъ притворствѣ, однако утверждали они съ дерзкимъ и безстыднымъ видомъ, что они добродѣтельны и непорочны. Ясной воздухъ потемнѣлъ въ храмѣ, что было явнымъ знакомъ ихъ притворства. Маски съ лицъ ихъ были сняты, и тогда мерзость ихъ явилась въ совершенной наготѣ. Въ законныхъ книгахъ сыскано, что ихъ должно предать тѣмъ казнямъ, кои на подобіе фурій вооружены были отчасти раскаленными клещами, отчасти колкими бичами и другими мучительными орудіями, сослать въ близъ лежащую страну наказанія и когда не признаются тамъ въ ихъ злобѣ, то низвергнуть въ бездну *Злополучія*, что немѣдленно и произведено въ дѣйство. Тотчасъ

часъ зажженъ былъ ѳуміамъ, дабы освятить паки, оскверненную сими дерзкими святыню. Совѣстные получили потомъ приговоръ свой, которой состоялъ въ похвалѣ дѣлъ ихъ *Доброю Совѣстію*, и въ пріятномъ обѣщаніи, что они въ скоромъ времени приведены будутъ въ веселое жилище благополучія. Послѣ чего пришло *Спокойствіе*, которое одѣто было въ лазоревое платье и во все то время за престоломъ *Доброй Совѣсти* стояло, наложило на совѣстныхъ золотые вѣнцы, превосходящіе земныхъ великолѣпіемъ и красотою, и поставило всякаго по его совершенствамъ и достоинствамъ по сторонамъ добродѣтелей, подругъ своихъ. *Разсужденіе* привело и тѣхъ въ святыню, кои въ трапезѣ храма преисполненны страха и печали стояли и поставило ихъ предъ олтаремъ. *Злая Совѣсть* ворвавшись вмѣстѣ съ ними, начала ихъ изобличать, причемъ изъ глазъ ихъ текли усерднѣйшія слезы. *Разсужденіе* велѣло имъ признаться въ ихъ погрѣшностяхъ и преступленіяхъ и просить прощенія у всѣхъ добродѣтелей. Съ трепетомъ исполнили они сіе повелѣніе, и когда приступали къ каждой изъ оныхъ со стыдомъ и сокрушеніемъ то оныя ихъ лобызали въ знакъ искренняго съ ними примиренія. *Поправленіе* вышедши разсказывало *Доброй Совѣсти*, какъ они *Надеждою* и *Раскаяніемъ* съ пути погибели

на

на путь добродѣтели обращены и съ коликою осторожностїю шли они послѣ по оному. Добродѣтели доказывали сїе своими свидѣтельствами. *Злая Совѣсть* не умолкла еще, и требовала удовольствїя, но вдругъ *Милосердїе*, которое *Закономъ* приглашено было, явясь подъ божественнымъ сїянїемъ, и съ сожалѣтельнымъ видомъ сихъ печалившихся разрѣшило, и даровало имъ равное обѣщанїе съ совѣстными. *Спокойствїе* наложило на нихъ такїе же вѣнцы, хотя не столь драгоцѣнные. *Милосердїе* повелѣло удалиться *Злой Совѣсти*, слѣдовать за нею лицемѣрамъ, и наложить на нихъ безконечныя мученїя. По окончанїи сего пошло все оное множество въ наилутчемъ порядкѣ въ отверстые врата *Благополучїя*. *Благополучїе* приближалось къ нимъ въ наибольшемъ великолѣпїи, нежели богиня и прижимало къ груди своей всякаго съ восхищенїемъ. Каждой чувствовалъ сладчайшѣе удовольствїе: воздухъ раздавался прїятнѣйшею музыкою: обыватели радовались громкому звуку ихъ восклицанїя, но я, горя желанїемъ, узнать обстоятельнѣе, нечаянно пробудился.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXIX.

ЭПИСТОЛА.

Государь мой!

НЕобыкновенное щастїе Тамасъ Кулихана на Востокѣ и невѣроятно скорые его успѣхи, которые имѣлъ въ Государствѣ Великаго Могола, гдѣ получилъ онъ въ руки свои неисчетное богатство, кажется мнѣ, привели тебя въ нѣкоторое изумленїе. Ты спрашиваешь меня въ послѣднемъ своемъ письмѣ, что отъ сего или другаго сему подобнаго случая не можно ли опасаться опять новой Всеобщей Монархїи? отвѣчаю на то, что я въ нынѣшнѣе время почитаю сїе за совершенную невозможность, и что не завидую Кулихану, но желаю ему и впредь щастїя. По мнѣ пускай завоюетъ онъ всю Индїю вмѣстѣ съ Китаемъ и Японїею. Я отъ того не ужаснусь, ниже перестану ходить въ Церковь, для того, что слышу, будто онъ всѣхъ духовныхъ да и богобоязныхъ лишаетъ имѣнїя и доходовъ: ибо отъ сюда далеко до Персїи. Когда не могли большїя государства, каково было Чингисъ Хана и Тамерлана, кои были къ намъ гораздо ближе, никакой важной перемѣны здѣлать, то

уже

уже Персидское приращенїе и меньше насЪ востревожить можетЪ. Когда Азїатскїя государства возрастать начинаютЪ, то обыкновенно разширяются онѢ больше кЪ Востоку, и лѢтописцы, а особливо древняя Персидская исторїя, показываютЪ, что приращенїе сего государства никакова успѢха не могло имѢть ни кЪ СѢверу ни кЪ Западу. Сверхъ того послѢ Дарїя и Ксеркса никакой Персидской государь не покушался завоевать сїю частью свѢта, вЪ коей мы обитаемЪ. Ежели ты опасаесся Всеобщей Монархїи, коя бы могла разпространиться до СѢвера, то должно тебѢ очи свои обратить токмо на нѢкоторыя сильныя государства вЪ ЕвропѢ, кои кажется, чѢмЪ далѢе, тѢмЪ больше около себя захватываютЪ: и потому Европа не можетЪ покорена быть, развѢ отЪ своихЪ, но вЪ нынѢшнемЪ ея состоянїи и того опасаться не можно; и хотя комета еще гораздо больше прежней явится, однако никто меня не увѢритЪ, чтобЪ я не только повѢрилЪ, но чтобЪ и подумалЪ, что оная предзнаменуетЪ наступающую перемѢну, невзирая на то, что я впрочемЪ весьма зговорчивЪ и дозволяю народу неограниченную вольность предвѢщать о всѢхЪ другихЪ приключенїяхЪ. Я повторяю, что Европа не можетЪ сего опасаться развѢ отЪ Европейскаго Потентата; ибо повседневное искуство научаетЪ насЪ, что

Азїатскїе славные государи, кои завоевали другїя части свѣта, при обращенїи силъ своихъ въ Европу спотыкались, такъ что въ сей части земнаго шара не было имъ никогда удачи. Напротивъ того оная была въ опасности, въ случаѣ, когда нѣкоторые изъ Европейскихъ Государей, по паденїи Римской Монархїи, возвышались надъ прочими: Карлъ Великїй въ свое время почитался кометою и грозилъ Общею Монархїею. Сей Цесарь владѣлъ всею Италїею, Францїею и Германїею, и сила его была такъ велика, что прочїе Европейскїя государства, хотя бы и всѣ соединились, не могли бы сравниться съ оною. Но страхъ изчезъ его кончиною, и Монархїя въ самомъ почти началѣ прекратилась. Чему приписываютъ двѣ причины, а именно: первое наслѣдникъ его былъ такого свойства, что натура кажется создала его лутче быть духовнымъ, нежели государемъ, второе по щастїю Европы былъ тогда такой обычай, чтобъ государство дѣлить между королевскими Принцами, что сынъ и наслѣдникъ Карловъ Людовикъ и учинилъ, раздѣля пространное государство родителя своего въ разныя владѣнїя, кои въ скоромъ времени впали въ междоусобную войну, а Европа пришла отъ того паки въ равновѣсїе. Оттоманская Порта также иногда приводила Европу въ опасность: ибо

Магометъ

Магометъ II. долгое время былъ ужаснымъ страхомъ Европейскимъ государямъ, которой виденъ изъ всеобщей радости, кою смерть его возбудила, и изъ благодаренiй приносимыхъ зато въ Христiанскихъ Церьквахъ. Нѣкоторые изъ его потомковъ, а особливо Солиманъ II. подвинулся было еще къ намъ ближе: ибо видѣли уже сего Султана съ многочисленнымъ и храбрымъ войскомъ внутри Германiи, и вѣроятно, чтобъ онъ пошелъ и далѣе, ежелибъ въ то время не возвысилось другое Европейское государство, кое могло сопротивляться Турецкой силѣ. Сiе государство было Гишпанское, которое во владѣнiе Карла V. такъ возрасло, что Европа обратила на него свои очи. Карлу V. принадлежали тогда Гишпанiя, Западная Индiя, большая часть Италiи, всѣ Нидерланды, а притомъ былъ онъ и римской Цесарь: войско имѣлъ храброе и по тогдашнему времени весьма экзерцированное, а Американское богатство способствовало ему къ произведенiю въ дѣйство его предпрiятiй. Но невзирая на сiе напослѣдокъ принужденъ онъ былъ и самъ уступать, когда знатнѣйшiя Европейскiя государства соединилися противъ его силы, а сынъ его Филиппъ II. хотя присовокупилъ себѣ и Португальское королевство и онаго богатыя селенiя, въ Восточной Индiи, однако нашел-

ся не въ силахъ укротить соединенныхъ провинцiй въ Нидерландахъ, кои противъ его взбунтовались, Французской Король Людовикъ XIV. привелъ всю Европу въ движенiе и казалось, что Францiя прежде не знала своей силы, ибо по то время всегда принуждена была требовать помощи у другихъ государей для сопротивленiя Австрiйскому дому: но во время владѣнiя сего Короля вдругъ увидѣли, что сiе государство было страхомъ всей Европы, такъ что никогда большаго вида ко Всеобщей Монархiи не бывало, а по крайнѣй мѣрѣ никогда больше о оной не говаривали, какъ тогда. Но тѣмъ больше надлежитъ дивиться, что Францiя съ начала владѣнiя Людовика XIV. не пространнѣе была прежняго, что и служитъ доказательствомъ о великихъ качествахъ сего Государя: ибо ни прежде ни послѣ не видывали, чтобъ Францiя была въ такой славѣ. Я довольно знаю, что многiе стараясь уменшить славу сего Короля, приписываютъ оную искуству великихъ генераловъ и министровъ въ его время во Францiи бывшихъ: но можно сказать, что всегда въ каждомъ государствѣ есть довольное число генераловъ, министровъ и храбрыхъ подданныхъ, естьли только каждой изъ нихъ по его способности опредѣляется къ такой должности, которую онъ исправить въ состоянiи и къ тому

достой-

достойными награжденіями возбуждается. Сіе самое было причиною, что Франція больше пятидесяти лѣтъ продолжала войну почти со всею Европейскою соединенною силою, да еще и окончала оную со славою и прибыткомъ; каждая баталія для Французовъ была побѣдою. Обыкновенно стоило Французамъ токмо нѣсколько дней ко овладѣнію крѣпчайшими городами, и морская сила Французская, бывшая прежде не въ великомъ почтеніи, такъ возрасла, что могла сопротивляться обѣимъ Морскимъ Державамъ. Словомъ все было такъ удивительно, что всѣхъ націй предпріятія приведены были въ безпорядокъ. Долго приписывали такое щастіе Аглинской холодности; но и по вступленіи сего государства въ союзъ съ непріятелями Франціи не произошло великой перемѣны. Сіе удивительнѣе всего, что хотя владѣніе сего Короля было непрерывною цѣпью безпрестанной войны; однако науки и художества во Франціи не только не пришли отъ того въ упадокъ, но еще получили большее противъ прежняго приращеніе. Ни которой вѣкъ, сколько извѣстно изъ исторіи, не производилъ столь много ученыхъ людей и славныхъ писателей и ни которое государство не могло похвалиться лутчими мастерствами и великолѣпными строеніями. И такъ Франція стала стра-

хомъ и украшенїемъ всей Европы. Всѣ народы текли въ Парижъ, чтобъ видѣть и слышать то, чего прежде никогда не видывали и не слыхивали; и какъ государство превосходило всѣ прочїя владѣнїя украшенїями, дворъ политикою, академїи художествами и науками, такъ Король превосходилъ всѣхъ прочихъ людей видомъ и сложенїемъ тѣла. Всѣ ѣздившїе хвастовали тѣмъ, что видѣли Верзалью, Фонтенебло, Марли и прочїя великїя диковины, но больше всего хвалились, что видѣли Короля, которой, что надлежитъ до стройности тѣла, величества и политики, казался мастерствомъ натуры. Словомъ все вдругъ поднялось, чтобъ здѣлать Францїю и великою и знаменитою, такъ что имени Француза всѣ завидовали, ужасались, притомъ и удивлялись.

Но и при такихъ обстоятельствахъ Францїи Европа осталась при прежней вольности: ибо королевскою наступающею старостїю казалось, что и все во Францїи старѣлось и убывало. И такъ надежда о пятой Монархїи вдругъ изчезла, а плоды долговременной и кровопролитной войны были обезсиленїе государства, умаленїе народа и истощенїе денегъ.

Изъ сего видишь мой любезной другъ, что въ наше время правда можно собрать до-

вольно

вольно припасовъ, здѣлать подпоры и положить перекладыко Всеобщей Монархїи, но строенїе привесть къ совершенству едва ли возможно, и для того сей страхъ, въ которой щастїе Кулихана тебя привело, одно токмо заблужденное мнѣнїе.

На Востокъ можетъ онъ итти свободно и имѣть благополучные успѣхи; но ежели обратится къ Сѣверу или Западу, то встрѣтятъ его Россїйская и Турецкая сила, изъ которыхъ каждая безъ помощи другихъ можетъ ему легко противиться. Мнѣ кажется складнѣе бы было, когда бы приращенїе Россїйскаго государства привело тебя въ большее смятенїе: по крайней мѣрѣ оной страхъ имѣлъ бы больше основательнаго вида: ибо мы видимъ Россїйскую Имперїю простирающуюся отъ бальтїйскаго моря до Восточнаго океана, безпримѣрнымъ и во всѣхъ дѣлахъ, къ пользѣ и благополучїю государства служащихъ неутомимымъ Императоромъ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ на морѣ и на сухомъ пути изрядно выученное, храброе и противъ враговъ своихъ всегда побѣдоносное войско, которое можетъ понести больше труда, а меньше требуетъ содержанїя, нежели прочїе Европейскїе солдаты; видимъ, что ни долговременными войнами, ниже умножающимися лѣтами Сего Великаго Монарха

Монарха Россія не пришла нимало въ безсиліе; но паче, что военная и всѣ обществу полезныя науки часъ отъ часу въ Оной возрастаютъ, торги и купечества размножаются, кои обще съ извлекаемыми изъ нѣдръ земныхъ прежде въ оныхъ сокровенными дорогими металлами, къ изобилію сего весьма пространнаго государства и къ содержанію всегда въ исправности многочисленной арміи и сильнаго флота весьма поспѣшествуютъ. Сіе, говорю я, могло бы больше возбудить въ тебѣ мнѣніе о Всеобщей Монархіи, нежели приращеніе Персидскаго государства, но по нынѣшнимъ обстоятельствамъ въ Европѣ ни одной въ свѣтѣ Державѣ не можно и уповать, чтобъ сооружить Всеобщую Монархію; а что Россія посредствомъ Сего въ свѣтѣ славнаго своего Монарха и Высочайшихъ ЕГО Наслѣдниковъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе предъ всѣми Европейскими Державами приходитъ въ великую силу и славу, оное вмѣсто опасности о Всеобщей Монархіи должно наипаче почитать для всѣхъ Христіянъ благополучіемъ, потому что Она можетъ всегда отвращать тѣ безпокойствія, которыя претерпѣвали многія времена Христіяне въ Европѣ отъ общаго ихъ непріятеля и содержать въ равновѣсіи прочія Европѣйскія Державы. Я есмь и прочее.

Переведено съ Дацкаго.

XXX.

XXX.

ЧЕЛОВѢКЪ ЕСТЬ НАМѢРЕНІЕМЪ И СПОСОБОМЪ.

Предъ недавнымъ временемъ слышалъ я весьма пріятнымъ образомъ изъясненное доказательство, что человѣкъ сугубо въ свѣтѣ поступать долженъ. Въ началѣ, намѣреніемъ, а потомъ способомъ. Намѣреніемъ, по елику для насъ свѣтъ созданъ; способомъ же, по елику мы для онаго сотворены. По первому, чтобъ намъ самихъ себя учинить совершенными; по второму, чтобъ поспѣшествовать совершенству ближняго. Изъ сего слѣдуютъ многія другія пріятныя разсужденія.

Человѣкъ живущей для одного намѣренія въ свѣтѣ можетъ извергомъ человѣчества названъ быть; ибо онъ позабываетъ свое состояніе и почитаетъ себя такимъ источникомъ, къ наполненію котораго всѣ бы прочія рѣки воду свою подавали. Оселъ въ Езоповыхъ басняхъ возгордѣвшись тѣмъ, что полной мѣшокъ денегъ на спинѣ своей тащилъ, вздумалъ, будтобъ оной для собственныхъ его нуждъ былъ. Но что? Люди еще суетнѣе бываютъ. Клориндѣ подарили недавно платье новое. Вышедши она въ ономъ на улицу думала, что будто всѣ уже взоръ свой только на нѣе устремляли; хотя, правду сказать, никто и труда того не хо-

тѣлъ

тѣлъ возъимѣть, чтобъ на нѣе поглядѣть. Какъ скоро кто ей на встрѣчу шолъ, то показывалась на лицѣ ее гордая мина. Самажъ она озираясь съ усмѣшкою въ округъ себя, хотѣла будтобъ только выговорить: не хорошо ли я одѣта? Въ новой своей одеждѣ почитала она себя за конецъ всего удивленія. И такъ человѣкъ въ своихъ дѣлахъ намѣреніемъ поступающей, есть самая несносная тварь. Ибо сколь гордой надлежитъ быть той твари, которая хотя отъ всѣхъ людей и твореній удовольствія, чести, благодѣянія, покою, богатства и всѣхъ прочихъ совершенствъ требуетъ, однако ничего изъ оныхъ сама онымъ оказать не хочетъ, да и весьма малаго добра упустить не намѣрена, чтобъ тѣмъ совершенству другаго поспѣшествовать? Сіе дѣлаютъ только страшные сребролюбцы и нѣкоторые другіе въ порокахъ погрязшіе люди.

Есть множество людей, кои хотятъ быть однимъ только намѣреніемъ, также довольно и такихъ, которые однимъ способомъ поступаютъ. А сіи то суть наибезумнѣйшіе. Кто станетъ жертвовать собственное свое благополучіе, щастію другаго? Кто похочетъ самъ быть осужденъ, чтобъ другаго выправить? Хотя мы и обязаны въ пользу ближнимъ поступать способомъ; однако над-

лежитъ

лежитъ намъ также непремѣнно и самихъ насъ почитать намѣреніемъ, дабы наше собственное совершенство чрезъ то не утратить. Не оплакивалъ ли иной безумной благодѣтель поздо, распространивъ добродѣянія свои толь далеко, что напослѣдокъ и самъ отъ того въ бѣдность и крайнѣе убожество впалъ? Много бываетъ такихъ учителей, кои всю жизнь свою препровождаютъ втомъ, чтобъ слушателей своихъ во исполненіи страха божія, покаянія, вѣры и добродѣтели твердо научить, токмо сами ни того ни другаго исполнять не стараются. Не поступаютъ ли сіи такъ какъ способъ, дабы другихъ здѣлать блаженными? и не позабываютъ ли свое намѣреніе? то есть: самихъ себя въ честь божію и къ пользѣ ближняго совершеннымъ твореніемъ учинить. И такъ люди, способомъ живущіе весьма въономъ безумны. Ибо сіе есть противъ самаго здраваго разума.

Наконецъ: ежели мы такъ какъ способъ другихъ совершенными учинить стараться не преминемъ, а какъ намѣреніе собственнаго нашего благополучія не забудемъ: то жизнь наша будетъ основана на первомъ и главнѣйшемъ естественномъ законѣ, которой намъ повелѣваетъ, всегда совершенству нашему поспѣшествовать; и естьли мы

оное

оное не токмо намѣренїемъ, но и способомъ исполнимъ, то не будемъ никогда корыстолюбивыми.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXI.

XXXI.

Октября 9. дня.

О вкусѣ.

Человѣческой вкусъ состоитъ болѣе въ вообраҗеніи, нежели въ подлинности, болѣе втомъ, чѣмъ вещь быть кажется, нежели что она въ самомъ дѣлѣ есть. Младенцы суть настоящіе знатоки вкуса. Извѣстно, что они почти всѣ охотники до молока, овощей, сахару и до прочаго сему подобнаго, изъ чего заключить можно, что въ такихъ вещахъ натуральная пріятность скрыта находится. Взрослые люди напротивъ того по большой части неспособны о томъ разсуждать, потому что вкусъ оныхъ привычкою и вообраҗеніемъ такъ испорченъ, что почитаютъ они вещь не по натуральной и внутренней ея добротѣ, но по цѣнѣ, которая опредѣлена своенравіемъ другихъ людей. Высокая цѣна и рѣдкость вещей причиняютъ, что они то за весьма малое почитаютъ, что хотя само собою и отъ натуры особливое преимущество предъ другими имѣетъ, для того только, что оное безъ труда

и убытку получить можно; напротивъ того находятъ прїятность не въ натуральныхъ и не въ вкусныхъ вещахъ, затѣмъ что оныя дороги, и не безъ труда достаются. Отъ чего происходитъ, на примѣръ, что изъ женаго кофе прїуготовленное питье почитается лутчаго и прїятнѣйшаго вкуса, нежели молоко? Не разность ли цѣны сїе дѣлаетъ? Естьлибъ крушка молока продавалась по рублю, а фунтъ кофе по копѣйкѣ, то бы первое стояло на княжескихъ столахъ, а послѣднѣе бы въ хижинахъ соломою покрытыхъ. Все то, что изъ Индїи или изъ Китая привозится, вкусно. Для чегожъ? Для того что на пути отъ туда иногда больше года препровождаютъ; отъ чего и произошла пословица; что дороже, то вкуснѣе. И для того дѣлается толь великое различїе между столомъ богатаго и убогаго не столько въ кушаньяхъ, сколько въ цѣнѣ оныхъ. А по надлежащему должно бы сказать: у убогаго столъ лутче, а богатаго великолѣпнѣе. Естьли мы посмотримъ на столъ богатаго, то увидимъ уставленъ оной разными кушаньями, къ которымъ человѣкъ натуру свою прїучать долженъ, потому что онѣ великолѣпны и рѣдки. На столѣ же убогаго видимъ мы не иное что, какъ приличествующее натурѣ, и поспѣшествующее ея сохраненїю. Что кушанья находящїяся за столѣ у крестьянина всѣ натурально здороваго

роваго вкуса, то изъ искуства окажется, естьли здѣлать опытъ надъ нѣжнымъ младенцемъ, котораго вкусъ еще неперемѣнился, давъ ему онаго отвѣдать. Желудокъ богатаго такъ испорченъ модою и привычкою, что онъ гнилую и вонючую дичину гораздо охотнѣе ѣсть станетъ, нежели лутчую и сочную говядину; да и уповательно, что естьлибъ невѣянной хлѣбъ стоилъ многихъ денегъ и съ великимъ трудомъ его изъ Индiи или изъ Америки привозили, то бы почитался и оной за лутчѣе кушанье на знатнѣйшихъ столахъ. Съ кушаньемъ и питьемъ поступаютъ такъ какъ и съ одеждою. Естьлибъ знатной человѣкъ началъ ходить на костыляхъ, то бы другiе почли сiе за способную и благопристойную моду; какъ то въ Венецiи дѣйствительно было, что знатныя женщины на костыляхъ по улицамъ ходили, причемъ придерживали ихъ еще двѣ служанки. Привыкаютъ къ неспособнымъ модамъ, и неистовымъ вещамъ для того только, чтобъ имѣть нѣчто особливаго предъ простымъ народомъ, а таковая привычка здѣлается второю натурою, такъ что то кажется сладко, что въ самомъ дѣлѣ весьма кисло и горько.

И такъ не можно разсуждать о добротѣ вещи по цѣнѣ, въ какой содержатъ ее люди. Сластолюбивой жертвуетъ все свое благо-

получіе за пріятной пріемъ красавицѣю, то что бы скупой и полушки издержать пожалѣлъ; ибо первой разсуждаетъ по своимъ похотямъ и легкомыслію, другой же напротивъ того смотритъ на внутреннюю цѣну вещи. Что имѣетъ менѣе натуральной пріятности курителънато табаку? Но всѣ народы такъ къ употребленію онаго привыкли, что безъ него почти и прожить не могутъ. Извѣстной Персидской шахъ Абасъ старался нѣкогда отвратить своихъ подданныхъ отъ куренія табаку; но тщетно, ибо они всѣ говорили, что тогда лишены будутъ перваго ихъ удовольствія. Потомъ позвалъ шахъ нѣкоторыхъ знатныхъ Персіанъ на трубку табаку, но велѣлъ набить трубки гусинымъ каломъ, и навозомъ, сказывая, что это рѣдкой родъ табаку, которой онъ недавно выписалъ. Когда каждой выкурилъ по трубкѣ, и весьма хвалилъ новой табакъ: то шахъ открылъ имъ изъ какихъ составовъ оной здѣланъ, показавъ имъ тѣмъ, сколь много воображеніе дѣйствовать можетъ.

Я бы могъ упомянуть еще о безчисленномъ множествѣ другихъ вещей, которыя таковагожъ противнаго вкуса, какъ табакъ но предпочитаются вкуснѣйшимъ вещамъ либо для того, что употребленіе ихъ въ модѣ, или для того что они дороги, и ихъ

не безъ труда достаютъ. Всякъ оставляетъ яблоко лежащее на землѣ, а взлѣзаетъ на вершину дерева, дабы сорвать другое, которое хотя не такъ спѣло, однако вкуснѣе, для того что оно съ трудомъ получено. Дѣвица предлагающая охотно свои услуги, или показывающая съ перваго разу склонность не долго сохранитъ жаръ любовника. Для сей то причины притворяется всегда хитрая женщина нѣсколько жестокою и холодною, чинитъ сопротивленіе и терзаетъ искуснымъ образомъ любовника, дабы тѣмъ возбудить сильнѣе ево желанія, а ей бы скоряе достигнуть своего намѣренія. Подобное сему учинила извѣстная Анна булленъ, но притомъ и съ щастливымъ успѣхомъ. Никогда бы не достигла она своего намѣренія, естьлибъ показывала себя склоннѣе королю Генриху VIII. Притворное ея сопротивленіе и холодность пріуготовили ей путь къ престолу. Я не осмѣлюсь имѣть таковое мнѣніе о непорочной Памелѣ, опасаясь учинить себѣ непріятелями множество благонравныхъ женъ и честныхъ дѣвицъ, кои не безъ пролитія слезъ полезную исторію о Памелѣ читаютъ. Никтожъ мнѣ и въ вину не причтетъ, когда усумнюсь быть порукою о цѣломудріи сей великой героини? Естьлибъ гоненіе, темница и смерть дѣйствіями ея поступокъ были; то бы объявилъ я ее непорочною, дабы притти въ милость на-

 шихъ

шихъ женщинъ; но какъ она своимъ поведенiемъ изъ крестьянокъ въ знатныя женщины попала: то удерживаю я мое мнѣнiе, или подаю оное по крайней мѣрѣ не съ такою подлинностiю и увѣренiемъ, какъ въ дѣлѣ римскiя Лукреции. Нигдѣ любовь не дѣйствуетъ съ большею жестокостiю, какъ въ Италiи, Ишпанiй и въ Восточныхъ земляхъ, гдѣ женщины запираются, и никто безъ потерянiя живота къ нимъ войти и дружески съ ними обходиться не смѣетъ. Чѣмъ болѣе сопротивленiя находятъ, тѣмъ сильнѣе и жесточае бываютъ похоти. Множество хитрыхъ способовъ употребляются при осадѣ крѣпости. Предосторожность и бдѣнiе употребляемое мужьями къ сохраненiю своихъ женъ бываетъ сильнѣйшимъ побужденiемъ любовникамъ, и иной мужъ лишается для того только своей жены, что онъ ее крѣпко содержитъ и получаетъ соперниковъ за то, что онъ ее весьма тщательно отъ нихъ сохраняетъ; и съ нимъ дѣлается такъ какъ съ тѣмъ, которой отъ чрезмѣрнаго употребленiя лѣкарствъ здоровья лишается.

Естьли кто хочетъ учинить полученiе какой нибудь вещи труднымъ, и возбудить къ ней желанiе, то надлежитъ на нее положить высокую цѣну; естьлижъ кто напротивъ того похочетъ насытить и удовольствовать человѣческое желанiе: то надлежитъ только обле-

облегчить приступъ къ вещи, и показать людямъ заготовленіе и изобиліе въ желаемыхъ товарахъ. Никто не желаетъ менѣе сахару сахарнаго мастера, и никто такъ мало не помышляетъ о изюмѣ и коринкѣ, какъ заготовляющей пряные коренья. Сіе знаютъ твердо торгующіе прянымъ зеліемъ, и для того не запираютъ они всѣхъ ящиковъ и шкатулъ отъ своихъ работниковъ и учениковъ. Нравъ и склонность человѣка какъ въ сихъ такъ и въ другихъ вещахъ удивительны и непонятны; я признаюсь, что я и самъ несвободенъ отъ сей глупости. Изъ моихъ пріятелей люблю я лутче всѣхъ господина N, которой живетъ отъ меня въ двухъ миляхъ, и естьлибъ онъ жилъ еще двумя милями далѣе, то любилъ бы я тво можетъ быть еще гораздо болѣе. Я всегда былъ охотникъ до кофе, а теперь не нахожу въ немъ того вкусу, которой я въ то время находилъ, когда продавался фунтъ по рублю. Изъ того заключаю я, что ничто иное причинило перемѣну въ моемъ апетитѣ, какъ уменшеніе цѣны, а желаніе тогда паки умножится, когда кофе будетъ продаваться по прежней цѣнѣ. Для чево не грѣхъ пить холодную воду? сказалъ нѣкогда нѣкоторой Италіанецъ, конечно въ томъ мнѣніи, чтобъ она была тогда вкуснѣе. Подобно сему можно

сказать: для чего не дороже молоко, масло, горохъ, коренья и протчїе овощи? Ибо когда бы сїи вещи дороже были: то тогдабъ только узнали подлинную ихъ прїятность и натуральной вкусъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXII.

XXXII.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ О ВОСПИТАНІИ ДОЧЕРЕЙ.

Воспитаніе дѣтей есть безъ сомнѣнія одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ; но несмотря на сіе, ни одно съ столь малымъ раченіемъ не исправляется, какъ сіе. Равную почти судьбину имѣютъ въ воспитаніи какъ тѣ, кои впредь наставниками, судьями и настоятелями своихъ согражданъ быть должны, такъ и тѣ, коихъ Провидѣніе начальницами фамилій и помощницами опредѣлило. Обѣихъ разумъ утѣсняется часто предразсужденіями и ложными воображеніями, и слѣдственно бываютъ они пороками человѣческому обществу и неправедными домоправителями.

Естьлибъ захотѣла я приводить причины испорченнаго воспитанія обоихъ половъ, тобъ представилось мнѣ толь пространное поле, которому и конца видѣть трудно.

Что обыкновеннѣе бываетъ сего, что умъ нашъ съ самаго младенчества, и какъ скоро понятія въ душѣ нашей показываться начнутъ, всякими суевѣрными вещьми, ложными изъясненіями и предразсужденіями объемлютъ? Я умолчу о всеобщихъ глупостяхъ. Есть наслѣдственныя недостатки разума,

кои непрерывно отъ отцовъ до дѣтей простираются. Я знаю нѣкоторой родъ поклоновъ, которой уже за нѣсколько лѣтъ въ извѣстномъ мнѣ домѣ владычествовалъ; умалчивая о лихвахъ, порокахъ и грубыхъ мерзостяхъ, кои такъ сказать воспитаніемъ въ наслѣдство отдаются. Въ наставленіи о вѣрѣ подаваемомъ намъ до нѣкоторыхъ лѣтъ, находится нѣчто развращенное. Вмѣсто того, чтобъ давать намъ при разцвѣтѣ нашего ума мало по малу ясное и основательное понятіе о томъ великомъ Существѣ, которое внѣ насъ находится, и отъ воли котораго мы зависимъ, обремѣняютъ только память нашу. Такимъ образомъ учимъ мы наизусть истинны вѣры обще съ выбранными ихъ изъ откровенія доводами безъ всякаго разсужденія. Коль худо полагается такимъ образомъ основаніе къ временному и вѣчному нашему благополучію; и что можетъ быть натуральнѣе, какъ что наибольшая часть людей, при возрастѣ въ понятіяхъ ихъ вѣры уподобляются тростнику колеблющемуся вѣтромъ во всѣ стороны, и заблужденіемъ ихъ разума толь далеко доходятъ, что ничего не надѣются, и ничего не боятся? Но какъ сіе болѣе мужескому полу, нежели нашему свойственно, и сіе заблужденіе еще другія происхожденія имѣетъ; то не оста-

новлюсь я при семъ, но паче учиню нѣко-
торыя примѣчанія о воспитаніи нашего пола.

Естьли разсмотримъ со вниманїемъ во-
спитанїе дочерей, то ясно увидимъ, сколь
стараются вкоренить въ нихъ суету, глу-
пость и простоту, дабы принудить насъ,
чтобъ мы допустили наряжать себя тер-
пѣливо, ибо сїе бываетъ первое старанїе
матерей. Говорятъ намъ множество ласка-
тельствъ о нашей красотѣ, когда нарядимся.
А естьли мы въ отвѣтахъ нашихъ какїя про-
тивныя выраженїя употребимъ; то тотчасъ
превознесутъ мудрость нашу или по крайней
мѣрѣ веселой нашъ видъ, въ присудствїи на-
шемъ, до небесъ. Естьли пора спать, а мы
на то нескоро согласимся, то объемлютъ умъ
нашъ представленїемъ куколъ и пугалищъ
такъ, что ложимся мы преисполнены страха
и съ развращеннымъ воображенїемъ. Дабы
имѣть намъ случай ко гнѣву, то даютъ
намъ волю. Въ семъ нравѣ выростаемъ мы
до тѣхъ поръ, пока достигнемъ тѣхъ лѣтъ,
въ которыя въ школу ходить можемъ. О!
съ какою радостїю посылаютъ насъ тогда,
дабы имѣть покой въ дому на нѣсколько
часовъ въ собранїе множества безпутныхъ
рабятъ, у которыхъ мы только безпутству
и своенравїю научаемся. Отомъ не пекутся,
что

что можетъ ли учитель пересмотрѣть число своихъ учениковъ, или нѣтъ; но только тѣмъ довольствуются, когда мы на шестомъ году литеры по порядку и не по порядку читать умѣемъ. Дабы не были мы учены, берутъ насъ изъ школы, какъ скоро мы не много болѣе, нежели читать умѣемъ, и забываемъ паки дома все выученное. А естьли имѣютъ когда о насъ хорошее попеченіе, то оставляютъ насъ до тринатцатаго года подъ смотрѣніемъ такихъ учителей, которыхъ нравы бываютъ часто хуже нашихъ; и тогда домоправительство бываетъ единымъ предмѣтомъ нашего упражненія. Наряды и суета выхваляются намъ какъ первыя преимущества нашего пола; да чѣмъ выше наше состояніе, въ которомъ мы живемъ, тѣмъ болѣе стараются ослѣплять проницаніе наше таковыми представленіями. А естьли выдемъ въ люди; О! тамъ то увидимъ мы большихъ господъ съ ихъ ласкательствами, и тогда то ужѐ мы со всемъ погибли. Объятая предразсужденіями душа наша и неизощренный нашъ умъ принимаетъ всѣ приносимыя ими похвалы, и мы не можемъ примѣтить, что смѣются ли они намъ, или какія другія намѣренія ихъ къ симъ учтивствамъ принуждаютъ. Довольно, что мы въ глазахъ нашихъ умны, учены, достойны любви и хороши. будучи преисполнены таковыми мнѣ-

ніями

нїями выходимъ мы замужъ и ложныя наши понятїя дѣлаютъ дѣтей нашихъ столькожъ безумными и хулы достойными, сколь самихъ насъ, слѣдственно бываетъ нашимъ проступкомъ со временемъ цѣлой родъ безпутныхъ людей; ибо коль рѣдки примѣры, чтобъ человѣкъ будучи съ младенчества въ худыхъ рукахъ, лишился бы своихъ предразсужденїй и воспитанїя?

Дабы предупредить худое воспитанїе и слѣдствїя онаго, то почитаю я за должность отцовъ, стараться болѣе о воспитанїи дочерей и оставлять сїе попеченїе не однимъ ихъ женамъ. Естьли же уже воспитаемъ разумныхъ дочерей, то мужьямъ не будетъ со временемъ нужно сїе смотрѣнїе, но могутъ уже поручить оное женамъ своимъ. Дабы достигнуть до сего намѣренїя, то надлежитъ дочерямъ давать съ младенчества справедливыя понятїя о вещахъ. При всякомъ случаѣ надлежитъ имъ сказывать, что истинная честь, почтенїе и благородство состоитъ въ исполненїи истинной и нелицѣмерной добродѣтели и что она въ обществѣ есть единой путь къ полученїю спокойной совѣсти, и временнаго и вѣчнаго благополучїя. Временныя преимущества рода и имѣнїя не надлежитъ претворять въ нихъ въ побужденїя къ гордости и самолюбїю; но паче научать

учать ихъ къ большей благодарности ко Творцу и къ соболѣзнованїю о всѣхъ помощи просящихъ. Паче всего надлежитъ подавать имъ нужное понятїе о всеобщемъ человѣколюбїи и естественной равности всѣхъ людей. Надлежитъ изъяснять имъ, что единое исполненїе благородныхъ дѣлъ можетъ различить насъ отъ подлости и что оно единое достойно примѣчанїя всѣхъ. Для просвѣщенїя ихъ ума надлежитъ наставлять ихъ до пятнатцатаго года въ правописанїи, ариѳметикѣ, логикѣ, нравоученїи, поэзїи, музыкѣ, исторїи, географїи и въ понятнѣйшихъ искуствахъ и правилахъ астрономїи. Хотя не могутъ они отъ сего быть учеными, однако, умъ ихъ будетъ симъ способомъ такъ просвѣщенъ, что въ изученїи домоправительства болѣе въ одинъ, нежели въ три года успѣха окажутъ. Такимъ образомъ утверждаю я, что можно воспитать разумныхъ дочерей. разность природныхъ дарованїй учинитъ, что будутъ такимъ образомъ воспитаны добродѣтельныя, искреннїя и соболезнующїя о недостаточныхъ гражданки. большая часть оныхъ увѣрятъ мущинъ въ честь нашему полу, что они часто основательнѣе и остроумнѣе ихъ разсуждаютъ, естьли не недостаетъ имъ наставленїя.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXIII.

XXXIII.

ЭПИСТОЛА.

Государь Мой!

Вы хотите знать, какъ должно титуловать господина N. и какимъ образомъ надпись на писмѣ къ нему надобно подписывать. Вы государь мой опасны, чтобъ не ошибиться приписанїемъ ему или очень высокаго или весьма низкаго титула. Въ приписанїи излишняго титула никогда ошибиться не можешъ: ибо я никогда не слыхалъ, чтобъ кто осердился за то, что называютъ его превосходительствомъ, хотя онъ и ни въ чемъ непревосходенъ, или свѣтлостью, хотя онъ и не свѣтитъ; также благороднымъ, хотябъ онъ родился и воспитанъ былъ въ N. Изъ всѣхъ свѣтскихъ тщеславїй ни которое такъ въ короткое время не выросло, какъ титлы. Мещанинъ нынѣ стыдится, когда ево назовутъ честной и почтенной; бургомистеръ называется высокопочтенной; учитель высокоученой, а послѣдней приказной служитель честной, и почтенной, коимъ прежде титуловались люди великїе чины имѣющїе. Тѣ, кои выше чинами, долженствуютъ уже для того принять себѣ другїе болѣе блестящїе титулы; такъ что одинъ только титулъ Величество, Импе-

Императоры и Короли для себя оставили: и они пота продолжатся, пока они захотят оной употреблять. Князь Эпирской Скандербергъ, одинъ изъ великихъ героевъ, коихъ свѣтъ произвелъ, не хотѣлъ никакого другова титула принять, кромѣ сего, что Христовъ солдатъ. Ежелибъ нынѣ кто захотѣлъ такъ назвать порутчика или прапорщика, тобъ тотчасъ онъ носъ надулъ. Яганъ Фридерикъ курфирстъ Саксонской, какъ его спросили, что по примѣру другихъ не хочетъ ли и онъ принять себѣ титула выше, нежели какой онъ употребляетъ, отвѣтствовалъ, что онъ хочетъ быть доволенъ слѣдующимъ титуломъ: Іисуса Христа мученикъ, вождь бѣдныхъ и нужныхъ, князь правовѣрныхъ, графъ правды, прапорщикъ Святаго Креста, примѣръ твердости и терпѣнія, и наслѣдникъ вѣчныя жизни. Такіе титулы старался онъ пріобрѣсть отъ своихъ потомковъ, о коемъ онъ думалъ, что оной гораздо приличнѣе для христіанина, нежели свѣтлѣйшей и высокорожденной. Я есмь и прочее.

Переведено съ Дацкаго.

XXXIV.

XXXIV.

Октября 16. дня.

РАЗСУЖДЕНIЕ

О ДОБРОМЪ УПОТРЕБЛЕНIИ СТРАСТЕЙ.

Естьли мы начнемъ разсматривать людей, и станемъ стараться проникнуть въ побуждающiя ихъ къ дѣйствiю причины, то покажется намъ весьма вѣроятно, естьли я не ошибаюсь, что честолюбiе есть такая скрытая пружина, посредствомъ которой вся махина въ движенiе приводится, и что всякой, въ разсужденiи твердости своего сложенiя, получаетъ отъ того либо сильное либо слабое побужденiе. Правда, что найдутся многiе, кои отъ природы, и безъ помощи философiи, не имѣютъ никакого желанiя къ властолюбiю и высокомѣрности, не безпокоятся, чтобъ имѣть множество провожатыхъ, не желаютъ окружены быть цѣлою толпою прислужниковъ, да и вся пышность сопряженная съ великолѣпiемъ ихъ не тревожитъ. Они довольствуясь честно прiобрѣ-

щеннымъ щастїемъ, и посредственнымъ состоянїемъ, не стремятся къ сниcканїю великихъ богатствъ. Однако изъ того не должно заключить, чтобъ и такой человѣкъ не былъ честолюбивъ. Желанїя его можетъ быть обратились на другую стезю, и побуждаютъ его къ прїобрѣтенїю совсѣмъ инаго предмѣта, только причина тому есть таже, потому что онъ мыслитъ себя отличить отъ прочихъ.

Я признаюсь, что внутреннѣе увѣренїе о непорочности своихъ дѣлъ, не смотря на народную похвалу, служитъ къ совершенному награжденїю благородной души, но желанїе обладающѣе нами, чтобъ превзойти другихъ, вкоренилось конечно въ наши сердца, только для того, чтобъ принудить насъ съ наивящшею силою къ упражненїю въ добродѣтели.

Правда, что какъ сїя страсть, такъ и всѣ прочїя часто и во зло употребляются; такъ что большая часть добрыхъ дѣлъ, и глупостей раждается отъ сего корьня, и отъ желанїя, чтобъ себя оказать. По крайней мѣрѣ въ разсужденїи исправленїя ея воспитанїемъ, наукою, или обхожденїемъ, и смотря въ сердцѣ ли честномъ или въ душѣ порочной оная находится, производитъ она согласныя тому дѣйствїя, и мы видимъ происходящїя отъ того

того дѣла, преисполненны щедроты, или неизмѣримаго корыстолюбія. Когда употребляютъ оную къ украшенію разума или токмо для внѣшняго вида, то дѣлаетъ она человѣка либо достойнымъ великой похвалы либо совсѣмъ смѣшнымъ. Понеже страсти разсѣяны въ нашихъ тѣлахъ и въ нихъ различнымъ образомъ дѣйствуютъ; то можно сказать, что и честолюбіе всякаго человѣка, побуждающѣе, не ограничено на одинъ токмо предмѣтъ, и потому обращается оно то къ тому, то къ другому.

Не можно сомнѣваться, чтобъ въ цѣломъ кругу поединщиковъ, или у подлыхъ въ кулашномъ бою не было столь же сильнаго желанія къ славѣ какъ и у знатнѣйшихъ соперниковъ. Естьлибъ сіе побужденіе къ славѣ въ нихъ не дѣйствовало, то можноли бы найти человѣка, которой, будучи въ силахъ избѣгать, допустилъ бы себя бить и увѣчить? Сіе то принуждаетъ ихъ вступать въ такую игру, въ которой первенство пріобрѣтенное ими надъ великимъ множествомъ ихъ сверстниковъ предаетъ, по ихъ мнѣнію, забвѣнію всѣ удары полученныя ими отъ ихъ соперниковъ. Какъ то ни есть, только піитъ Валлеръ утверждаетъ, что, естьлибъ Юлій Цесарь воспитанъ былъ въ деревнѣ между крестьянами, то бы вмѣсто того, что

покорилъ онъ себѣ римскую имперію, былъ бы конечно славной пастухъ, или искусной борецъ. Воспитаніе, острота его разума, и случай, въ которыхъ онъ находился, учинили его повелителемъ свѣта; Естьлибъ онъ не имѣлъ всѣхъ сихъ полезныхъ случаевъ, то тоже честолюбіе, которое его воспламеняло, побудило бы его оказать себя въ какомъ ни есть, хотя не столь славномъ дѣлѣ. Понеже судьба всѣхъ людей не опредѣлена въ сей жизни неотвратительнымъ образомъ и къ пріобрѣтенію щастія или къ упрежденію онаго тысяча разныхъ случаевъ могутъ способствовать, то кажется мнѣ, что сіе весьма безвинное разсужденіе, когда представимъ себѣ человѣка великаго духа въ столь же худомъ состояніи, въ сколь знатномъ и благополучномъ онъ теперь находится. Чрезъ самое то усмотримъ его, такъ сказать, на единѣ въ откровеніи сихъ изрядныхъ дарованій, кои будучи просвѣщены и исправлены воспитаніемъ дѣлаютъ его къ отправленію высочайшихъ чиновъ способнымъ. Съ другой стороны, достоинство безъ исправленія бываетъ иногда столь же велико, сколь и имѣющее исправленіе.

Такимъ образомъ натура предподаетъ людямъ общѣе желаніе къ славѣ; а воспитаніе обращаетъ оное либо къ доброму либо

къ

къ злому. И желаніе къ отличенію себя оказывается особливо, естьли я не обманываюсь, въ частыхъ перемѣнахъ платья, модъ и ухватокъ, которымъ новомодныя люди послѣдуютъ, только для того, чтобъ себя чрезъ то предъ другими показать. Истинно все что блеститъ, или что имѣетъ отмѣнное, представляется тотчасъ въ глаза смотрителямъ и привлекаетъ къ себѣ ихъ взоры. Есть такіе люди, которые почитаютъ себя для того обиженными, что не внесены въ ругательное письмо, или сатиру; ибо они воображаютъ себѣ, что въ томъ такоежъ право имѣютъ, какъ и ихъ сосѣди, и почитаютъ себя нѣкоторымъ образомъ презрѣнными за изключеніе изъ онаго. Отъ того то происходятъ безпутныя увеселенія и ночныя недозволенныя забавы нашихъ весельчаковъ, которые находятъ не малое удовольствіе выбивать окна, угождать ночною музыкою, напиваться до пьяна по два раза въ день, мучить напрасно многихъ лошадей, и дѣлать разныя другія подобныя тому безпутныя предпріятія. По крайней мѣрѣ есть и такихъ людей довольно, которые не былибъ столь злы и безпутны, когдабъ не было другихъ, кои ихъ пороки похваляютъ.

Нѣкоторой родъ весьма обыкновеннаго, притомъ совсѣмъ сумазброднаго честолю-

 бія,

бія, какой только въ разумъ человѣческой притти можетъ, есть тотъ, которой нападаетъ на человѣка, когда оной по долговременномъ искуствѣ долженъ ужè быть разумнѣе всѣхъ лѣтъ своей жизни, что и удвояетъ къ нему презрѣніе и обнажаетъ его отъ всего, что можно нѣкоторымъ образомъ въ погрѣшностяхъ младыхъ лѣтъ извинить. Я хочу сказать о той подлой страсти, чтобъ собирать сокровища, не слѣдуя ни наставленіямъ добродѣтельнаго родителя, ни совѣтамъ ласковой супруги и щедролюбиваго друга. Можно въ утѣшеніе честной бѣдности сіе примѣчаніе учинить, что таковое желаніе богатства господствуетъ надъ всѣми тѣми, кои не имѣютъ ни какихъ добрыхъ качествъ, чѣмъ бы пріобрѣсть имъ себѣ почтеніе. Сіе есть зелье растущѣе въ безплодномъ полѣ. Человѣколюбіе, милосердіе и учтивость не могутъ соединены быть съ скупостью. Кто не придетъ въ удивленіе, увидя что сею подлою страстью истребляются въ одинъ часъ всѣ благородныя мысли о естествѣ человѣческомъ. Она понуждаетъ господина къ печали и свирепости, отца къ безчеловѣчію, супругу къ безпокойствію, друга къ подозрѣнію. Но я почту оную здѣсь лутче за слабость душевную, нежели за недостатокъ разума. Когда извѣстны намъ примѣры

мѣры о гордомъ уничиженіи, то должно признаться, что сія страсть будучи совсѣмъ противна большой части прочихъ страстей, убѣгаетъ слуха и внѣшности, для пріобрѣтенія себѣ похвалы. Отъ того происходитъ, что скупой не наблюдаетъ иногда и весьма необходимыхъ пристойностей въ платьѣ. *Онъ для того называется сѣднымъ, чтобъ подать поводъ ему противорѣчить и льстить его гордости.* Желаніе славы и любовь столь свойственны человѣку, что будучи исправлены и обращены въ хорошую сторону, могутъ учиниться безцѣнными и разумными. Правда, что мудрой будучи ослѣпленъ знатныхъ людей великолѣпіемъ и блестящими достоинствами, оставляетъ скрытыя стези удаленнаго житія, чтобъ погнаться за честью и чинами, однако хотя ему въ его намѣреніи удастся или нѣтъ, разсмотритъ онъ довольно сіе подкрашенное возвышеніе и чтобъ отъ онаго не отдѣлить всего украшенія, спѣшитъ онъ освободить себя отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, дабы оставшіе свои дни препроводить въ тишинѣ и уединеніи.

Сего требуетъ предосторожность, чтобъ добраго не мѣнять на худое, и не оставлять того никогда, что всегда съ удовольствіемъ паки воспріять можно. Однако, естьли жизнь не

не прохлаждается нѣсколько пріятными зефирами надежды и страха, то часто ввергается она въ нечувствительное безпечное и натурѣ весьма противное состояніе. Всему свѣту извѣстно, что Домитіанъ, получивши Римскую имперію, забавлялся ловленіемъ мухъ. бодрственные и неутомимые духи не могутъ да и не должны въ своихъ цвѣтущихъ лѣтахъ быть праздны: естьли они не имѣютъ благородныхъ предпріятій, то желанія ихъ стремятся на подлыя, и они побуждаются какою нибудь посрамительною и безчестною страстью, наподобіе дерева, у котораго вершину вѣтвей для того срубили, чтобъ оныя не простирались выше, выходятъ всегда отрасли отъ корья. Человѣкъ, наблюдающей токмо свой прибытокъ въ свѣтѣ, и ищущей народныхъ похвалъ, не вкуситъ въ ономъ нимало истиннаго удовольствія, да и разсмотритъ наконецъ свою ошибку. А имѣющей благороднѣйшѣе намѣреніе, и разумъ довольно просвѣщенной къ приложенію старанія о пользѣ отечества, непріемлющей кромѣ основанныхъ на добродѣтели похвалъ, и презирающей восклицанія несогласныя съ внутреннимъ признаніемъ его совѣсти; желающей, безъ роптанія на свое состояніе, въ которое Провидѣніе его опредѣлило, произойти честнымъ и законнымъ образомъ въ знатнѣйшѣе достоинство;

ство; такой то, говорю, не желаетъ и не старается распространить свою власть, какъ токмо къ наивящшей пользѣ обществу.

Отъ натуры одаренной преизящными свойствами человѣкъ, можетъ много здѣлать добраго или злаго въ свѣтѣ. Для того то надлежитъ наипаче стараться о воспитанїи юности, и вперять въ оную заблаговременно законы честности и добродѣтели, дабы ихъ добрыя качества не премѣнились въ худыя и порочныя. Намѣренїе вѣры и философїи состоитъ не столько въ утушенїи нашихъ страстей, сколько въ укрощенїи и въ обращенїи оныхъ къ пристойнымъ и избраннымъ предмѣтамъ. Когда сїи оба кормчїи покажутъ намъ путь, коимъ должно слѣдовать, то по оному безъ опасности на всѣхъ парусахъ можно плыть; естьли буря бѣдствїй на насъ востанетъ, и воспрепятствуетъ намъ прибыть въ желаемое пристанищѣ, то будетъ намъ не малымъ утѣшенїемъ сїе увѣренїе, что мы слѣдовали предписанному пути и что не мы виною нашему нещастїю.

Такимъ образомъ Вѣра, въ разсужденїи дѣлъ въ сей жизни происходящихъ, весьма достойна нашего почтенїя; тѣмъ что она ограничиваетъ разныя людскїя требованїя и интересы, безъ чего бы оныя въ замешательство пришли, и потому содержитъ въ свѣтѣ поря-

порядокъ и согласіе; тѣмъ что подаетъ случай каждому въ сей жизни представлять себя каковъ онъ есть и производить въ дѣйство свои дарованія; тѣмъ что она побуждаетъ къ дѣламъ естественно похвальнымъ, и свѣту полезнымъ; словомъ, тѣмъ что внушаетъ честолюбіе съ здравымъ разумомъ сходное, любовь истинную, и желанія благородныя.

Переведено съ Французскаго.

XXXV.

XXXV.

О НЕНАВИСТИ И ВРАЖДѢ.

Ничто не причиняетъ въ душѣ нашей болѣе досаднѣйшихъ движенїй, какъ ненависть и презрѣнїе ближняго. Ненависть опечаливаетъ сердца человѣческїя; лишаетъ храбрости героевъ и исполняетъ ихъ страхомъ и ужасомъ. Ненавидимой почитаетъ себя однимъ посреди множества людей; мечетъ боязливые взоры около себя и видитъ себя окруженна со всѣхъ сторонъ непрїятелями. Сколь прїятно должно быть потому ненавидимымъ примиренїе и прощенїе; ибо оно отвращаетъ вдругъ печальныя слѣдствїя ненависти. Примиренїе подобно тихому утру слѣдующему за темною ночью, въ которую жестокой вѣтръ, громъ, съ дождемъ и бурею соединенная молнїя повсюду страхъ и ужасъ причиняли. Но восходящая заря прогоняетъ темноту ночи и наполняетъ всю натуру радостїю. Такъ и сердце наше бываетъ преисполнено радостїю и веселїемъ, когда примиренїе ненависть, подобно тому какъ солнце ночь прогоняетъ. Вся натура наша обновляется, и сердце оживляется тогда паки. Какъ можно тѣхъ чудовищъ почесть людьми, которые другихъ не прощаютъ; когда прощенїе собственныхъ ихъ пороковъ возбуждаетъ въ

нихъ

нихъ толь восхищенное веселїе? Мы окружены въ сей жизни повсюду многими слабостьми и бываемъ часто пороками, какъ быстрою рѣкою въ оныя ввергаемы. Что можетъ скорѣе случиться обиды ближняго? И потому, что можетъ быть справедливѣе прощенїя другимъ ихъ пороковъ, когда они такъ легко и нечаянно учинены быть могутъ? Горе тѣмъ, кои другихъ не прощаютъ! Они непрїятели всему роду человѣческому и слѣдственно навлекаютъ на себя ненависть всѣхъ людей. Можетъ быть, что они почитаютъ себя свободными отъ всѣхъ пороковъ; и для того они уроды и страшилища между людьми: потому что слабости отъ насъ такъ нераздѣлимы, какъ границы положенныя нашему разуму. Между Ангелами столько же они быть неспособны, какъ Мидїи между музами. Въ пространномъ государствѣ дурачества должно имъ дать первое мѣсто. Они обыкновенно бываютъ водимы злымъ невѣжествомъ. Хотя они находятъ въ себѣ довольно пороковъ; однако почитаютъ себя единымъ намѣренїемъ, для котораго все внѣ ихъ находящееся, сотворено. Собственные ихъ пороки кажутся имъ пылинками, а чужїе превеликими бревнами. Чужїе грѣхи у нихъ предъ очами, а свои заплечами. Сими предразсужденїями глупаго самолюбїя будучи ослѣплены, почитаютъ

они

они другихъ ихъ во всемъ прощать обязанными; а сами берутъ смѣлость къ мщенію. Сіе дѣлаетъ ихъ нечувствительными, неупросимыми, немилосердыми и черную ихъ кровь совершенно загустѣлою. Естьлибъ выдуманы были воздушные корабли, то не первые ли бы они достойны были, быть сосланы въ Сатурнъ? Не токмо откровеніе, но и натуральные законы обязываютъ насъ прощать пороки другихъ. Съ какимъ восклицаніемъ говоритъ намъ Спаситель нашъ: „ *Аще бо отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и намъ Отецъ нашъ Небесный. Аще ли не отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ нашъ отпуститъ намъ согрѣшеній нашихъ.* Сей рѣчи заключающей въ себѣ величавую простоту, противится нечувствительное собственному своему благополучію сердце. Сіи истинны довольно извѣстны и открыты натурѣ. Горацій говоритъ: „ Когда вѣрный „ другъ сравнитъ пороки мои съ добродѣте„ лями, которыя я имѣю: то онъ мнѣ ихъ „ проститъ, есть ли доброе перевѣситъ злое. Справедливо, чтобъ просящій прощенія и самъ другихъ прощалъ. Я бы могъ привесть многіе примѣры о великихъ и благородныхъ душахъ, которыя несноснѣйшія обиды прощали; но теперь вспомнилъ я объ одномъ, оставленномъ намъ Эліаномъ.

Когда

Когда Фокіонъ оказавшей Аѳинянамъ весьма знатныя услуги, хотѣлъ выпить представленной ему по высочайшему приказанію ядъ, то вкругъ стоящіе ево пріятели его спросили; какую онъ заповѣдь сыну своему оставилъ? Отвѣтствовалъ онъ: „Я ему „приказалъ, чтобъ онъ Аѳинянамъ о моей „обидѣ не выговаривалъ, отъ которой я „теперь умираю.„ Не возноситъ ли Фокіона сіе великодушное дѣло выше славы одержанныхъ храбростію ево побѣдъ. Люди, кои другихъ прощаютъ, слѣдуютъ богу, которой невзирая на безконечную Свою Святость готовъ отпустить намъ грѣхи наши, хотя правосудіе Его насъ осудить, и всемогущество Его насъ растерзать можетъ. Естьли бы всѣ брали себѣ образцомъ своихъ поступокъ премилосердое сіе Существо, тобъ земля сравнялась съ раемъ, а люди съ Ангелами.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXVI.

Октября 23. *дня.*

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ.

Благодѣянія могутЪ быть равнаго количества, но неравнаго дѣйствія; ибо раздаяніе благодѣяній причиняетЪ, что иногда малое обязываетЪ болѣе, нежели великое.

Gratior eſt facilis, quam mihi plena manus.
то есть:
Щедрая рука пріятнѣе полной.

Малое подаяніе, или которое отЪ искренняго сердца происходитЪ, пріятнѣе большаго, которое изЪ принужденія подается. Tarde benefacere eſt nolle, то есть: не во время оказанное благодѣяніе есть ничто. НапротивЪ того говорится: bis dat, qui dat celeriter, то есть: тотЪ даетЪ вЪ двое, которой подаетЪ скоро. благодѣянія познаются не подаянію, но по сердцу подателя, и для того часто видимЪ, что многіе сЪ великою благодарностію весьма худыя вещи

 прини-

принимали, потому что они отъ искренняго сердца были подаваемы. Персидской шахъ Артаксерксъ ѣздилъ нѣкогда по своимъ землямъ. На дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ, збирались обыватели по обыкновенію съ дарами. Иные приносили хлѣбъ, другіе вино, а бѣдные плоды. Одинъ изъ сихъ, называемой Синетъ, мимо хижины котораго шахъ ѣхалъ, былъ такъ бѣденъ, что совсѣмъ ничего принесть не имѣлъ; но притомъ не хотѣлъ, чтобъ шахъ безъ поднесенія ему даровъ проѣхалъ. Но какъ онъ ничего не имѣлъ, то зачерпнулъ въ руки текучей тутъ воды, и принесъ шаху со многими доброжеланіями. Шахъ былъ тѣмъ крайне тронутъ, и принялъ сіе съ гораздо большею благодарностію, нежели принесенные ему великіе дары, и наградивъ сего бѣднаго весьма богато, отпустилъ. Сенека говоритъ: animus eſt, qui beneficiis dat pretium. то есть: мысль и намѣреніе придаютъ настоящую цѣну благодѣяніямъ. Малое, но притомъ добровольно подаемое обязуетъ болѣе, нежели многими прошеніями получаемое; и для того стараются тѣ, которые хотятъ обязать своихъ пріятелей, вывѣдать тайно ихъ нужды, дабы они не имѣли случая просить ихъ помощи; ибо когда кто дотѣхъ поръ мѣдлитъ, пока пріятель самъ попроситъ: то теряетъ даяніе много

своея

своея цѣны. Требующей помощи принужденъ бываетъ просить оной, а являемое ему благодѣяніе не совсѣмъ будетъ самопроизвольно, хотя податель онаго внѣшностію и показываетъ къ тому охоту. Когдажъ напротивъ того благодѣяніе съ скучнымъ и угрюмымъ видомъ оказывается, то оное нимало за благодѣяніе почесться не можетъ; ибо обѣщаніе угрюмаго не лутче учтиваго отказа.

По большой части зависитъ отъ того, какимъ образомъ дѣло предпринимается; ибо учтивой отказъ, да и самое бремя налагаемое на пріятеля, можетъ быть пріятнѣе недоброжелательнаго подаянія. Эвдамидъ сочинилъ предъ смерьтью слѣдующую духовную: ,, Послѣдняя моя воля состоитъ втомъ, ,, чтобъ другъ мой Аретей кормилъ и со- ,, держалъ бы мать мою; а другой мой ,, другъ Хариксетъ далъ за дочерью моею ,, столько приданаго, сколько онъ собрать ,, можетъ. ,, Нѣкоторые смѣялись сей духовной, но тѣ, до которыхъ оная касалась, радовались великой повѣренности явленной умершимъ ихъ другомъ. Между прочимъ имѣютъ часто подаянія и благодѣянія такое дѣйствіе, которымъ навлекается иногда непріязнь и возбуждается во многихъ ревнованіе за оказанное другому добро; и для того надлежитъ при оказаніи оныхъ поступать весьма осто-

 рожно,

рожно, а особливо при женщинахъ, въ которыхъ преимущество въ благодѣяніяхъ, почтеніи и славѣ великое дѣйствіе имѣетъ. Сіе испыталъ Парисъ, когда онъ далъ золотое яблоко Венерѣ, и чрезъ то навлекъ на себя гнѣвъ двухъ богинь. Киринейской философъ Аристиппъ поступилъ въ такомъ случаѣ осторожнѣе. Когда король Діонисій представилъ ему нѣкогда трехъ девушекъ, чтобъ выбиралъ онъ себѣ изъ оныхъ любую, то повелъ онъ всѣхъ трехъ домой, дабы неогорчить двухъ прочихъ. Я умолчу о другихъ правилахъ, кои при благодѣяніяхъ наблюдать должно; а упомяну только о нѣкоторыхъ особливыхъ дѣйствіяхъ благодѣяній, кои весьма рѣдкими почитаются. Когда я оказываю благодѣянія тому, которой мнѣ подчиненъ, или тому, которой ниже меня званіемъ, то имѣютъ онѣ изрядное дѣйствіе; ибо почтеніе оказываемое ими мнѣ ужѐ и прежде, увеличивается еще болѣе подаяніемъ или благодѣяніемъ. Чувствительность ево становится болѣе прежняго, а преданность и послушаніе возрастаютъ по мѣрѣ благодѣяній. Сіе доказывается ежедневнымъ искуствомъ; ибо добро вкушающее меньшимъ отъ вышшаго, бываетъ всегда пріятно, и никогда нескучно, потому что изъ того не только новое обязательство происходитъ, но и старое тѣмъ болѣе подкрѣпляется. Для сей причины всѣ божія благодѣ-

годѣянія людямъ пріятны, и умножаютъ любовь и должное почтеніе къ Создателю.

Оказываемыя мною равнаго мнѣ состоянія человѣку благодѣянія, совсѣмъ иное дѣйствіе имѣютъ; ибо дружба превращается тогда въ нѣкоторой родъ покорности, и получающей благодѣянія бываетъ уже, такъ сказать, не въ прежнемъ состояніи, будучи принужденъ къ дружеству, къ которому онъ прежде самоизвольно приступилъ. И такъ когда союзъ дружества въ оковы покорности превратится, и изъ друга здѣлается слуга, то возбуждаютъ оказываемыя равному себѣ благодѣянія скоряе холодность и неудовольствіе, нежели любовь. О семъ весьма много примѣровъ находится, хотя оные вообще въ забвеніи остаются, и для того сіе положеніе за невѣроятное почитается. Всякъ охотно повинуется вышшему, а равному себѣ служить тяжело, и почти несносно; и для того происходитъ изъ сего прежде холодность и внутренняя ненависть, нежели подкрѣпляется тѣмъ дружество. Сіе подобно двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ получилъ высокой чинъ, а другой остался; ибо симъ прекращается прежняя равность, старая любовь угасаетъ, и сколько бы радости ни показывалъ одинъ братъ о благополучіи другова, однако оная всегда притворна, кото-

рою старается онъ только скрыть внутреннѣе свое неудовольствіе. Я никому не отговариваю оказывать благодѣянія равному себѣ, ибо сіе есть и пребудетъ добродѣтелью, которую наблюдать всякому присовѣтовать должно, а показываю только, какое дѣйствіе таковая поступка обыкновенно имѣетъ, и сожалѣю притомъ о слабости и несовершенствѣ рода человѣческаго. Съ одной стороны стараюсь я возбудить людей къ оказанію благодѣяній равнымъ; ибо чѣмъ хуже дѣйствіе, которое за благодѣяніемъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе бываетъ достоинство, и тѣмъ ближе сравнивается оно съ истинною добродѣтелью. Съ другой же стороны стараюсь опровергнуть неблагодарность, и всякому совѣтую быть благодарну за полученныя благодѣянія, отъ кого бы оно ни происходили; ибо благодѣяніе есть благодѣяніе, которое по человѣческой должности любовь и благодарность возбудить должно, хотя бы оно отъ вышшаго или отъ равнаго мнѣ происходило. Совсѣмъ иное хулить хорошее дѣло, и совсѣмъ иное примѣчать худыя слѣдствія похвальнаго дѣла: а изъ послѣдняго ничто иное происходитъ, какъ показать человѣку порокъ, которой онъ оставить или исправить стараться долженъ.

Тожъ самое можно сказать и о благодѣяніяхъ оказываемыхъ вышшему и знатному

малѣй-

малѣйшими; причемъ необходимо должно слѣдовать сему дѣйствію, которое доказывается многими примѣрами. Знатной требуетъ послушанія, а самъ другихъ неохотно обязываетъ, подобно какъ и равной мнѣ состояніемъ, теряетъ принятіемъ благодѣянія нѣсколько своей вольности; почему кажется, будто у вышшаго нѣчто отъ его господства отнимается; а благодарность являемая вышшимъ за оказанныя ему благодѣянія, кажется быть основана больше на житіи и благосостояніи, нежели на любьви; ибо всякое добро и угожденіе оказываемое таковому почитается имъ болѣе за должность, нежели за благосклонность, и для того съ меньшимъ удовольствіемъ принимается. Для сей причины случается, что многіе съ гораздо большимъ удовольствіемъ чужимъ, нежели родственникамъ помогаютъ, ибо первые приписываютъ все оказанное великодушію благодѣтеля, послѣдніе же почитаютъ сію услугу за должность, къ которой они союзомъ родства обязаны. При семъ долженъ я привесть на память всѣмъ тѣмъ, которые обязали вышшихъ своихъ услугами, что не должно имъ тѣмъ ни мало хвалиться, но паче признаваться, будто они со всѣми ихъ услугами малое здѣлали угожденіе.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXVII.

О НЕБЛАГОДАРНОСТИ.

Изъ всѣхъ пороковъ нѣтъ обыкновеннѣе неблагодарности. Ничто не бываетъ такъ скоро позабыто, какъ оказанныя благодѣянія. Мы находимъ сей порокъ отъ вышняго до меньшаго. Вышней имѣющей довольно силъ къ оказанію себя благодарнымъ противъ своихъ благодѣтелей, часто забываетъ благодѣянія равно какъ и меньшей, и бываетъ еще столь безуменъ, что думаетъ, будто онъ тѣмъ оказалъ меньшему милость, честь и благодѣяніе, что принялъ отъ него услугу. Сіе можно еще почесть за удовольствіе, хотя бы и желательно было, чтобъ нѣкоторые бездушные тѣмъ только довольствовались. Но часто случается, что неблагодарность ихъ еще далѣе простирается, и благодѣтелямъ своимъ вмѣсто воздаянія вредъ причиняютъ, подобно той замерзшей змѣѣ, которую прохожей поднялъ изъ сожалѣнія, но она, какъ скоро обогрѣлась, то въ знакъ благодарности ужалила благодѣтеля своего смертельно. Подумай всякой о человѣческомъ родѣ, то увидитъ, что неблагодарность въ ономъ весьма въ обыкновеніи.

Син-

Синтонъ приведенъ былъ непостоянною жизнію своея жены въ такія обстоятельства, что ежедневно множество заимодавцовъ къ нему приходили. Хотя онъ старался отъ нихъ укрываться, однако они ево находили. Они грозили ему, естьли не заплатитъ скоро, темницею и продажею ево именія. Они не довольствовались никакими прозьбами. Въ сей нуждѣ прибѣгая онъ къ ближнимъ своимъ родственникамъ и друзьямъ просилъ ихъ о помощи: но никто ему втомъ не помогъ. Наконецъ пришелъ онъ къ благодѣтельному Манту. Человѣколюбивое сердце сего мужа умягчилось тотчасъ нуждою ближьняго. Мантъ далъ ему столько денегъ, сколько къ удовольствованію заимодавцевъ ево потребно было.

Теперь получилъ вспоможеніе Синтонъ, а какъ сверьхъ того еще умерла непостоянная жена ево, то привелъ онъ себя прилѣжностію своею скоро паки въ хорошія обстоятельства. Между тѣмъ занемогъ благодѣтель ево Мантъ и умеръ. Опредѣленные Мантомъ къ дѣтямъ опекуны поступали такъ съ оставленнымъ ево имѣніемъ, что дѣтямъ, когда они пришли въ совершенныя лѣта, ничего не осталось. Теперь былъ настоящей случай, въ которой бы Синтонъ оказалъ себя благодарнымъ противъ

своего благодѣтеля. Ктобъ подумалъ, чтобъ Синтонъ не принялъ оной съ радостїю? Всякъ уповалъ, что, естьли никто не вступится за дѣтей Мантовыхъ, то по крайней мѣрѣ учинитъ сїе Синтонъ, потому что онъ все свое благополучїе Манту приписать долженъ. Но всѣ втомъ обманулись. Все имъ учиненное было то, что въ компанїи, когда рѣчь была о сихъ дѣтяхъ, то говаривалъ; „ Это бѣдные дѣти, я сожалѣю объ нихъ для „ ихъ отца; ибо онъ былъ честной человѣкъ, „ я бы желалъ, чтобъ онъ еще пожилъ. Но о оказанныхъ благодѣянїяхъ не говорилъ онъ ни слова.

Сїе учинилъ Синтонъ, а подобное ему дѣлаетъ въ таковыхъ случаяхъ почти весь свѣтъ. Но что можетъ быть несправедливѣе таковой поступки? Мы живемъ въ свѣтѣ, въ которомъ намъ благодѣянїя нужны. Премудрый Создатель онаго приводитъ насъ часто въ такїя обстоятельства, въ которыхъ мы безъ благодѣянїя другихъ пробыть не можемъ. Я думаю, что ни одного человѣка нѣтъ на свѣтѣ, которому бы въ благодѣтелѣ нужды не было. Мы по справедливости можемъ почитать себя счастьливыми, когда найдемъ одного благодѣтеля. Коль неправедно поступали бы мы, естьлибъ оказали себя неблагодарными противъ

тивъ нашихъ благодѣтелей? Натуральные законы повелѣваютъ намъ стараться столько же о его благополучіи, сколько онъ о нашемъ. Разсудимъ, что мы обязаны къ толикимъ же должностямъ въ разсужденіи другаго, какъ онъ въ разсужденіи насъ; что сіи должности, въ разсужденіи другаго, благодѣяніями еще болѣе умножаются. Мы должны по изъясненію философовъ почитать себя не только намѣреніемъ, но и способомъ сего свѣта; и для того не должны ли мы нашего благодѣтеля, которой оказалъ намъ великія услуги, какъ своему намѣренію, почитать обратно за одно изъ главнѣйшихъ нашихъ намѣреній? Для того должны мы всякой представляющейся случай къ показанію благодарнаго нашего сердца принимать съ радостію.

Есть еще нѣкоторыя особливыя благодѣянія, кои не всякому случаются. Я разумѣю чрезъ то, когда пріятель вдругъ отвратишвъ отъ насъ великое несчастіе учинитъ насъ паки счастьливыми, когда намъ казалось, что мы во все время нашей жизни будемъ несчастьливы. Какою радостію должно таковое благодѣяніе преисполнить наше сердце? коль весела и радостна должна быть тогда вдругъ объятая печалію душа? Хотя иной не бывалъ въ такихъ обстоятельствахъ, однако можетъ нѣкоторымъ образомъ пред-

представить себѣ то радостное замѣшательство, которое тогда въ сердце владычествуетъ. Коль живо должно быть представленїе такого благодѣянїя у того, которому оно оказано? благородное, чувствительное и человѣческое сердце должно быть необходимо за оное преисполнено благодарностїю противъ своего благодѣтеля. Надобно тому быть не человѣку, кто можетъ на таковыя благодѣянїя взирать съ равнодушїемъ. Тотъ великодушнѣйшимъ благодѣтелемъ по справедливости названъ быть можетъ, которой оказывая другому благодѣянїе, самъ вредъ претерпѣваетъ. Естьли кто и тогда неблагодарнымъ себя оказываетъ, то являетъ онъ наибольшую неблагодарность. Имѣя кто таковое рѣдкое сокровище, оказываетъ себя неблагодарнымъ, недостоинъ своего благодѣтеля, и въ таковомъ неблагодарномъ сердцѣ ужè почти всѣ слѣды человѣчества изчезли. Таковая неблагодарность была Синтонова. Хотя онъ видѣлъ благороднѣйшѣе, нѣжнѣйшѣе и великодушнѣйшѣе сердце Мантово, которой помогъ ему въ ево нуждѣ, претерпѣвъ тѣмъ самъ великой ущербъ; однако сей неблагодарный немогъ быть побужденъ къ благодарности великостїю таковаго благодѣянїя.

ТѢ, кои до такой крайности доходятъ, что благодѣтелямъ своимъ вредъ причиняютъ недостойны быть здѣсь упомянуты: ибо сердца ихъ уподобляются болѣе сердцу дїавола, нежели сердцу человѣка.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XXXVIII.

XXXVIII.

О привидѣніяхъ.

О Томъ привидѣніи, кое вы сказывали, что прошедшей ночи видѣли, не могу я никакова разсужденія здѣлать; ибо все что одинъ видишъ и слышишъ, можетъ быть дѣйствіемъ воображенія, чему есть многіе знатные примѣры. Однако отъ сего не слѣдуетъ, чтобъ я совсѣмъ не вѣрилъ привидѣніямъ, и тому, что называется страшилищемъ. Я думаю, что большая часть исторій, кои сказываютъ, или выдуманы, или въ нихъ есть какой нибудь обманъ. Многое въ такихъ случаяхъ можетъ приписаться болѣзни, крови и воображенію, ибо примѣчено, что тяжелые люди видятъ много привидѣній, а въ горячкѣ являются всякія страшилища, кои пропадаютъ, какъ скоро жаръ минуется. Не меньшежъ того не смѣю я отрѣшить всѣ такія исторіи, а паче о которыхъ многіе достовѣрные люди свидѣтельствуютъ, что и они видѣли и слышели такое, что ни какимъ образомъ не можетъ приписаться натуральной причинѣ. Я отъ моего собственнаго искушенія, которое имѣлъ лѣтъ съ тритцать тому назадъ обще съ другою особою, весьма увѣренъ, что привидѣнія есть. И такъ въ семъ съ тѣми единомышленъ, кои

кои думаютъ, что втомъ есть нѣкая дѣйствительность. Мнѣ только то не нравится, что приписываютъ оное всегда дьяволу; ибо что можетъ побудить дьявола къ стращанью и дѣлать въ противность своимъ желаніямъ, чтобъ люди были богомольнѣе. Что можетъ его побудить къ стращанью точно въ церьквахъ, на кладбищахъ, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ умерщьвленъ и похороненъ человѣкъ? Напослѣдокъ, что можетъ побуждать его къ стращанью въ пустыхъ мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ людей нѣтъ? Представь себѣ дьявола, котораго намѣреніе втомъ состоитъ, чтобъ вредить людей или приводить ихъ въ искушеніе, сталъ ли бы онъ искать лутче пустыхъ мѣстъ, нежели многолюднѣйшихъ городовъ, гдѣбъ въ одинъ день могъ онъ здѣлать больше вреда, нежели въ первомъ мѣстѣ во сто лѣтъ? Ежели ты спросишъ: чтожъ такое страшилище? На то отвѣчаю, что то отдаю на твое собственное разсужденіе, да только то скажу, полагаясь на вышепомянутые доводы, что то не можно быть дьяволу и утверждаю, что мнѣніе и ученыхъ людей объономъ нескладнѣе мнѣнія простаго народа. Изъ сего видишъ ты, что я отрѣшаю многія исторіи, кои сказываются о страшилищахъ; однако не всѣ. Равнымъ образомъ и сказываемому о волшебствѣ я не всегда всему повѣрю: ибо какъ алхимистическую науку почесть можно подозрительною, потому

что

что многіе златодѣлатели суть бѣдны; такъ есть причина къ сумнѣнію и о колдовствѣ, потому что большая часть, о коихъ сказывали, что они зналися съ дьяволомъ были бѣдные и нищіе, и потому надобно втомъ быть обману, которой разными примѣрами доказать можно. Многіе же были и напрасно чародѣйствомъ обвиняемы, или отъ своихъ неприятелей, кои искали мщенія, или отъ тѣхъ, кои хотѣли завладѣть ихъ имѣніями.

Переведено съ Дацкаго.

XXXIX.

XXXIX.

Октября 30. дня.

О ПРИМИРЕНІИ.

ВЕсьма нужно стараться человѣку о полученіи пріятелей, но еще тово нужнѣе примиряться съ своими непріятелями и уменьшать число оныхъ. Когда ненависть гораздо жесточайшая страсть и разпространяется скорѣе, нежели любовь и дружество; то единой непріятель можетъ причинить намъ болѣе вреда, нежели десять пріятелей показать угожденій; и для того въ пословицѣ говорится: *одного непріятеля много, а ста пріятелей мало.* Человѣкъ нежелающей мнѣ добра и ненавидящей меня, можетъ разорить домъ мой въ одинъ день, котораго предстатели и друзья мои въ цѣлой годъ не построятъ: ибо что въ скорости опровергается, то не инако какъ мало по малу возстановляется, и въ прежнѣе состояніе приводится. Пятно можетъ быть скоро здѣлано, но не скоро выведено. Искрѣннѣе дружество гораздо рѣже между людьми злой непріязни и зложелательства. Дамонъ и Фитій, Сципіонъ и Лелій такъ рѣдки въ свѣтѣ какъ черные лѣбеди. Нельзя наполнить цѣлыхъ книгъ примѣрами искренной и непремѣнной дружбы. Весьма часто случается, что друзья во время

нещастія насъ оставляютъ; и для того говорится: *истинной другъ въ нуждѣ познается*. Я умалчиваю о притворной и лицемѣрной дружбѣ, очемъ исторія и ежедневное искуство безчисленные примѣры представляютъ. Напротивъ того ненависть и вражда постоянны и долговременны; и когда непріятель никакова вреда намъ не дѣлаетъ: то конечно не недостаетъ ему втомъ хотѣнія, но силы. Весьма несносно видѣть себя безъ пріятелей, а между непріятелями жить опасно и вредно. Естьли умретъ мой пріятель; то приведенъ я буду въ печаль, и мучимъ по немъ сожалѣніемъ; а естьли умретъ непріятель, или примирюсь я съ онымъ: то освобожусь отъ грозящей и висящей надъ головою опасности. большая часть пріятелей суть таковы, что они ни пользы ни вреда принесть не могутъ; но малѣйшей и слабѣйшей непріятель всегда бываетъ въ состояніи причинить мнѣ вредъ, какъ говорится: *другому вредить всякъ можетъ*. Тѣ весьма обманываются, кои полагаются твердо на своихъ пріятелей, и говорятъ: хотя есть у насъ нѣсколько непріятелей: однако есть много и пріятелей. безопаснѣе бы было, естьлибъ можно было сказать: хотя нѣтъ у насъ пріятелей: однако нѣтъ и непріятелей. И такъ естьли можно примириться съ малымъ непріятелемъ: то сіе гораздо полезнѣе, нежели получимъ мы сильнаго пріятеля. Ибо сколь бы малъ и слабъ

непрі-

непріятель ни былъ: однако можетъ онъ всегда причинить вредъ. Сверьхъ того надлежитъ смотрѣть не только на то, что онъ есть, но и на то, что онъ быть можетъ. Ежедневное искуство учитъ, что многіе, коихъ непріязнь мы презирали, здѣлались наконецъ страхомъ, посредствомъ той или другой перемѣны, или приключенія. Въ пословицѣ говорится: *пораженной врагъ еще тѣмъ непреодоленъ*. Ибо какъ въ древнихъ скаскахъ и странныхъ исторіяхъ расказываютъ, что кошка въ кавалера превратилась, и что подкидышъ княжимъ зятемъ здѣлался: то дѣйствительно случаются и въ свѣтѣ ежедневно таковыя превращенія. Для того совѣтую я каждому, почитать самаго малѣйшаго непріятеля за такова, которой ево со временемъ утѣснить, или котораго помощь ему потребна быть можетъ. Я изъ собственнаго моего искуства научился, сколь нужно сіе воспоминаніе. Я презиралъ нѣкоторыми изъ моихъ непріятелей, потому что почиталъ ихъ за весьма слабыхъ къ причиненію мнѣ вреда, но они послѣ такъ усилились, что жизнь мнѣ весьма несносною учинили. Въ семъ случаѣ впалъ я въ противной порокъ, такъ что осторожность и бдѣніе мое нынѣ толь далеко простираются, что я почти согласенъ снимать шляпу предъ всякою встретившеюся со мною лошадью; потому что чи-

читалъ я въ древнихъ исторіяхъ, что нѣкогда лошадь бургомистромъ здѣлалась. Сей страхъ нѣсколько великъ; но какъ уже одинъ разъ обожжешся, то все то кажется огнемъ, что тлится или блещетъ. Естьли кто упалъ одинъ разъ съ лошади, то послѣ уже будетъ бояться сѣсть и на корову; и когда кто уже одинъ разъ ударился головою о косякъ низкой двери, то послѣ будетъ всегда какъ гусь наклоняться и въ высокихъ.

Естьли не можно побудить непріятеля къ примиренію и согласію: то по крайней мѣрѣ надлежитъ стараться, чтобъ не увеличить его непріязни новыми случаями. Чрезъ сіе получаю я, что хотя непріятель мой не совсѣмъ обезоруженъ будетъ, однако не столь жестоко устремитъ на меня свою ярость, естьли попадусь ему въ руки. Но и въ семъ случаѣ не надлежитъ толь далеко доходить, какъ нѣкоторой Аглинской лордъ, о которомъ Велденъ въ столовыхъ своихъ рѣчахъ слѣдующее повѣствуетъ. „Сему лорду напомнилъ нѣ„когда духовной ево отецъ о ево должно„сти и между прочимъ увѣщавалъ, чтобъ „не возбуждалъ онъ противъ себя своихъ „непріятелей, но паче обходился бы съ „ними учтиво, дабы, естьли попадет„ся когда въ ихъ руки, поступили и они „съ нимъ милосердѣе. На сіе отвѣтствовалъ „онъ. Я наблюдалъ сіе всегда и противъ

самого

„ самого дїавола, и для того думаю, про-
„ должалъ онъ, что, естьли попадусь и
„ въ ево руки, то поступитъ онъ со
„ мною милосердїе и человѣколюбивѣе. Сїе
значитъ полезное ученїе доводить до крайно-
сти, за которое сей почтенный отецъ ему по
справедливости здѣлалъ выговоръ, показавъ
тѣмъ, что сїе воспоминанїе приличест-
вуетъ однимъ только людямъ. Подлинно, что
сїе есть полезное и душеспасительное наста-
вленїе. Мы видимъ что разумные люди оному
слѣдовали и при ономъ всегда оставались.

Сократъ слыша нѣкогда приписуемую по-
хвалу Клеомену за то, что онъ сказалъ: *Прїя-
телямъ своимъ дѣлать добро, а непрїя-
телямъ зло, есть человѣческая должность;*
сказалъ: *лутче бы было, естьлибъ Клео-
менъ выговорилъ; надлежитъ оказывать дру-
жбу прїятелямъ, и стараться о примиренїи
съ непрїтелями; ибо учтивствомъ, смиренї-
емъ и уступкою можно обезоружить злѣй-
шихъ своихъ непрїятелей.* Периклъ вели-
кїй былъ нѣкогда жестоко обруганъ и по-
носимъ Аѳинскимъ гражданиномъ; и сїя брань
и поношенїе продолжались до самаго вечера
Тогда Периклъ, какъ стало темно велѣлъ пе-
редъ нимъ въ домѣ его свѣтить, чтобъ ему
было видно. Когда Хризиппа нѣкоторой ру-
гатель бранить и поносить его началъ, то
отвѣтствовалъ онъ ему. *Другъ мой, я*

 хвалю

хвалю твою поступку: ибо ты дѣлаешь только приличествующее твоему состоянію. Оказывай пріятелю твоему всякія угожденія, сказалъ мудрой Клеобулъ, дабы обязать ево тѣмъ болѣе, и поступай съ непріятелемъ также ласково и дружелюбно, дабы уменшить противъ себя ево непріязнь. Хотя разумной солдатъ наступаетъ на своего непріятеля, однако старается притомъ показать, что чинитъ онъ сіе по присягѣ и должности, а не персональная ненависть ево къ тому побуждаетъ. Чрезъ сіе получаетъ онъ, что почитаютъ его, естьли онъ и самъ попадется въ руки непріятельскія, не за смертоубійцу, но за военноплѣннаго поступившаго по своей должности, напротивъ того видимъ, что осажденные города опустошены, разорены и совсѣмъ гарнизономъ съ женами и дѣтьми порублены были, когда поступали гордо съ непріятелемъ во время осады и ко гнѣву его возбуждали, напротивъ того оной бы довольствовался взятіемъ города, естьлибъ гарнизонъ употреблялъ только шпагу, а не языкъ. Плутархъ учинилъ изрядное примѣчаніе при случаѣ Евтима о сей матеріи. „ Ему бы конечно непріятель „ даровалъ жизнь, естьлибъ употребилъ онъ „ только оружіе, а не языкъ; ибо сатира сочи„ненная на Коринѳянъ подъ титуломъ Ко„ринѳская женщина, переломила ему шею.

Сіе правило нигдѣ такъ мало не наблюдается, какъ въ судебныхъ дѣлахъ, гдѣ

одна

одна сторона рѣдко довольствуется защищеніемъ своего дѣла, но уязвляетъ противника и поноситъ персональныя пороки, чрезъ что часто доброе дѣло худымъ бываетъ, а противникъ бывшей прежде непріятелемъ вещи, бываетъ непріятелемъ и лица. Естьлибъ Цицеронъ тѣмъ довольствовался въ рѣчахъ противъ Антонія при защищеніи собственной своей персоны и республики; естьлибъ не наполнялъ онъ свои рѣчи персонами, и не поносилъ бы Антоніевыхъ пороковъ ругательнымъ образомъ: то бы не имѣлъ онъ можетъ быть толь бѣдной кончины. Тожъ самое можно сказать и о безчисленномъ множествѣ другихъ, кои непріятелей своихъ огорчали и презирали оныхъ въ ихъ нещастіяхъ и безсиліи, не разсуждая, что единая перемѣна обстоятельствъ и приключившейся случай можетъ у нихъ самихъ отнять изъ рукъ силу, и дать непріятелямъ. Примѣръ Цицерона служитъ къ подтвержденію сего положенія. Мы видимъ, что почиталъ онъ малымъ своего непріятеля, видимъ, въ какой скорости превзошелъ его оной, видимъ, что онъ положился на множество своихъ пріятелей, и видимъ, сколь онъ втомъ обманулся; ибо дружба толь многихъ великихъ вельможъ не могла защитить его отъ ненависти и гоненія одного человѣка.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XL.

ПИСЬМО.

Государь мой!

Послѣдуя вашимъ повелѣнiямъ и для удовольствiя своего любопытства старался я за нѣсколько дней извѣститься о состоянiи господина Партриджа, котораго смерть предвѣщалъ господинъ Бикерштафъ быть 29. числа сего мѣсяца около 11. часовъ по полудни. Мнѣ господинъ Партриджъ былъ очень знакомъ съ того времени, какъ получилъ я чинъ при камерныхъ дѣлахъ. Онъ всегда дарилъ по одному календарю въ нашу канцелярiю, и я по случаю видѣлъ ево за 10. или 12. дней до его смерти. Лице ево гораздо измѣнилось и видъ его былъ смущенъ, хотя прiятели его почти того въ немъ не примѣтили.

Дни два или три предъ симъ занемогъ онъ такъ, что изъ покоя своего выходить былъ не въ состоянiи. Лишь только здѣлался припадокъ, то не вставалъ уже онъ съ постели. Докторъ Казе ево лѣчилъ предписывая ему разныя лѣкарства, но безъ всякой пользы. Послѣ чего посылалъ я къ нему по три раза въ день человѣка навѣдыватся, о

его

его состоянїи. Вчера часу въ четвертомъ по полудни сказали мнѣ, что онъ уже при послѣднемъ издыханїи. Сожалѣнїе, а болѣе того любопытство привело меня къ тому, что я услыша сїе вознамѣрился къ нему итти.

Онъ узналъ меня и удивляясь учтивости, которую я ему оказалъ, изъявилъ онъ возможную по состоянїю, въ какомъ онъ тогда находился, благодарность. Люди ему служащїе сказывали мнѣ, что онъ иногда бредитъ; но я не нашелъ въ разумѣ его никакой противъ прежняго перемѣны. Голосъ его былъ чистъ, слова выговаривалъ онъ свободно, и не принуждалъ себя, чтобъ ихъ другимъ разумѣть было можно. По увѣренїи его о печали, которую мнѣ сїе его состоянїе причиняло, просилъ я его сказать мнѣ безъ закрытїя, что предсказанїя бикерштафовы не произвели ли въ немъ каковы размышленїя. Онъ сказалъ мнѣ, что онѣ приходили ему часто на мысль, только не приводили его въ изумленїе, но за двѣ недѣли предъ симъ не могъ онъ истребить сихъ печальныхъ воображенїй и что онъ за подлинно думаетъ, что сїе есть дѣйствительно причиною его болѣзни; „ хотя я и „ подлинно былъ увѣренъ, говорилъ онъ, и „ имѣю довольныя причины думать, что „ господинъ бикерштафъ разсуждалъ о томъ „ только на удачу, и что онъ не болѣе знаетъ,

„ какѣ я о томѣ, что вѣ сей годѣ приклю„ чится. „ Я отвѣтствовалѣ ему, что слышанное мною отѣ него не мало меня удивляетѣ и что желалѣ бы я ему скорѣйшаго облехченія отѣ болѣзни, дабы мнѣ могѣ онѣ показать причину, по чему онѣ думаетѣ, что господинѣ бикерштафѣ такѣ незнающѣ.

„ Я и самѣ отвѣтствовалѣ онѣ мнѣ, бѣдной „ безграмотной человѣкѣ. Вы знаете са„ ми первое мое художество, * которое „ почти за самое подлое почитается: од„ нако по крайнѣй мѣрѣ могѣ я разсудить, „ что Астрологія есть только обманѣ да „ и опытѣ тому показать не трудно. Ум„ ные и просвѣщенные люди зная подлинное „ совершенство сей науки оною презираютѣ; „ напротивѣ того безразсудной и лехко„ мысленной народѣ ее почитаетѣ. Чѣмѣ же „ онѣ мнѣніе свое подтверждаетѣ? Увѣреніемѣ

* Онъ былъ съ начала башмашникъ, потомъ зделался лѣкаремъ посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, которые какъ сказывалъ онъ, получилъ по наслѣдству, а напослѣлокъ прилѣжалъ онъ къ астрологіи и сочинялъ календари; въ которыхъ было множество предсказаній, не упоминая о безчисленныхъ предвѣщаніяхъ, о неблагополучіи непріятельскомъ, такъ что ежегодно предсказывалъ онъ, что будетъ во Франціи голодъ, моровая язва, возмущеніе, пораженіе Французовъ на морѣ и на сухомъ пути и прочее.

„ нїемъ такихъ же несмысленныхъ бѣдняковъ,
„ каковъ я, которой почти ни читать ни
„ писать не умѣетъ.

Тогда спросилъ я у него для чего не вычислилъ онъ своей планеты, почему могъ бы онъ видѣть справедливо ли предсказанїе господина бикерштафа? При семъ вопросѣ пошатаючи онъ головою сказалъ: „ Теперь ужѐ
„ государь мой не время шутить. Въ такое
„ время надобно мнѣ раскаяваться о всѣхъ
„ сихъ шуткахъ, да и каюсь изъ глубины
„ моего сердца. Я отвѣтствовалъ ему, что
„ изъ того должно заключить, что предска-
„ занїя и примѣчанїя, кои вы въ вашихъ
„ календаряхъ дѣлали, служили только къ то-
„ му, чтобъ обманывать народъ и вымани-
„ вать у онаго деньги. Не сомнѣвайтесь о
„ томъ, отвѣтствовалъ онъ, и сїе то умно-
„ жаетъ мое раскаянїе, и сожалѣнїе. Мы имѣ-
„ емъ во всемъ непремѣнной порядокъ; и не
„ безпокоимся о томъ, когда надлежитъ что
„ предсказывать въ какое время что послѣ-
„ дуетъ. Мы оставляемъ сїе типографїи,
„ которая вноситъ таковыя примѣчанїя изъ
„ старыхъ календарей. Прочее вымышлялъ я
„ только для увеселенїя, дабы тѣмъ просла-
„ вить мои труды. Чтожъ мнѣ было болѣе
„ дѣлать? Шить башмаки есть бѣдное ма-
„ стерство. Мнѣ надлежало кормить жену,

а я

„ а я не имѣлъ пропитанія, кромѣ получае-
„ маго сими неосновательными предсказанія-
„ ми; и дай боже, сказалъ онъ, вздохнувши,
„ чтобъ я столько же здѣлалъ вреда людямъ
„ моими лѣкарствами, сколько астрологіею;
„ однако я имѣлъ хорошіе рецепты, кои по-
„ лучилъ отъ своей бабушки, и травы мои
„ были по крайнѣй мѣрѣ тѣмъ хороши, что
„ хотя не были въ состояніи дѣлать онѣ
„ пользы, однако и вреда не причиняли.

Мы говорили еще не упомню о какихъ другихъ вещахъ, да хотя я ихъ послѣ и вспомнилъ, однако повторять не намѣренъ: ибо государь мой думаю, что уже сею повѣстью истощилъ ваше терпѣніе. Но сего примѣчанія достойнаго обстоятельства не пропущу, что Фанатической проповедникъ былъ при послѣднемъ издыханіи сего астролога и что онъ умираючи объявилъ, что онъ былъ Нонъконформистъ. По продолжавшихся чрезъ полчаса разговорахъ пошелъ я отъ него. Въ горницѣ у него воздухъ такъ сперся, что я чуть не задохся. А какъ я примѣтилъ, что больной не долго проживетъ, то пошелъ въ недалеко отъ туда стоящей трактиръ, оставя у него въ домѣ человѣка съ тѣмъ, чтобъ пришедъ мнѣ сказалъ, какъ скоро онъ умретъ. Около двухъ часовъ послѣ того пришелъ ко мнѣ человѣкъ объявляя, что онъ умеръ. Я по-

посмотрѣлъ на часы тогда было 7. часовъ и 7. минутъ, такъ что господинъ бикерштафъ обманулся только четырьмя часами, но прочее все предсказалъ онъ очень справедливо.

То что не былъ ли господинъ бикерштафъ причиною смерти сего бѣднаго человѣка, такъ какъ предсказателемъ оной, предаю я на разсмотрѣнїе другимъ. Между тѣмъ сїе подлинно, что сїе приключенїе удивительно, хотябъ онсе приписать случаю, хотябъ воображенїю. Я не знаю, что отомъ думать и хотя я не весьма легкомысленъ, однако съ нетерпѣливостїю ожидаю не исполнится ли второе предсказанїе господина бикерштафа о кончинѣ кардинала де N. назначенной въ четвертый день Апрѣля. Естьли сїе приключенїе исполнится такъ справедливо, какъ и первое, то приведетъ меня въ чрезвычайное удивленїе и я не буду сомнѣваться, чтобъ и все прочее дѣйствително не исполнилось. Я есмь

Переведено съ Французскаго.

XLI.

О ВЕЛИКОДУШІИ, КОЕ ДВА НЕПРІЯТЕЛЯ ДРУГЪ ДРУГУ ОКАЗАЛИ.

Приключеніе, о которомъ я сказывать намѣренъ, принуждаетъ меня говорить, яко о нѣкихъ новостяхъ, несмотря на то что оно давно уже здѣлалось, когда только оное обществу неизвѣстно или не такъ изъяснено, какъ въ самомъ дѣлѣ происходило. Въ семъ случаѣ не выступлю я изъ предписанныхъ себѣ предѣловъ, и думаю, что мнѣ упущено будетъ, когда я нѣчто и излишнѣе скажу, затѣмъ что весь свѣтъ тоже дѣлаетъ, по крайнѣй мѣрѣ въ такомъ случаѣ, когда очемъ расказываютъ. Но вчемъ бы погрѣшилъ я, ежели бы на примѣръ говоря ославныхъ дѣлахъ Анхиза и Энея, описалъ бы ихъ совсѣмъ другимъ противъ прежняго порядкомъ? Не показалось ли бы сіе новостію читателямъ? Сіе самое заставляетъ меня расказать слѣдующую исторію, о справедливости которой я довольно извѣстенъ и весьма радъ, что тѣмъ могу внушить потомкамъ память двухъ человѣкъ, кои смертію своею прославились и увѣрить о великодушіи моихъ сограждавъ, великодушіемъ, кое два человѣка незнатнаго рода другъ другу оказали.

Когда

Когда союзники осаждали городъ Намуръ, тогда былъ въ Гамильтонскомъ полку капралъ именемъ Юнїонъ и солдатъ Валентинъ. Сїи люди поссорились за любовницу и оная ссора наконецъ такъ возрасла, что они другъ друга возненавидѣли. Юнїонъ будучи командиромъ Валентиновымъ и пользуясь тѣмъ не упускалъ никакого случая, гдѣ бы могъ мстить своему сопернику, не скрывая притомъ, что онъ дѣлаетъ то въ отмщенїе. Бѣдной солдатъ терпѣлъ побои безъ сопротивленїя, но часто говаривалъ, что онъ со временемъ ему за то отмститъ. Многїе мѣсяцы прошли въ нападкахъ съ одной и въ принесенїи жалобъ съ другой стороны. Наижесточайшее несогласїе между ими зделалось тогда, когда они были посланы атаковать замокъ. Капралъ получилъ рану въ бедру. Между тѣмъ Французы подвигались и сей безщастной зная, что его растопчутъ, ежели на томъ мѣстѣ онъ оставленъ будетъ, увидя подлѣ себя одного только Валентина, которой также хотѣлъ бѣжать. Валентинъ, закричалъ онъ ему оставишь ли ты мѣня здѣсь? Тотчасъ возвратился Валентинъ и невзирая на опасность отъ жестокой стрѣльбы, взявъ его на плеча, несъ до игуменства Салзина. Тутъ убили ево пушечнымъ ядромъ и онъ упалъ мертвъ подъ своимъ непрїятелемъ. Юнїонъ видя сїе, позабылъ о своей ранѣ. Встаетъ, терзаетъ свои волосы и падая на умершѣе и въ кро-

ви плавающѣе тѣло своего непрїятеля кричитъ акъ! Валентинъ за меня ты умеръ за меня! за меня, поступавшаго съ тобою съ такимъ свирѣпствомъ! Нѣтъ любезной Валентинъ я послѣ тебя жить не хочу, съ тобою умру. Какъ ни старались ево стащить съ мертваго тѣла, однако не могли и принуждены были нести мертваго въ объятїяхъ живаго. Я оставляю разсуждать читателямъ, что сїе печальное зрѣлище не привело ли въ слезы ихъ товарищей, кои знали прежнїя ихъ ссоры. Капрала отнесли въ лагерь и съ великимъ трудомъ дозволилъ онъ, чтобъ перевязали ему рану; однако онъ на другой день отъ нея умеръ, твердя безпрестанно имя Валентиново и показуя сердечное сожалѣнїе, что такъ немилосердо онъ съ нимъ поступалъ.

Читатели могутъ сами легко рѣшить сей вопросъ, кто изъ обѣихъ сихъ безщастныхъ сказалъ болѣе великодушїя, тотъ ли, которой повергая въ опасность жизнь свою, хотѣлъ спасти своего непрїятеля, или тотъ, которой не хотѣлъ жить посмерти толь великодушнаго непрїятеля.

Переведено съ Французскаго.

XLII.

XLII.

Ноября 6. дня.

ПИСЬМО.

Государь мой!

Послѣднимъ вашимъ письмомъ требуете отъ меня, чтобъ я вамъ въ отдаленности отъ здѣшняго города живущему и крайнѣе любопытство къ новостямъ имѣющему; хотя не цѣлые газеты, но выбирая изъ оныхъ нужнѣйшѣе сообщалъ. Сїе требованїе почтя я весьма прїятнымъ, не преминулъ, чтобъ желанїя вашего не удовольствовать и тѣмъ показать опыты за обыклаго моего къ вамъ послушанїя; а наиболѣе увѣрить васъ о искренной, непремѣнной и съ младенчества ненарушимой моей дружбѣ; но прежде, нежели сообщу вамъ предпрїятое извѣстїе, должнымъ нашелся по склонности моей показать вамъ примѣръ, какъ мы съ младенчества воспитываемся. Мы когда разсматриваемъ наше природное натуральное поврежденїе, то знатнѣйшая причина состоитъ въ начальномъ превратномъ дѣтей воспитанїи, а потомъ и въ возмужанїи оныхъ; ежелибъ воспитанїе дѣтей было подобно Лакедемонскому славнымъ Ликургомъ узаконенному, то есть: чтобъ ихъ съ младенчества отвращать отъ роскоши и лакомства, лишающихъ совершенства тѣла, здравїя, долговѣчности,

проворства, силы и твердости; а приучить къ добродѣтели, неустрашимости, храбрости и постоянству, чтобъ нечаянные припадки болѣзнѣй, а иногда и лишенїе безвременной жизни не такъ рано случались, какъ то часто бываетъ. Естество съ множествомъ вещей нашему обществу пригодныхъ соединило охоту, влекущую насъ съ младенчества къ сладости обыкшихъ къ ихъ вкушенїю не расставаясь съ оными, почему побуждающїя насъ страсти часто не знаютъ надлежащей умѣренности; въ чемъ животные безъ сомнѣнїя насъ щастьливѣе. Мы, по истиннѣ сказать, не довольно разумѣемъ натуру, а слушаемъ повелѣнїе ея тогда, когда уже отъ неумѣренности и невоздержанїя занеможемъ; ибо ничто такъ намъ не прелѣстно, какъ то, что чувства нѣжитъ и имъ угождаетъ; но ничтожъ такъ и не вредительно, какъ, ежели мы чѣмъ чрезъ ихъ прелѣсти наслаждаться можемъ. Похоти человѣческїя тогда такъ усиливаются, что оныхъ и утолить не можно, изъ чего слѣдуетъ, что излишнѣе употребленїе такихъ вещей причиняетъ въ тѣлѣ великой вредъ, такъ что отъ онаго по застарѣлости съ трудностїю и избавиться можно. разумъ дѣтей очень слабъ и не столь силенъ, чтобъ могъ симъ нагло стремящимся искушенїямъ противиться; ибо чувствительность употребленїя вкуснаго, прїятнаго

и

и однимъ словомъ всего того, вчемъ чувства находятъ удовольствіе, такъ сильна, что нѣтъ возможности, которою бы можно было ея преодолѣть; и сіе то для нѣжныхъ дѣтскихъ тѣлъ есть настоящая пагуба, отъ которой потребныя къ возмужанію силы въ нихъ пропадаютъ, и онѣ слабыми и немощными пребываютъ. Сему яду причиною бываютъ особливо, кромѣ безъ рассудныхъ и нѣгою преисполненныхъ родителей, приставники и приставницы, которыя изъ заобыклости до того ихъ очень безпрепятственно допускаютъ, или къ тому всякой подаютъ поводъ и вспомоществуютъ; и хотя иногда отъ того дѣтей раждающихся безъ всякаго страха, чудными страшилищами и отвращаютъ; но тѣмъ не подвергаютъ ли ихъ многимъ опасностямъ, которыя ихъ здравію и пробавленію жизни вредительны? Въ газетѣ подъ ном. 67. сообщено о вредѣ происходящемъ отъ питья чаю и пользѣ употребленія травы Вероники; но мнѣ кажется, что какъ чай, такъ и вероника равно-полезно-употребительныя, слѣдственно и добрыя дѣйствія имѣющія травы; потому что мы удостовѣрены, что по премудрому Творца благоизволенію всякое произращеніе по сотвореніи земли въ оную вложено и имѣющія силу дѣйства, по состоянію своему, почитаются необходимыми въ жизни человѣческой, ради разныхъ потребностей, какъ то есть:

иныя ради его питанія, другія для лѣченія, а нѣкоторыя ради пропитанія животныхъ, изъ оныхъ хотя нѣкоторыя и ядовитыми быть кажутся; но и о ихъ употребленіи свидѣтельствуютъ наполненныя медикаментами аптеки; изъ чего слѣдуетъ, что употребляемыя нами произращенія производятъ въ тваряхъ то, какимъ дѣйствіемъ онѣ по натурѣ одарены, слѣдственно, ежели, какъ авторъ объявляетъ о производимомъ чаемъ въ человѣкѣ поврежденіи будемъ употреблять ежедневно подобно чаю веронику, или бетонику, либо другія травы, то кажется, что равному же вреду будетъ подвержено наше состояніе. По мнѣнію моему и опытамъ оное объявленіе почитаю, либо не настоящимъ порядкомъ предложеннымъ, либо не совсѣмъ выраженнымъ; подлинно ли отъ чаю, а не отъ другаго чего при питьѣ онаго вредъ происходитъ. Я съ моей стороны нахожу все противное тому; по той особливо причинѣ, что мы съ младенчества такъ приобыкли во всемъ употреблять сахаръ, безъ котораго будто ужѐ ни вчемъ и вкусу приобрѣсть не можемъ; и безъ котораго будто и обойтиться не можно, такъ что употребляемъ его съ излишествомъ, не зная притомъ про кроющейся въ немъ ядъ. Сіе то сахара употребленіе есть, по мнѣнію моему, причиною часто чувствительныхъ въ тѣлахъ нашихъ болѣзненныхъ припадковъ, потому что онъ хотя

самъ

самъ собою по натурѣ лишенъ всякаго вреда; но его перевариванïе, а особливо очистка и литье въ формы не можетъ обойтиться безъ извѣсти, которая, какъ намъ представляется, дѣлаетъ его лутчимъ: ибо чѣмъ сахаръ тверже и бѣляе, тѣмъ большимъ числомъ надлежитъ его предъ прочимъ сахаромъ одобрять извѣстью; извѣсть же имѣетъ въ себѣ сокровенной огонь смѣшенной съ ядомъ, котораго ни подъ какимъ видомъ изъ ея вывесть не можно. О такомъ огнѣ имѣемъ мы очевидные примѣры, особливо при случаяхъ ея горѣнïя; почему и явствуетъ, что случающïяся въ человѣкѣ великïя остроты, слабости и прочïя поврежденïя ни отъ чего инаго происходятъ, какъ отъ многаго употребленïя сахару снабдѣннаго отъ извѣсти ядомъ. Положимъ, что мы ради зберешенïя нашего здравïя будемъ употреблять предназначенную веронику, которую по привычкѣ безъ сахару же пить нельзя. И такъ не приключатся ли равные припадки? Сахаръ употреблять можно, но по не многу, и то для того, чтобъ посредствомъ онаго осладить или отвратить у нѣкоторыхъ травъ противной вкусъ. Когда же мы употребляемымъ нами травамъ приписываемъ причину продолженïя нашего здравïя; то не лутче ли согласиться употреблять особливо по утрамъ кофе, шеколадъ, шербетъ, или освидѣтельствованныя особливо

 травы

тра́вы, но безъ сахару; въ противность нашимъ склонностямъ къ сладостямъ вообще съ нами рождающимся. Сїе утверждая, конечно опровергнемъ и мнѣнїе нѣкоторыхъ думающихъ, что деликатныя пищи, питїя и прочее тому подобное суть человѣку наиздоровѣйшїя; но будемъ по видимому очевидцы, что не тѣ, кои оное употребляютъ, но оные, кои суровую пищу и простое одѣянїе имѣютъ, бываютъ по большой части здоровѣе и долговѣчнѣе. Изъ сего хотя краткаго извѣстїя, Государь мой, вы мою дружескую искренность видя, не преминете оною пользоваться. Я же буду крайне одолженъ, ежели вы имѣя больше случая силу произращенїй извѣдывать и домочадство по правамъ закона исправлять, меня еще вашими пополнительными разсужденїями снабдите, которыя будутъ для меня столь прїятны и полезны; сколь я чистосердечнымъ и непремѣннымъ другомъ пребывая, именуюсь.

Вашъ Государя моего
вѣрный слуга
П. В.

XLIII

XLIII.

ВЕЛИКОДУШІЕ ВЪ ЛЮБЪВИ.

Лишенной щастія *Синтїо* имѣя ко мнѣ всегда повѣренность, сообщаетъ мнѣ часто наисокровеннѣйшія свои мнѣнія, не скрывая отъ меня и наибольшихъ своихъ слабостей. Онъ за нѣсколько дней изъяснился мнѣ, что любовь его къ *Клариссѣ* съ младыхъ лѣтъ истребила всѣ его страсти потакъ, что ни одна красавица не могла похвалиться, чтобъ ему ея заразы были чувствительнѣе, нежели осмидесятилѣтнему старику. *Сія любовь*, говоритъ онъ, *обладаетъ всѣмъ моимъ сердцемъ и пламя, которымъ я горю къ сей прекрасной, потушило въономъ наималѣйшія искры къ прочимъ, подобно тому, какъ солнце лучами своими погашаетъ свѣтъ обыкновеннаго огня.*

Надобно быть высокаго мнѣнія о честности такого человѣка, къ которому бы имѣть повѣренность въ такомъ дѣлѣ: ибо людямъ и не весьма злословнымъ можетъ она подать случай къ посмѣянію. Но я поступилъ втомъ съ *Синтїомъ* подружески, какъ то честному человѣку надлежитъ, не оказавъ ему и смѣшнаго вида, которой бы при таковыхъ ево разговорахъ произойти могъ. Я его поздравилъ съ тою

добродѣтелью, которую любовь къ *Кларіссѣ* въ немъ возбудила, сказавъ притомъ, что цѣломудріе есть одна изъ похвалнѣйшихъ совершенствъ нашего естества, которая приноситъ равную честь какъ одному такъ и другому полу. Такъ разсуждалъ о семъ, говорилъ я, великіи *Сципіонъ*: „ заслуживая чрезъ „ то великую похвалу въ исторіи. Онъ былъ „ въ свое время въ *Римѣ*, таковъ, каковъ онъ „ нынѣ въ *Великой Британіи*. Въ тѣни цвѣ„ тущаго состоянія изящной его духъ обра„ щался по всюду и довольствовался иждиве„ ніемъ ближняго; не оказывая никому бла„ госклонности; однако, я не знаю, сыскался „ ли бы тогда хотя одинъ *Римлянинъ*, ко„ торой бы похулилъ поступку сего героя въ „ слѣдующемъ приключеніи:

„ *Сципіонъ* будучи отъ роду 24. лѣтъ одер„ жалъ въ *Гишпаніи* славную побѣду, гдѣ до„ сталось ему множество плѣнниковъ разнаго „ званія и пола. Между оными была дѣвица „ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ и совершен„ ствѣ ея красоты. Побѣдитель почувство„ валъ ея заразы, а благополучіе его оружія, „ какъ казалось, пріобрѣло ему право посту„ пать съ нею по его волѣ. Онъ всегда видя та„ кихъ пріятныхъ плѣнницъ воспламенялся. Но „ при первомъ взорѣ на сію, примѣтя въ гла„ захъ ея великую печаль смѣшенную съ гор-

достію

„ достію, захотѢлЪ знать тому причину;
„ ему разсказывали, что она знатнаго рода,
„ что недавно была помолвлена за *Индиби-*
„ *лиса* человѢка достойнаго и знатнѢйшаго
„ министра сего государства. *Сципіонъ* какЪ
„ только осемЪ узналЪ, то великодушно
„ вообразилЪ нещастнаго любовника, кото-
„ рой лишается достойной любви невѢсты.
„ *Сципіонъ* хотя былЪ молодЪ, холостЪ и кЪ
„ любви склоненЪ, сверьхЪ того былЪ онЪ
„ обладатель и побѢдитель; но невзирая на
„ сіе преодолѢлЪ онЪ свою страсть и упо-
„ требилЪ свое право и свою власть кЪ бла-
„ гополучію своего соперника. ОнЪ приказалЪ,
„ чтобЪ пріятели и родственники сея дѢвицы,
„ не изключая и ея любовника, кЪ нему пришли
„ вЪ назначенной день. Они собрались, какЪ
„ только вообразить можно, сЪ различными
„ безпокойствіями, которыя мучили бѢднаго
„ отца, печалящуюся мать и отчаяннаго
„ любовника. Я оставляю толь живыя и
„ нѢжныя ихЪ движенія безЪ описанія,
„ потому что весьма трудно оныя изо-
„ бразить словами. Не много погодя вошелЪ
„ *Сципіонъ* и представилЪ имЪ плѢнницу. Сіе
„ привело ихЪ вЪ крайней ужасЪ, ибо имЪ
„ извѢстны были нѢкоторыя высокія мнѢнія
„ *Римлянъ*, которыми они себя прославлять
„ старались, и что оные побѢдители упот-
„ ребляли вЪ суе тріумфы вЪ земляхЪ завое-
„ ванныхЪ. ВЪ сихЪ печальныхЪ размышлені-

 яхЪ

„ яхъ поверглись они всѣ къ ногамъ *Сципіо-*
„ *новымъ*, кромѣ *Индибилиса*, которой при
„ семъ позорищѣ оказалъ предъ всѣми свое
„ мужество. *Сципіонъ* примѣтя великодуш-
„ ную его твердость почтилъ его больше
„ другихъ, сказавъ ему сіи слова:

„ *Римляне не обыкли употреблять себѣ въ*
„ *пользу всю ту власть, которая по*
„ *праву имъ принадлежитъ. Мы не для того*
„ *воюемъ, чтобъ опустошать земли, или*
„ *чтобъ разрывать союзъ человѣчества.*
„ *Я увѣренъ о вашихъ достоинствахъ, и*
„ *знаю, что вы любите сію дѣвицу. Ща-*
„ *стіе учинило меня вашимъ повелителемъ;*
„ *но я желаю только быть вашимъ прі-*
„ *ятелемъ, вотъ ваша любезная, я вамъ ее*
„ *вручаю, примите ея изъ моихъ рукъ, боги*
„ *да благословятъ васъ съ нею; и ни кто*
„ *да не скажетъ, что* Сципіонъ *маловремен-*
„ *ною забавою насладился къ злополучію*
„ *честнаго человѣка.*

„ Сей неожидаемой случай тронулъ такъ
„ сердце *Индибилисово*, что онъ не могъ ни
„ чего промолвить. Вмѣсто отвѣта упалъ
„ онъ подобно прочимъ въ ноги побѣдителю
„ и орошалъ оныя слезами. Любви достой-
„ ная плѣнница будучи столь же радостію
„ восхищенна тоже здѣлала. Напослѣдокъ
„отецъ

„ отецъ перервалъ молчанїе и началъ говорить:
„ *О! несравненный Сципїонъ! Боги одарили*
„ *тебя добродѣтелью превосходящею всѣхъ*
„ *смертныхъ. Великїй вождь, младый ге-*
„ *рой, которому довольно надивиться не*
„ *можно; сколь славна для васъ сїя по-*
„ *ступка! Моя дочь уступаетъ сказанную*
„ *ей милость. Она проситъ боговъ о воздая-*
„ *нїи вамъ за оную. Она думаетъ, что вы*
„ *оными съ неба на землю ниспосланы. И*
„ *умножающаяся въ ней радость обще съ*
„ *благодарностїю причиняютъ вамъ больше*
„ *прїятности, нежели запладенїе такою*
„ *дѣвицѣю, которую бы вы здѣлали неща-*
„ *стливою.* Добродѣтельной *Сципїонъ* скры-
„ вая движенїе сердца своего, отвѣчалъ; *будь*
„ *только другъ Римлянамъ*, и сказавъ сїе
„ пошелъ отъ нихъ. Родственники сей дѣви-
„ цы прислали *Сципїону* великїе подарки,
„ какъ будто бы въ заплату за отпущенїе
„ оной; но *Сципїонъ* отослалъ оные къ
„ *Индибилису*, приказавъ принесшему оныя
„ съ усмѣшкою, сказать *Индибилису*, что
„ *посылаемое теперь есть весьма малое, въ*
„ *разсужденїи того, что онъ ужѣ ему прежде*
„ *подарилъ, и что въ его лѣта труднѣе быть*
„ *цѣломудреннымъ, нежели щедролюбивымъ.*

Синтїо, какъ мнѣ казалось, слушалъ со вниманїемъ сїю исторїю; но онъ сказалъ, что *въ наши времена такая добродѣтель не*

великой

великой важности. Правда, отвѣчалъ я ему, что мы лишились въ самомъ дѣлѣ того удовольствія; однако то не препятствуетъ, чтобъ имѣть оную въ памяти. Какъ бы кто о семъ ни думалъ, и какъ бы кто тому ни смѣялся; однако истинная добродѣтель пребудетъ всегда честною и въ почтеніи у людей. Ежели раздражаемся меньше прежняго, видя предателей, кои ввергаютъ бѣдныхъ и непорочныхъ въ сѣти и послѣ ругаются ихъ слабостію, то происходитъ оное отъ того, что то часто случается, и что мы къ зрѣнію онаго мало по малу привыкаемъ; но совсѣмъ тѣмъ дѣйствія подобныя симъ, о которыхъ я теперь говорю, пристойны единственно честнымъ людямъ и онѣ намъ тѣмъ пріятнѣе кажутся, чѣмъ меньше находимъ мы себя въ состояніи онымъ послѣдовать.

Переведено съ Французскаго языка Княземъ Васильемъ Бѣлосельскимъ.

XLIV.

XLIV.

ПИСЬМО.

Государь мой!

Я Слышалъ, что вы любитель и расширитель всѣхъ наукъ и художествъ. Вамъ не безъизвѣстно сколь оныя, нынѣ возрастаютъ, и сколь мы въ оныхъ предковъ нашихъ превзошли.

Съ самаго младенчества имѣлъ я довольно случаевъ къ упражненїю въ наукахъ: но всегда являлось во мнѣ больше склонности къ такимъ, кои не всѣмъ общи. Особливо прилѣжалъ я къ тому, какъ бы человѣку взглядами и ухватками здѣлаться счастливымъ. Я былъ въ разныхъ Европейскихъ земляхъ, гдѣ моя наука многимъ весьма понравилась и нѣкоторые посредствомъ оной произошли въ знатные чины. Разговоры по пальцамъ, при Оттоманской портѣ нѣмыми употребляемой, такъ мнѣ извѣстенъ, что я намѣренъ сочиня о томъ правила издать тиснѣнїемъ. Во взглядахъ столь далеко я достигъ, что весьма рѣдко можетъ случиться, чего бы однимъ токмо движенїемъ глазъ я не изъяснилъ. Мнѣ недостаетъ только около шесьти буквъ къ наполненїю сего очнаго алфавита. Вы, государь мой, легко повѣрите, сколь

сколь полезно сїе тому, кто захочетъ въ присутствїи прочихъ нѣчто тайное другому сообщить.

Между многими науками по долговременному моему искуству, не нашелъ я полѣзнѣе тѣхъ поступокъ, какїя вездѣ въ присутствїи знатныхъ особъ употребительны. Я имѣю обычай всегда точно наблюдать видъ, взгляды, тѣлодвиженїя и всѣ поступки знатнаго господина: и все то примѣтя располагаю потому порядочныя правила, которымъ я потомъ ищущихъ у онаго милости, обучаю, и въ короткое время ихъ до того довожу, что они такъ совершенно оному во всемъ подражать научатся, что почти никакого различїя примѣтить невозможно.

Я часто съ крайнимъ удовольствїемъ видалъ дѣйствїе моего ученїя. Лишь только такой господинъ начнетъ улыбаться, то ученики мои всѣ ужѣ засмѣются; а какъ скоро онъ угрюмой видъ здѣлаетъ, такъ скоро можно столько же счесть морщинъ и на лицахъ моихъ учениковъ.

Я имѣю особливое дарованїе въ употребленїи моихъ пальцевъ, такъ что они цѣлую игру картъ съ удивительнымъ проворствомъ и счастїемъ скоро тасовать умѣютъ. Притомъ могу

могу показать въ два часа, какъ идучи превысокою тростью съ особливою пріятностью впередъ выступать. Мой маперъ въ принимании табаку также имѣетъ отъ простолюдимовъ несказанную отмѣну: и вмѣсто того, что впрочемъ обыкновенно стоятъ на обѣихъ ногахъ, показываю я, что одна только къ тому надобна, а другую можно либо на ту накрестъ положа держать, либо дѣлать оною разныя пріятныя обращенія; неупоминая о томъ, что ученики мои вскоре научаются у меня, для забавы компаніи, безпрестанно, хотя иногда и безъ всякаго порядка, говорить, пѣть и насвистывать пѣсьни и подходя почьти къ каждой дѣвицѣ и женщинѣ, хотябъ ее только въ первой разъ увидѣли, съ особливыми выраженіями о ея красотѣ и о своей къ ней любьви увѣрять.

Моя охота въ сихъ наукахъ простирается такъ далеко, что я изъискываю и первое начало оныхъ, чрезъ что открылъ я многія тайности. На примѣръ: я нашелъ, что мода подпираться обѣими руками, и помахивать локтями происходитъ отъ Икара, которой тѣмъ хотѣлъ себя мало по малу приучить къ лѣтанію и которой перенялъ то сперва у гусей. Мое намѣреніе клонится наипаче ктому, чтобъ сію науку привесть въ большее совершенство: какъ я уже и изобрѣлъ особли-

особливой родъ махалъ, кои можно прикрѣплять къ обѣимъ локтямъ, и кои въ жаркіе песьи дьни съ великою пользою употреблять можно.

Разныя обстоятельства понудили меня оставя другія земли здѣсь поселиться: ибо многіе пріятели меня увѣрили, что здѣсь любопытныхъ охотниковъ къ сей наукѣ довольно сыщется.

Вы, государь мой, будучи въ здѣшнемъ мѣстѣ, ради знанія наукъ, въ не малой славѣ, можете рекомендаціею вашею безъ сомнѣнія наилутчее учинить обо мнѣ извѣстіе. Сіе самое и есть причиною сего письма, а я обязуюсь за сіе обучить васъ нѣкоторому искуству, которое я не всякому, да и не вездѣ показывалъ, чтобъ разными лица перемѣнами во всякіе виды, да и въ звѣрскіе претворяться, что вамъ къ немалой пользѣ служить можетъ. Но напередъ ожидаю дѣйствія вашей рекоммендаціи и остаюсь.

Вамъ государю моему
ко всему готовымъ
Пантомимъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XLV.

XLV.

Ноября 13. дня.

О ИЗБРАНІИ СООБЩЕСТВА.

Можно принять за извѣстное положеніе, что отъ пріятностей сообщества зависятъ и пріятности жизни. Человѣкъ опредѣленной жить съ людьми грубаго, безпокойнаго и развращеннаго нрава во сто кратъ нещастливѣе, нежели бы онъ жилъ въ уединеніи. По крайней мѣрѣ могъ бы онъ въ такомъ уединеніи имѣть удовольствіе, что не былъ бы подверженъ опасностямъ происходящимъ отъ худаго сообщества, которыя иногда неизбѣжимы. А того почесть должно за щастливаго, кто вступитъ въ союзъ съ людьми честными и добрыми.

Честной человѣкъ пріятнаго и дружелюбнаго нрава, которой живетъ въ несогласномъ сообществѣ, можетъ сравниться съ просвѣщеннымъ и обходительнымъ Европейцомъ, въ Варварской землѣ въ заточеніи находящимся. Я точно увѣренъ, что многіе люди живу-

щїе въ срединѣ величайшихъ городовъ Европейскихъ столько же нещастливы, сколь и Овидїй былъ въ Панонїи. Они находятъ въ людяхъ, съ которыми обходятся, болѣе жестокости, невѣжества и свирепства, нежели помянутой Латинской стихотворецъ умсотрѣлъ въ Варварскихъ народахъ.

Когда мы ходимъ въ такое собранїе, которое намъ не нравится, то должны всеконечно потерять нашу веселость. Ибо какова бы кто веселаго нрава ни былъ, однако не можетъ его всегда содержать противъ безпрестаннаго неудовольствїя въ надлежащемъ порядкѣ. Вмѣсто живости вселяется въ такого человѣка непримѣтнымъ образомъ унынїе, а унынїе превращается въ задумчивость. Также не рѣдко случается, что разумъ изнемогаетъ и уменшается здравое разсужденїе. Движенїе сердца зависитъ обыкновенно отъ состоянїя разума. Тотъ же человѣкъ, которой въ щастливомъ и спокойномъ состоянїи съ ревностїю бы стремился къ похвальному дѣлу, не радѣетъ о томъ въ состоянїи наполненномъ смятенїемъ и безпокойствїемъ.

Въ прїятностяхъ дружелюбнаго сообщества, какїя бы кто печали ни имѣлъ, и какое бы нещастїе ни претерпѣвалъ, находитъ противъ всѣхъ сихъ случаевъ извѣстныя средства и помощь

помощь. безпокойства разрушаются данными дружескими совѣтами, болѣзни облегчаются разумными утѣшеніями, боязни изчезаютъ помощїю, которую намъ обѣщаютъ; отчаяніе прогоняется надеждою, которою намъ ласкаютъ. Сіи преимущества суть слѣдствія добраго сообщества. Они подаютъ совѣты препятствующїе намъ впасть въ гордость, зависть и гнѣвъ; и сіи совѣты тѣмъ дѣйствительнѣе, что всегда отъ добраго сердца происходятъ. Напротивъ того ничто такъ не безполезно и не досадно, какъ такїе совѣты, кои подаютъ повелительнымъ или презрительнымъ голосомъ, или когда насъ притомъ погрѣшностями нашими укоряютъ. Самолюбїе востаетъ тогда противъ оныхъ. Между тѣмъ не должно лутчего намъ надѣется отъ нѣкоторыхъ людей, кои въ томъ свое удовольствїе полагаютъ, чтобъ дѣла другихъ пересужать, или предписывать намъ такїе законы, какїе имъ своенравїе ихъ внушаетъ.

Щастїе происходящее отъ добраго сообщества, есть толь велико, а злоключенїе, въ которое ввергаетъ насъ худое сообщество, есть толь горестно, что разумной человѣкъ долженъ употребить все свое старанїе, чтобъ прїобрѣсть сообщенїе съ людьми любви достойными, къ которымъ онъ склонность имѣетъ. Чрезъ худое сообщество не разумѣю

мѣю я обхожденія съ людьми къ злымъ дѣламъ склонными, но только говорю о грубыхъ сообществахъ, гдѣ не находится пріятности, обхожденія, веселости, единодушія, честной вольности, и напослѣдокъ той сладости, отъ которой благополучіе жизни зависитъ, и безъ чего духъ ни мало не вкушаетъ того спокойствія, на которомъ истинное увеселеніе имѣетъ основаніе.

Для точнаго познанія, коль драгоцѣнно есть дружелюбное сообщество, надлежитъ всячески стараться знать нравы и склонности тѣхъ, съ кѣмъ мы дружиться желаемъ. Должно почесть за особливое щастіе, когда мы такихъ друзей имѣемъ, которымъ всѣ наши прискорбія открыть можемъ. Съ того времени, когда мы сего увеселенія лишаемся, приходимъ въ уныніе и слабость, и безпрестанно чувствуемъ, что недостаетъ чего нибудь къ нашему удовольствію. Напрасно стараемся наградить сей недостатокъ. Дружество будто какъ бы умножаетъ всѣ веселости, исправляетъ и очищаетъ ихъ, и отнимаетъ отъ нихъ то, что порочнаго они въ себѣ имѣть могутъ.

Надлежитъ различать добрую компанію отъ добраго сообщества. Можно ходить тритцать лѣтъ въ весьма изрядныя компаніи, и ни

никогда не вкусить сладости сообщества! Иной ходитъ всякой день съ двора, чтобъ препроводить большую часть времени въ собранiи состоящемъ изъ нѣсколькихъ женскихъ, и мужескихъ особъ. Онъ ихъ поздравляетъ, и они взаимно ему почтенiе оказываютъ, почти со всѣми изъ нихъ разговариваетъ, или игрою какою забавляется; по окончанiи же того возвращается домой, или ужинаетъ со всею тою многочесленною компанiею. Токой человѣкъ обращается въ добрыхъ компанiяхъ, но не имѣетъ никакого понятiя о добромъ сообществѣ.

XLVI.

О ПОЛЬЗѢ ДОБРАГО СООБЩЕСТВА.

Я уже объявилъ о нѣкоторыхъ выгодахъ добраго сообщества. Я предложилъ, что оно исправляетъ сердце и питаетъ мысли. Теперь здѣлаю нѣкоторыя разсужденія, какое добро разумъ отъ онаго пріобрѣсть можетъ?

Ничто такъ не возвышаетъ умъ, какъ упражненіе въ полезныхъ дѣлахъ. Можно имѣть забавное и притомъ полезное упражненіе. Доброе сообщество раждаетъ веселости, забавы и непорочныя игры: оно имѣетъ нѣчто плѣняющее и нравоучительное; и потому гораздо болѣе получаютъ пользы, хотя отъ малой, но избранной компаніи, нежели отъ множества неразумныхъ и страстьми обладаемыхъ людей, и таковую компанію должно совершенно предпочесть скушному домашнему уединенію.

Главная выгода добраго сообщества есть та, что препятствуетъ разуму пріобыкнуть къ дурачествамъ и шалостямъ, которыя подаютъ причину къ подлымъ разговорамъ. Какихъ вздоровъ и какихъ глупостей не говорятъ въ каждой день въ собраніяхъ? Какихъ

нихъ не дѣлаютъ смѣха достойныхъ разсужденій о правленіи и пользѣ государствъ? Какихъ баснословныхъ мнѣній тамъ не толкуютъ? Но еще хуже того, когда какая нибудь женщина или петиметръ начнутъ разсказывать о парахъ, головной болѣзни и о ихъ безсонницахъ.

Кто можетъ удостовѣриться, чтобъ избѣжать въ такомъ собраніи, которое не изъ избранныхъ особъ состоитъ, такихъ людей, кои какъ нарочно родились, чтобъ разумъ свой подвергать мученію? Они препятствуютъ говорить другимъ, а сами говорятъ только вздоръ, да еще и тѣмъ весьма хвастаютъ. Естьли кто вознамѣрится говорить разумно, то заставляютъ они того молчать, перерываютъ рѣчь, и не даютъ времени къ произношенію одного слова. Въ обхожденіи такихъ людей надлежитъ скоро или не скоро ослабѣть разуму и потерять много своей пріятности и понятія. Нравы тѣхъ людей, съ которыми мы обходимся, будутъ со временемъ имѣть сходство съ нашими. Мы получаемъ въ добромъ сообществѣ столько пользы, сколько въ зломъ вреда. Мы принимаемъ тихость и учтивство пріятнаго человѣка, такъ какъ подражаемъ вспыльчивости и невѣжеству грубаго и свирѣпаго. Разумъ привыкаетъ къ тѣмъ мнѣніямъ, которыми онъ по привычкѣ заражается.

жается. Что ему прежде казалось трудно, то со временемъ становится лехко; и что почиталъ онъ за зло, то бываетъ равнодушнымъ дѣйствїемъ, а иногда и похвальнымъ. Добрымъ и злымъ примѣрамъ надлежитъ единственно приписывать добродѣтели и порóки большой части людей. Разсмотря глубину нашего сéрдца лехко примѣтимъ, что нрáвы людей, съ которыми мы обходились, имѣли великое влїянїе въ поступкахъ нашихъ.

XLVII.

О противныхъ доброму сообществу нравахъ.

Хотя всѣ порочные нравы доброму сообществу противны, однако есть еще такіе, кои гораздо противнѣе другихъ. Я упомяну здѣсь нѣсколько о тѣхъ, кои кажутся мнѣ всѣхъ противнѣе тѣмъ пріятностямъ и веселостямъ, которыя бываютъ союзомъ добраго сообщества. Есть люди гордаго и надмѣннаго нрава, кои имѣютъ разумъ, но употребляютъ оной къ собственной своей похвалѣ; и къ униженію достоинствъ другихъ. Они не могутъ терпѣть, когда ково хвалятъ. Они думаютъ, что приписуемыя другому похвалы у нихъ отнимаются. Они хотятъ, чтобъ говорили только о ихъ качествахъ, упоминали бы о ихъ дѣлахъ, и читали бы только ихъ сочиненія. Сіи люди несносны въ сообществѣ самымъ скромнымъ и кроткимъ людямъ. Не весьма тщеславной человѣкъ скучаетъ наконецъ, будучи принужденъ хвалить дурака, которой за требуемыя имъ безпрестанныя похвалы презрѣніемъ награждаетъ.

Я не нахожу ничево несноснѣе, какъ говорить о богатствѣ, доходахъ и домашнихъ убо-

рахъ предъ людьми, коимъ въ участіе не великія имѣнія достались. Тѣмъ воспоминается не во время нещастливое ихъ состояніе. Тѣмъ бываетъ имъ сообщество непріятно. По крайней мѣрѣ не подвержены бы они были въ уединеніи сему роду укоризны о нещастіи, которому они не причиною, и которому они помочь не могутъ.

Часто случаются въ свѣтѣ такіе люди, кои о всемъ подаютъ рѣшеніе. Они говорятъ о достоинствѣ Виргилія такими же словами, какія употребляютъ и при описаніи Тита Ливія, не зная, что одинъ былъ стихотворецъ, а другой историкъ, а вѣдая только то, что другіе люди, со вкусомъ которыхъ они согласуются, говорятъ, что сіи авторы хороши. Они произносятъ сіи слова съ нѣкоторымъ удивленіемъ: „ Ахъ, какъ хо-
„ роши сіи авторы, они не могутъ быть ни съ
„ кѣмъ сравнены. Естьли кто станетъ раз-
„ суждать о леихкихъ погрѣшностяхъ учиненныхъ сими авторами! то они тово ни мало не слушаютъ, но только что всегда повторяютъ: „ Сіи авторы несравненны, сіи суть са-
„ мые великіе духи, которыхъ произвела на-
„ тура. Тѣхъ ни мало съ ними сравнить не можно, кои имъ противорѣчить стараются. Щастіе еще, что они сею рѣчью довольствуются, и что гнѣвъ ихъ не простирается,

рается, къ произношенїю ругательныхъ словъ, дабы доказать, что нѣтъ погрѣшностей въ той книгѣ, которую они нечитывали, и которую они читать никогда не будутъ.

Есть другой родъ людей, кои говорятъ съ большимъ знанїемъ, только съ такою же гордостїю. Они почитаютъ себя правителями вкуса, и совершенными судьями всего того, что до разума касается, признавая себя совершенно знающими нетолько въ наукахъ, но и въ художествахъ, хотя онымъ никогда не учивались, или по высокой мѣрѣ имѣютъ о нихъ весьма только слабое понятїе.

Сїи люди поставляютъ себя непременными диктаторами ученаго свѣта. Хотя они никогда ничево не писывали, однако почитаютъ себя великими авторами. Они говорятъ по Гречески, а не умѣютъ и читать. Они называются геометрами, а про Евклидовы элементы и не слыхивали.

Изъ всѣхъ нравовъ нѣтъ несноснѣе обществу людей угрюмаго нрава, кои никогда ничего веселаго сказать не умѣютъ; и говорятъ только, чтобъ язвить; и поклоны ихъ заключаютъ въ себѣ нѣчто непрїятное и скушное. Брюїеръ учинилъ разумное размышленїе о такихъ

кихъ людяхъ, которыхъ язвою человѣческаго сообщества почитать должно. „Говорить и досаждать, говоритъ онъ, для нѣкоторыхъ
„ людей почти все равно. Они язвительны;
„ слова ихъ смѣшены съ желчью и полынью;
„ смѣхъ, ругательство и поношенїе истекаютъ изъ устъ ихъ на подобїе слюнъ.
„ Лутче бы родились они нѣмы и безумны.
„ Живость и разумъ ихъ вредятъ имъ гораздо болѣе, нежели нѣкоторымъ глупость.
„ Они не всегда тѣмъ довольствуются, чтобъ
„ отвѣтствовать только угрюмо, но часто
„ съ гордостїю уязвляютъ и ругаютъ какъ
„ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ. Словомъ, кто только имъ наумъ придетъ. Нельзя надѣятся, чтобъ исправить симъ
„ описанїемъ толь жестокїе, грубые и дикїе
„ нравы. Всего лутче надобно дѣлать, что
„ какъ скоро ихъ увидимъ, такъ скоро бѣжать отъ нихъ изъ всей силы, не оглядываясь назадъ.

Злое сердце не можетъ быть терпимо въ добромъ сообществѣ. Разумъ никогда не вкушаетъ истинныхъ прїятностей и не имѣетъ свободы, когда опасается тѣхъ нравовъ, предъ которыми онъ показаться долженъ. Приведи въ компанїю состоящую изъ четырехъ или пяти человѣкъ прїятнаго и веселаго нрава человѣка, котораго бы злое сердце было извѣ-

стно;

стно; то принужденіе послѣдуетъ за веселостію, и свирепость за радостію. Всякой боится ядовитаго языка такого человѣка, которой старается вредить славу честныхъ людей, употребляетъ разумъ къ хуленію добродѣтели, и естьли возможно къ поношенію честности и истиннаго достоинства. Невозможно, чтобъ въ добрыхъ сообществахъ, да и въ тѣхъ, кои къ веселостямъ назначены, не произошла какая нибудь забава, которую злой духъ лехко въ зло обратить можетъ. Таковая шутка или забава бываетъ пріятна и весела, въ присутствіи четырехъ или пяти человѣкъ, а естьли будетъ извѣстна свѣту, то получаетъ уже совсѣмъ другой видъ.

Естьли злоба разоряетъ и опровергаетъ доброе сообщество, то злая забава оному не менѣе противна. безпокойство сносить всегда ругательныя слова, слушать всякую минуту повторяему скушную рѣчь, видѣть обращены въ смѣхъ разумныя дѣла, весьма несносно честному человѣку. Онъ по справедливости опасается злой шутки, такъ какъ искусной браковщикъ худаго вина, отъ котораго ему стошниться, или худой запахъ во рту здѣлаться можетъ.

Я не знаю, которое изъ двухъ противнѣе шутить ли безпрестанно и не во время, или не

не слушать забавы, когда она хороша, и которая не въ томъ намѣренiи зделана, чтобъ язвить. Глупцы сердятся за малѣйшую шутку. Они всегда воображаютъ, что надъ ними хотятъ смѣяться. Сiе мнѣнiе есть слѣдствiе малаго ихъ разсужденiя. Они чувствуютъ, невзирая на свое самолюбiе, что они рождены болѣе для хулы, нежели для хвалы, и толкуютъ во зло самыя разумныя дѣла. Разумной человѣкъ долженъ забавлять только тѣхъ, кои добрую и честную забаву отъ злой и худой различить могутъ.

Мы часто принуждены бываемъ терпѣть своевольство нѣкоторыхъ людей, которыхъ разумъ и тѣло въ безпрестанномъ движенiи. Они говорятъ, чего сами не знаютъ и поднимаютъ шумъ, не вѣдая, для какой причины. Иной скажетъ, естьли кто услышитъ ихъ крикъ, что они опасаются, чтобъ не такъ примѣтили ихъ глупости, кои они во весь день дѣлаютъ. Они скачутъ, поютъ, свистятъ и въ тоже время говорятъ, и походятъ на ужаленыхъ тарантуломъ людей. Но еще они не такъ безпокойны, какъ тѣ ругатели, кои не розѣваютъ рта, чтобъ не обругать тѣхъ, которыхъ имя представится по нещастiю ихъ воображенiю; имъ нѣтъ нужды знать персонально тѣхъ, ково они ругаютъ, но довольно когда имъ извѣстно, что они есть

на

на свѣтѣ. Обвиняютъ ихъ всѣми тѣми пороками, кои злоба ихъ сердца имъ предпишетъ. И тогда требуютъ, чтобъ почитали ихъ разумными; а естьли бы они не злословили, то бы говорить имъ было нечего и надлежало бы молчать. Великое бы было для нихъ благополучїе, когда бы ихъ увѣрили о истиннѣ, которую всѣ разумные люди прїемлютъ, что къ поношенїю чести ближняго весьма мало, а къ поспѣшествованїю оной гораздо болѣе разума потребно.

Переведено съ Французскаго.

XLVIII.

XLVIII.

Ноября 20. дня.

О человѣческой жизни.

Человѣческая жизнь коротка въ разсужденій лѣтъ, но долга въ разсужденій многихъ трудностей и тягостей, коимъ она подвержена. Младенецъ раждается съ плачемъ и крикомъ, и предвѣщаетъ, такъ сказать, предстоящія ему нещастія. Истинно, не можно представить себѣ бѣднѣйшей и нещастливѣйшей твари на свѣтѣ, новорожденнаго младенца, день рожденія котораго былъ бы конечно безъ помощи другихъ днемъ кончины. Ибо, естьли бы другіе ему не помогали, и искуствомъ и попеченіемъ жизнь ево сохранить не старались; то бы такова младенца не инако почесть должно, какъ за маскированное лице на комедіи или на оперѣ, которое на позорище для того выходитъ, чтобъ сыграть печальной роль, а потомъ бы опять уйти. Но невзирая на всѣ старанія и попеченія употребляемыя къ сохраненію жизни новорожденнаго младенца бываетъ онъ всякой день и всякой часъ угрожаемъ смертію, потому что тѣло ево въ разсужденіи чрезвычайной нѣжности подобно водяному пузырю, которой отъ малѣйшаго удара пропадаетъ. Такого младенца хранятъ день и

ночь, и обвиваютъ пеленами такъ какъ тонкое стекло кладутъ въ футляръ. Кормилица ево поетъ до тѣхъ поръ, пока уже осипнетъ, но и тогда не можетъ его утѣшить. Вотъ состоянїе наше при рожденїи и во младыхъ лѣтахъ нашего младенчества, или въ первомъ явленїи трагедїи.

Не успѣя отнять младенца отъ грудей, препоручаютъ его мучительному учителю, которой нѣжную и тонкую ево кожу дѣлаетъ плѣтью и розгами жесткою и крѣпкою. Тогда бы надлежало разумъ ево прежде взбрать, сборновать и взрыть, нежели сѣять въ оной слова и понятїя. Когда понятїе недостаточно, чтобъ оныя упомнить, то отвѣтствуютъ за то руки и спина. Сїе наказанїе было бы сносно, естьлибъ оно служило въ ево пользу; ибо какъ больные принимаютъ охотно горькїя пиллюли; такъ и учащїеся могли бы терпѣливо снесть такое жестокое наказанїе, потому что имъ внушаютъ, что всякой кровавой ударъ розги, и всякой щелчокъ въ голову есть знакъ любьви: хотя бы многїе изъ нихъ могли тожъ сказать, что стихотворецъ говоритъ: à force de m'aimer tu me rends miserable.

то есть:

чѣмъ больше ты меня любишъ, тѣмъ больше я нещастливъ.

Я говорю, что наказанїе было бы такимъ образомъ сноснѣе. Но искуство учить, что учители болѣе или менѣе въ ученикахъ своихъ охоты къ ученїю находятъ, потому какова они сами нраву, и что наказанїе расположено по ихъ произволенїю. Кажется, что школы основаны какъ для учителей, такъ и для учащихся, и что приоснованїи оныхъ было два намѣренїя, изъ которыхъ одно есть сїе, чтобъ учитель могъ нѣкоторымъ образомъ вспомнить на спинѣ другихъ, наказанїе полученное имъ самимъ во время младыхъ лѣтъ. Такимъ образомъ ученикъ будучи нѣсколько лѣтъ сряду наставляемъ, или лутче сказать побоями принужденъ къ нужнымъ и ненужнымъ къ полезнымъ и неполезнымъ вещамъ: получаетъ наконецъ свободу. И тогда, говорятъ, долженъ онъ збирать плоды долговременной своей работы, и претерпѣнныхъ трудностей. Но происходящая отъ того радость, что окончилось сїе рабство, подобна молнїи, которая на весма короткое время покажется, и вдругъ паки изчезаетъ. За сими побоями и рабствомъ слѣдуютъ попеченїя и неспокойствїя, какъ бы получить себѣ хлѣбъ. По справедливости можно сказать, что сїе состоянїе и сїе время жизни есть печальнѣйшее дѣйствїе въ трагедїи человѣческой. Тогда должно препроводить многїе и иногда лутчїе годы въ сисканїи благодѣтелей и предстателей.

И тогда то узнаютъ, что выученное въ школѣ, весьма мало въ такихъ обстоятельствахъ помогаетъ. Ибо пути ведущїе въ переднїя большихъ господъ и знатныхъ людей совсѣмъ инаки, нежели тѣ, по которымъ мы на Парнасъ восходимъ. Вмѣсто Греческаго и Латинскаго языка надлежитъ запастись терпѣнїемъ и смиренїемъ и вмѣсто девяти музъ склонить на свою сторону каммеръ-динеровъ большихъ господъ. Не надлежитъ показывать тогда ни малѣйшаго любочестїя, но дѣлать всевозможную подлость. Наука ласкать и лицемѣрить имѣетъ гораздо бо́льшую силу, нежели всѣ семь свободныхъ наукъ. А наука снисканїя милости у большаго господина бываетъ главною и такъ сказать, большимъ катехисмомъ просящихъ о чинѣ ученыхъ. Однимъ словомъ, ученой просящей о чинѣ подобнѣе изъ всѣхъ звѣрей червяку. Онъ врывается ползаючи въ двѣри знатныхъ людей, уклоняется и унижается и бываетъ попираемъ отъ всѣхъ ногами.

Напослѣдокъ, когда получитъ кусокъ хлѣба, которой уже, такъ сказать, изъ огня и воды вынимается: то бываютъ новыя попеченїя и новыя прискорбїя. Тогда должно располагать домостроительство и житїе, къ чему много времени, труда и иждивенїя требуется, и когда видимъ уже наконецъ исполненны наши желанїя, и находимся въ такъ называемомъ благосостоянїи: тогда уже охота,

охота, наслаждаться веселїемъ почти минуется. О какое бѣдное состоянїе! когда есть охота: то нѣтъ имѣнїя: а когда есть имѣнїе: то нѣтъ ужè охоты. Прїобрѣтенное въ послѣднихъ лѣтахъ богатство и изобилїе столько же горестны, сколько и претерпѣнной прежде недостатокъ. Ибо почти все равно, не имѣть ничего, или когда что есть, то тѣмъ презирать. Когда въ брюхѣ отъ голоду ворчитъ: то обыкновенно недостаетъ намъ нужной пищи, дабы его удовольствовать: а когда можемъ мы имѣть хорошей столъ: то недостаетъ намъ охоты. Подобное сему случается и съ прочими вещьми. Когда мы бываемъ въ тѣхъ лѣтахъ, въ кои можемъ вкушать сладости и прїятности брака: то бываемъ не въ силахъ содержать жену; а когда придемъ въ такое состоянїе, въ которое ужè можемъ содержать жену и фамилїю: то не чувствуемъ ничего болѣе отъ брака, кромѣ наносящихъ онымъ трудностей и безпокойствїй.

богатство, щастїе и имѣнїе; омерзѣнїе или безсилїе чувствовать къ онымъ охоту и увеселенїе, ростутъ въ равной степени съ лѣтами, и умножаются обыкновенно въ равной мѣрѣ съ старостїю. И что старость не дѣлаетъ, то дѣлаютъ болѣзни, непременные товарищи старости. Ибо по мнѣнїю нѣкотораго древняго философа всѣ безпокойствїя и нещастїя ищутъ въ старости пристанища,

въ которомъ они на якорь становятся. Вотъ состоянїе жизни человѣческой. Такъ по случилось мнѣ въ моей жизни, и я вижу, что большой части людей не иное случается. Иные приступаютъ къ намѣренїю другими дорогами; но такихъ весьма мало, кои бы нашли такїя дороги, по которымъ бы слѣдовали они не по спицамъ и тернїю. Ибо человѣческая жизнь ничто иное, какъ безпрестанное страданїе, съ тѣмъ только различїемъ, что оно не одинако. Всѣ пути нѣкоторымъ образомъ кривы, узки, песчаны, и трудны, а конецъ оныхъ есть смерть. А какъ начнется жизнь съ плачемъ, то и кончится она со слезами.

Естьли кто почтетъ сїе описанїе и изображенїе жизни человѣческой за весьма чрезвычайное или плачевное: то почитаю я тово щастливымъ, кто препроводилъ лѣта свои съ меньшимъ трудомъ и прожилъ въ свѣтѣ съ цѣлою кожею. Но естьли я по себѣ разсужу: то нимало не почту чрезвычайнымъ сїе описанїе. Ибо добрые дни, кои я имѣлъ въ свѣтѣ, всѣ у меня на перечотѣ. большую часть моей жизни препроводилъ я въ попеченїяхъ и неспокойствїяхъ при больномъ тѣлѣ, и въ отрицанїи употребленїя всего того, что свѣтъ добрымъ и прїятнымъ называетъ. Естьли другїе могутъ насчитать болѣе радостныхъ дней въ своей жизни: то я отомъ весьма радуюсь. Ибо хотя мы сами безпрестанно въ

проти-

противностяхъ и нещастіяхъ находимся; однако другимъ должны уступать краткое удовольствіе, которымъ они наслаждаются. Въ семъ случаѣ не надлежитъ того дѣлать, что нѣкоторые люди дѣлаютъ, кои себѣ ничего не запрещаютъ, ближнимъ же своимъ ни малѣйшаго не дозволяютъ.

Впрочемъ служатъ разныя трудности, коимъ человѣческая жизнь подвержена, доказательствомъ будущей жизни. Ибо естьлибъ послѣ сей жизни не было другой; то бы можно было сказать, что богъ сотворилъ человѣка въ гнѣвѣ, и здѣлалъ нещастливѣйшею тварью изъ всѣхъ животныхъ, ибо хотя безумные звѣри имѣютъ свое страданіе, и должны также умереть: однако не чувствуютъ никогда безпокойствія духа. Разумъ, единое преимущество человѣка предъ звѣрьми, причиняетъ, что нещастіе ево гораздо болѣе нещастія звѣрей; кои чувствуютъ только настоящее зло, напротивъ же того человѣкъ имѣетъ предъ глазами прошедшее, настоящее и будущее, и онымъ безпрестанно мучится. Но надежда будущей блаженной жизни услаждаетъ всю горькость наносимую сею временною жизнію. Къ оной должны мы безпрестанно возводить мысли наши; почитать въ разсужденіи оной противности сего свѣта за непротивности, и представлять, чѣмъ болѣе наше страданіе претерпѣваемое въ сей жи-

жизни, тѣмъ лутче познаемъ мы уготовленное намъ блаженство въ вѣчномъ жилищѣ, и тѣмъ болѣе будемъ мы почитать оное.

Переведено съ Нѣмецкаго.

XLIX.

ЗАПРЕЩЕННОЕ ОХОТНѢЕ ИСПОЛНЯЮТЪ.

Рѣдкое свойство людей, что они то охотнѣе дѣлаютъ, или къ тому наибольшую склонность имѣютъ, что наикрѣпчайше запрещено: для чего не грѣхъ, сказалъ нѣкоторой Италїянецъ, пить холодную воду? Ибо онъ думалъ, чтобъ она была тогда вкуснѣе. Ни которой народъ не имѣетъ такого апетиту къ вину, какъ Магометане, которымъ въ Алкоранѣ наикрѣпчайше запрещено оное пить. Уповательно миновался бы у нихъ тотъ апетитъ, естьлибъ оная заповѣдь была отмѣнена. Сїе рѣдкое свойство примѣчается особливо въ Агличанахъ. безчисленное множество людей пьютъ въ Англїи, дабы напиться, прелюбодѣйствуютъ, дабы прелюбодѣйствовать, и грѣшатъ дабы грѣшить, да и наказанїе опредѣленное за преступленїя бываетъ у многихъ къ тому побужденїемъ.

Человѣкъ можетъ быть съ природы молчаливъ и неболтливъ, естьли ему не запре-

щено говорить. А когда опредѣлено будетъ за то наказанїе: то тайности будутъ явны и всякому извѣстны. Сїе достойное примѣчанїя дѣйствїе запрещенїя видимъ особливо въ книгахъ. Иная лежитъ иногда въ лавкѣ, какъ негодной домашней уборъ, котораго никто не покупаетъ; а какъ скоро запрещено будетъ ее продавать: то всякой бѣжитъ и платитъ за нее дороже всѣхъ. Для того просилъ самъ нѣкоторой сочинитель, котораго книгъ никто купить не хотѣлъ, у правительства, чтобъ онъ запрещены были, потому что надѣялся онъ хорошей продажи: въ чемъ ему и удалось. Сколь сильно возбуждается охота къ исполненїю запрещенїемъ, то зналъ нѣкто поручившей нѣкоторой дѣвицѣ тайность. Онъ довольно вѣдалъ, что, естьлибъ просилъ онъ ту дѣвицу, чтобъ она молчала, тобъ ничего болѣе не произвелъ, какъ только умножилъ ее охоту, оное выболтать: то велѣлъ и позволилъ онъ ей открывать всякому порученную ей тайность, Симъ достигъ онъ своего намѣренїя. Дѣвица молчала и ни одному человѣку отомъ не сказывала. Вотъ особливое средство къ отвращенїю людей отъ порока. Опытъ ужè оному здѣланъ. Человѣкъ подобенъ борзой и рѣзвой лошади. Чѣмъ крѣпче ее держишь, тѣмъ болѣе охоты получаетъ она бѣжать. Гдѣ болѣе прелюбодѣянїя и сластолюбїя, какъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женщины запираются, и гдѣ безъ поте-

рянія живота входу и знакомства съ ними получить не можно? Мужъ, которой горницу своей жены крѣпостью дѣлаетъ, и оную со всѣхъ сторонъ валами окапываетъ, долженъ прежде опасаться соперниковъ, нежели тотъ, которой своей женѣ даетъ свободу посѣщать всѣ компаніи, и обходиться съ кѣмъ она хочетъ.

Мы дѣлаемъ то охотнѣе, что намъ запрещено. Тогда получаемъ мы къ тому болѣе охоты, когда чего безъ опасности и труда получить не можемъ. Человѣкъ побуждается къ исполненію своей должности не столько запрещеніемъ, сколько собственнымъ своимъ любочестіемъ. Квинтиліанъ говоритъ: qui equid principes faciunt, precipere videtur, то есть; *что Государи и законодатели сами дѣлаютъ, то кажется повелѣніемъ.* Естьлибъ вышелъ указъ, чтобъ, кромѣ знатныхъ особъ, никто болѣе двухъ блюдъ кушанья за столомъ не имѣлъ: тобъ простые люди возъимѣли крайнюю охоту, имѣть всегда по три или по четыре блюда. Естьлибъ напротивъ того простому народу позволено было имѣть столько блюдъ, сколько оной хочетъ; а столъ знатныхъ особъ состоялъ бы изъ двухъ блюдъ, то бы онъ изъ своей воли согласился, умѣньшить число оныхъ. Запрещеніе алмазовъ привело за нѣсколько лѣтъ всю землю въ движеніе: естьлибъ напротивъ того позволено было носить каждому алмазы,

а запрещено бы было только знатнымъ женщинамъ, украшать серги таковыми драгоцѣнными каменьями, чтобъ ни одинъ человѣкъ не пожелалъ носить оныхъ. A. спитъ всегда до девяти часовъ по утру. Естьлибъ принужденъ онъ былъ какою нибудь перемѣною спать до десяти часовъ: чтобъ вставалъ онъ по утру весьма рано, и ходилъ бы къ заутренямъ. B. почти рта не разѣваетъ, чтобъ не солгать; а естьли бы ложь почиталась добродѣтелью; то бы конечно былъ онъ одинъ изъ честнѣйшихъ и искреннѣйшихъ людей во всемъ городѣ. C. дѣлаетъ великія непристойности и отваживаетъ иногда жизнь свою въ любовныхъ дѣлахъ; а естьлибъ отворены ему были всѣ двѣри, и имѣлъ бы онъ свободный доступъ ко всякой женщинѣ: то бы конечно жаръ ево превратился въ холодность и онъ бы почиталъ всѣхъ женщинъ картинами. D. препровождаетъ цѣлой день въ картошной игрѣ, а естьлибъ зделалось запрещеніе, то бы игралъ онъ и во всю ночь; когдаже бы игра почиталась добродѣтелью и достоинствомъ: то бы имѣлъ онъ отъ картъ и костей омерзѣніе, да и дѣланіе картъ почиталось бы за вреднѣйшее мастерство во всей землѣ. E. ничему не вѣритъ. Естьлибъ недовѣренность была добродѣтель и нѣчто похвальное: то бы вѣрилъ онъ всѣму, чему учатъ, да и тому бы вѣрилъ, чему и не учатъ. Ибо для того онъ ничему невѣритъ, что другие почитаютъ то за должность къ исполненію. Сіе кажется быть

край-

крайностію; но я заключаю сіе изъ того, что дѣйствительно случается и что случиться можетъ. Я хочу быть порукою; что, естьлибъ употребленіе шалфея подъ великимъ денежнымъ наказаніемъ запрещено было, то бы чай совсѣмъ вышелъ изъ обыкновенія и былъ бы въ такомъ же презрѣніи какъ, сѣно, а шалфей, которой нынѣ и простой народъ ни за что почитаетъ, превратился бы въ нектаръ, и пили бы только знатнѣйшія особы. Я не желаю, чтобъ сіе дошло до опыта, ибо такое опредѣленіе здѣлало бы великой ущербъ Азіатскимъ компаніямъ.

Достойной примѣчанія примѣръ сего страннаго свойства человѣческаго находимъ мы въ исторіи Оссунскаго герцога, писанной Григоріемъ Летіемъ. „ Яковъ Морель, богатой купецъ Неаполитанской похвалялся, что онъ въ 48. лѣтъ ни ногою изъ города не выходилъ. Какъ скоро дошло сіе до выше упомянутаго Оссунскаго герцога: такъ скоро приказалъ онъ объявить сему купцу, чтобъ онъ подъ наказаніемъ 10000 ефимковъ за границы Неаполитанскаго королевства не выѣжжалъ. Купецъ смѣялся съ начала сему запрещенію; но сіе принужденіе, чтобъ не выѣжжать ему изъ королевства, чему не могъ онъ сыскать ни какой причины, привело его въ скуку и неспокойствіе, отъ которыхъ не могъ онъ до тѣхъ поръ освободить-

„ бодиться, пока не прислалъ герцогу тѣхъ
„ 10000. ефимковъ несмотря нато что онъ
„ послѣ того ни на малое время не выѣжжалъ
„ изъ государства.

Человѣка описываютъ разумною тварью, и различаютъ его тѣмъ отъ всѣхъ прочихъ животныхъ находящихся на землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ; да и самое искуство научаетъ, что изъ всѣхъ звѣрей человѣку нѣтъ подобной твари. Дїогенъ испытавшей точно склонности человѣческїя, кажется, что былъ отомъ увѣренъ. Онъ взошелъ нѣкогда на высокое мѣсто въ Аѳинахъ и кричалъ людямъ: *подите сюда, люди, и слушайте, что я буду говорить.* Когда великое множество къ нему собралось, дабы услышать, что онъ говорить станетъ: то началъ онъ ихъ гнать отъ себя палкою, и сказалъ; *я не васъ кликалъ, да людей.* Онъ далъ чрезъ то знать, что хотя они людьми назывались, однако не были люди, то есть разумныя твари. Правда, естьли разсмотрѣть подробно человѣка, то надлежитъ признаться, что онъ есть опытъ совершенной премудрости Создателя. Но естьли разсмотрѣть странное его поведенїе и сравнить съ порядочною жизнїю и съ ограниченными желанїями прочихъ звѣрей: то изчезаютъ тѣ высокїя мысли, кои о немъ какъ о благородномъ и изрядномъ сотворенїи имѣть можно. Словомъ вся ево жизнь состоитъ въ желанїи и нежеланїи одной вещи.

Здѣсь

здѣсь приличествуетъ нѣкоторымъ образомъ то, что Сенека говоритъ: sapientia hominis est, idem velle, ac idem nolle; то есть: *мудрость человѣческая состоитъ въ желаніи и нежеланіи* Естьли бы какая другая разумная тварь на землѣ явилась, разсмотрѣла бы точно поведеніе всѣхъ здѣсь находящихся тварей и увидѣла бы въ большой части звѣрей нѣкоторой порядокъ, а въ людяхъ напротивъ того странныя желанія, другъ другу противныя склонности и толь чудное поведеніе: тобъ легко могло ей притти на мысль, что человѣкъ сотворенъ для увеселенія звѣрямъ, а не звѣри въ пользу человѣку.

Я не говорю здѣсь о людяхъ вообще, и описаніе мое о оныхъ необщее; но намѣренъ тѣмъ показать нѣкоторыя ихъ странныя склонности, то есть, ихъ желанія и охоту, плавать всегда противъ вѣтра; потому что они охотнѣе дѣлаютъ то, что имъ запрещено, а то обыкновенно упускаютъ, къ чему они обязаны; и отомъ болѣе всего стараются, чево безъ опасности и труда получить не могутъ, а здѣлавшись участниками того оказываютъ послѣ омерзѣніе. Сія странная склонность примѣчается и во младенцахъ. Когда подаютъ имъ хорошія и полезныя вещи: то они ихъ бросаютъ; а когда не дадутъ имъ бездѣлицъ и игрушекъ: то

они о томъ плачутъ. Для чево молодые люди подвергаютъ себя иногда опасности, для чево взлезаютъ они на крутыя мѣстà, для чево идутъ они охóтнѣе по доскамъ и перекладинамъ чрезъ рѣку, когда могутъ итти по мосту съ гораздо большею безопасностiю и способностiю? Не для тово ли они сiе дѣлаютъ, что имъ либо запрещено, либо что они безъ опасности того здѣлать не могутъ? Угождающiе нынѣшнимъ временамъ нравоучители не найдутъ безъ сомнѣнiя вкусу въ семъ размышленiи. Они скажутъ, что нравоученiе мое весьма далеко простирается, и изъ онаго можно скорѣе познать ненависть сочинителя къ роду человѣческому, нежели къ порокамъ и глупостямъ онаго. Но я не слѣдую украшенному нравоученiю нашихъ временъ, ибо вижу, что оное состоитъ болѣе въ складныхъ словахъ и изъясненiяхъ, нежели въ подлинности. Я не могу разсуждать инако о нравоучительнныхъ сочиненiяхъ, кои нынѣ въ свѣтъ выходятъ. Я вижу, что пороки человѣческiе въ оныхъ укрываются и извиняются; и что сочинители оныхъ представляютъ болѣе стряпчева, нежели строгаго судiю нравовъ. Нельзя ожидать въ той землѣ, въ которой лицемѣрiе и притворство, за благонравiе, учтивость и разумное поведенiе почитаются, истинной и нелицемѣрной мудрости; и нельзя отъ тѣхъ людей, кои по большой

шой части украшенной и лицемѣрной видъ имѣютъ, инаго уповать, кромѣ подкрашеннаго нравоученія. Сократъ былъ всеобщей ненавистникъ рода человѣческаго, и невозможно было ему подать лутчего оономъ изображенія. Я думаю, что такой древней искусной смотритель узналъ подробнѣе склонности человѣческія, нежели такъ называемые смотрители нынѣшнихъ временъ, кои болѣе для того пишутъ, чтобъ удовольствовать своихъ читателей, а ненаставить и исправить оныхъ. Они показываютъ, только то, что имѣютъ дарованіе писать гладко и основательно; и подражаютъ сочиненіями своими испорченному вкусу временъ, какъ въ постоянно писанныхъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ комедіяхъ; ибо рѣдко такой найдется, которой бы неискуснымъ и неукрашеннымъ письмомъ понравиться старался. Съ сочиненіями нынѣшнихъ временъ поступаютъ такъ какъ и съ музыкою, въ которой согласіе и натуральная пріятность искуству уступить должны. Свѣтъ требуетъ поправленія, а сіе поправленіе не можетъ быть предпринято съ щастливымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока старое не здѣлается опять новымъ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

L

L.

Ноября 27. дня.

О ФАРФОРѢ.

Фарфоръ есть ни что иное какъ въ огнѣ перезженная, и половину въ стекло обращенная матерїя: а по сложенїю своему состоитъ онъ между стекломъ и цѣниномъ. Естьлибъ онъ совсѣмъ превращенъ былъ въ стекло, тобъ равно какъ и оное не могъ устоять противъ вливаемыхъ вдругъ кипящихъ напитковъ; къ чему однакожъ по употребленїю долженъ быть способенъ: не совсѣмъ прозраченъ, для того что не совсѣмъ стекляной. Особливая бѣлизна, къ числу добротъ его принадлежащая, зависитъ отъ матерїй, его составляющихъ. Вещество, половину въ стекло обращенное двоякимъ образомъ получить возможно. 1. Когда вынять оное изъ огня, прежде нежели совсѣмъ въ помянутую матерїю преобразится. 2. Когда оно будетъ состоять изъ двухъ минераловъ, которыхъ первой въ стекло удобопревратимыя свойства имѣетъ, а другой совсѣмъ къ тому не способенъ

бенъ или и способенъ; но дѣйствїе крайнимъ подвержено затрудненїямъ. И такъ, когда первой изъ нихъ совсѣмъ въ стекло превратится, другой же напротивъ того съ нимъ смѣшенной, съ твердыми своими качествами сцѣпившись неразрывно пребудетъ, то все изъ огня вынять.

Господинъ *Реомюръ* примѣтилъ, что весь Китайской и Индѣйской фарфоръ дѣлается симъ вторымъ способомъ (*) Онъ отъ нѣкоего искуснаго Езуитскаго проповѣдника за подлинно увѣдалъ, что одинъ изъ помянутыхъ составовъ: *летунъ-тзе*, а другой *каолинъ* называется, а самъ по многимъ опытамъ и пробамъ надъ присланными къ нему образцами учиненнымъ, добрался и до того, что сїи два Китайскїя слова знаменуютъ: *летунъ-тзе*, суть всѣ тѣ земли, пески и каменья, кои

---

* Господинъ ГЕЛЛОТЪ въ разсужденїяхъ своихъ, о крашенїи въ 1737. году подъ артикуломъ о лазорѣ, или финифти пишетъ, что кричина, для чего синей цвѣтъ нынѣшняго Китаискаго фарфора гораздо хуже стариннаго состоитъ въ томъ: что самородной лазоревой камень сталъ весьма рѣдокъ: затѣмъ что двѣ копи, изъ которыхъ оной обыкновенно доставали совсѣмъ почти истощилися. Они вмѣсто его употребляютъ финифть или лазурь толченой, здѣланной изъ смалта или стекла, изъ коболта, песку и алкалической соли составленнаго, и Голландцами къ нимъ привозимаго.

кои на большомъ огнѣ расплавить можно; *каолинъ*, которое слово ему разумѣть труднѣе было прежняго, есть такъ называемой *то* или сальной камень, въ стекло обращенъ быть совсѣмъ почти немогущей. И хотя симъ образомъ имѣемъ и мы такія же матеріи, какъ и Китайцы, однако они всегда ту предъ нами выгоду имѣть будутъ, что работника въ день одною копѣйкою прокормить могутъ.

Весь Европейской фарфоръ, какъ то Сентъ-клуской, Шантильской, и Саксонской дѣлается вышеобъявленнымъ первымъ способомъ. Оной бы совершенно въ стекло превратился, естьлибъ изъ огня не вынимать по долѣе, а чтобъ сказать по Китайски, то онъ есть одинъ только *ле-тунъ-тзе* безъ *каолина*.

По симъ основаніямъ господинъ *Реомюръ* нашелъ третей новой родъ фарфора: мы опишемъ здѣсь тотъ путь, которымъ онъ шелъ до таковаго изобрѣтенія. „ начавъ изъискивать средства, какъ бы превратить въ „ сталь желѣзо, а чугунъ здѣлать къ ковкѣ „ способнымъ, конечно не воображалъ я себѣ, „ говоритъ онъ, чтобъ попалъ на такую „ стезю, которая бы довела до дѣланія меня „ новаго роду фарфора. Однако [назадъ тому „ уже 20 лѣтъ] чрезъ сіи самые опыты „ увидѣлъ я себя на оной, когда разныя же-

„ лѣзныя и чугунныя части, для переплавки
„ въ горнъ, крѣпко замазанной и мусоромъ
„ или толченымъ углемъ, сажею и перезже-
„ ною костью окруженной, складывалъ. Та-
„ ковое дѣйствіе сходствуетъ можетъ быть
„ болѣе другаго съ натурою, которая всѣ
„ свои смѣшенія весьма тихо, и тайно про-
„ изводитъ. Ничемъ какія либо составы толь
„ скоропостижно и тѣсно другъ съ другомъ
„ сцѣплены быть не могутъ, какъ перезже-
„ ніемъ и расплавкою. Ею и долговременнымъ
„ зноемъ всѣ твердаго тѣла части рас-
„ пускаются и раздѣляются; перемѣняется его
„ составленіе; и потомъ одна и тажъ са-
„ мая матерія себѣ сама бываетъ уже непо-
„ добна. Сіе подавало мнѣ причину думать,
„ что простое стекло, совсѣмъ распущено, и
„ растоплено быть можетъ, когда положить
„ къ нему сѣрныхъ матерій, и солей, стекло-
„ творенію противоборствующихъ.

Мы не станемъ предлагать здѣсь всѣхъ опы-
товъ производимаго имъ стеклоразрушенія:
ибо они уже въ разсужденіяхъ его о семъ дѣ-
лѣ подробно описаны; всилу оныхъ наиудоб-
нѣйшая къ превращенію стекла въ бѣлой
фарфоръ матерія есть перезженной гипсъ,
какой въ гипсокопныхъ ямахъ Монтмартскихъ
въ великомъ множествѣ находятъ. Сіе превра-
щеніе можетъ такожъ учинено быть посред-

ствомъ

ствомъ песку, и ежели песокъ такъ будетъ бѣлъ, какъ этампской исмѣшается съ гипсомъ, то выдетъ порошокъ, которой съ превосходною пользою употреблять къ тому можно.

Что касается до дѣйствія, то оно слѣдующимъ образомъ производится: выбравъ сперва пригодное стекло, положить въ глиняной сосудъ, каковые дѣлатели цѣнина обыкновенно употребляютъ, осыпать оное вышереченною смѣсью, изъ бѣлаго и мѣлкаго песку и изъ гипсу составленною, такожъ всѣ пустыя мѣста оной наполнить и словомъ набить ее плотно и крѣпко въ сосудѣ. Потомъ накрывъ и умазавъ оной, отнесть къ горшешнику, чтобъ поставилъ въ печь, въ такое мѣсто, гдѣ жаръ больше. Какъ все сіе укипитъ, то открывъ сосудъ, къ крайнему удовольствію видѣть будетъ можно, что бывшее стекло, въ изрядной бѣлой фарфоръ въ свойствахъ своихъ и чистотѣ Китайскому нимало неуступающей премѣнилось.

Надобно притомъ и въ стеклѣ знать силу: наижесточайшія стекла, удобнѣйшія бываютъ къ расплавкѣ, да случается иногда, что изъ самыхъ негодныхъ бутылокъ, наилутчей сего роду фарфоръ выходитъ, такъ что отъ самаго чистаго зеркальнаго стекла, получить подобнаго ни коею мѣрою не-

 возможно.

Гипсъ главная есть бѣлизны причина, однако по нещастїю, дѣланная изъ таковаго фарфору посуда, такъ какъ оной изъ рукъ господина *Реомюра* вышелъ, съ нутри бываетъ чище и бѣлѣе, нежели съ наружи. Но чего не можно еще надѣяться отъ художества, едва лишь только изобрѣтеннаго? Сей фарфоръ можетъ уже почестся вторымъ между всѣми прочими, стоитъ онъ мало, а можно дѣлать изъ онаго наилутчїе горшки, и самымъ малымъ иждивенїемъ бутыли, стеклянные кубки и проч. превращать въ сосуды фарфоровые.

Въ другомъ мѣстѣ говоритъ господинъ *Реомюръ*: „ я велѣлъ варить воду въ сихъ „ здѣланныхъ изъ новаго моего фарфора со„ судахъ, и не берегъ ихъ нарочно; не наливъ „ до полна ставилъ вдругъ на самые горячїе „ уголья, и потомъ снявъ съ огня кипятку „ полны, простужалъ на холодномъ марморѣ. „ Иногда держалъ такой сосудъ въ плавиль„ ной печи на горячихъ угольяхъ, и для „ большаго жару, велѣлъ ихъ до четверти „ часа раздувать мѣхомъ. Словомъ я растапливалъ въ ономъ иногда стекла: однако на „ все сїе невзирая, видъ его ни мало не попор„ тился и не перемѣнился.

Переведено съ Французскаго.

LI.

LI.

О ЖЕСТОКОСЕРДІИ.

Въ недавномъ времени читалъ я одну изъ книгъ Цицероновыхъ. При перьвомъ взглядѣ попалось мнѣ мнѣніе онаго о жестокосердіи. Естьлибъ я жилъ въ суевѣрныя времена темной древности, то бы я конечно испугался, и мучимъ бы былъ досадою по крайней мѣрѣ цѣлой день. Но сіе служило мнѣ случаемъ къ открытію моихъ мыслей, во мнѣ о томъ мало по малу возбужденныхъ. Вотъ оно. *Жестокосердіе противнѣе всего натурѣ, которой мы слѣдовать обязаны.* Изъ всѣхъ пороковъ обезобразующихъ человѣческую натуру, видъ жестокосердія распространяетъ въ округъ себя болѣе всѣхъ страхъ, трепетъ, омерзѣніе и ненависть. Всѣ пороки скрываются подъ кровомъ нѣкотораго оправданія. Роскошь принимаетъ на себя видъ веселія; а неблагодарность отговаривается ослѣпленнымъ самолюбіемъ. Но жестокосердіе не можетъ оправдиться ни преизящною добродѣтелью правосудія, ни чрезмѣрною строгостію. Она не умножаетъ ни спокойствія духа, ни восхищающей тѣлесной роскоши. Оною цѣлыя государства опустошаются и города съ землею сравниваются. Сею кровожаждущею фуріею

жертвуетъ жестокосердой тиранъ миліоны людей своему мщенію и заслуживаетъ потому скорѣе, имя тигра, нежели человѣка. Оною лишаются прежде времени многія тысячи людей свѣта, друзей и самихъ себя. Отъ сей жестокой фуріи трепещутъ герои и стѣнаютъ обыватели земель, естьли только изъ дали ее пылающую увидятъ. Она низвергаетъ прежде всѣхъ собственныхъ своихъ почитателей, погибѣль нападаетъ вдругъ на тирановъ. Тираны! вы хотите быть страхомъ другимъ? но должны сами опасаться трепещущихъ отъ вашего жестокосердія! Уже сіи несчастные вынимаютъ тайно на васъ мечь свой и готовы исполнить при перьвомъ случаѣ давно умышленное убійство. Напрасно стараются тираны защитить себя жестокосердыми воинами съ обнаженными мечами. Свирепость народа ихъ и тогда разтерзаетъ. Хотя бы они всегда удвоивали караулы предъ крѣпкими своими замками, и спали бы ночью въ запертыхъ покояхъ, однако отъ мщенія не укроются. Лишъ только закроетъ сонъ глаза тирановы, то почти въ самое то время просыпается онъ отъ страшныхъ привиденій. Подобно сему мучимъ былъ Діонисій досадными мыслями, такъ что онъ и бритвы фельшеровой опасался, и для того опаливалъ бороду горячими угольями. Я заключаю портретомъ тирановымъ изобра-

изображеннымъ намъ Валеріемъ Максимомъ. Вотъ ево слова: *Одѣяніе жестокосердія звѣрообразно, видъ кровожаждущь, голосъ страшенъ, уста наполнены безпрестанными угрозами и безчеловѣчными повелѣніями; а наконецъ возбуждаетъ оно въ насъ внутреннюю злобу, само же напротивъ того бываетъ мучимо печальнымъ страхомъ.*

Переведено съ Нѣмецкаго.

LII.

Послѣдняя рѣчь говоренная Османомъ I. основателемъ Оттоманскаго государства, къ сыну ево Орхану.

Естьли мы на происхожденїе разныхъ государствъ обратимся, то увидимъ, что основатели оныхъ весьма превосходили своихъ потомковъ великостїю духа, проницанїемъ и разумомъ. Они суть между принцами то, что между учеными называется начальными духами.

безъ помощи иностранныхъ державъ, безъ многочисленнаго войска положили они первое основанїе къ благополучїю, отъ котораго впослѣдующїя времена все благосостоянїе государства зависѣло, и которое до тѣхъ поръ стояло ненарушимо, пока мудрыя узаконенїя не забыты, на которыхъ основатель государства, силу и власть свою, однимъ словомъ, все благополучїе своихъ земель утвердилъ. Узаконенїя бывали обыкновенно таковы, что наслѣд-

наслѣдники не имѣли нужды присовокуплять болѣе къ онымъ, но довольно бы было имъ и тово, когдабъ старались они не предавать ихъ забвѣнію.

Ромулъ основатель Римскаго государства основалъ всю свою политику на четырехъ правилахъ; изъ которыхъ истекали всѣ должности, кои государи, естьли хотятъ зе́мли свои учинить благополучными, наблюдать обязаны. Онѣ были слѣдующія: почтеніе къ вѣрѣ и божественной службѣ; любовь къ отечеству; храненіе вольности; и желаніе чести. Изъ исторіи извѣстно, сколь строго наблюдали Римляне сіи правила, и въ какое безсиліе пришли ихъ зе́мли, потеряя все прежнее свое сіяніе, когда начали мало по малу удаляться отъ оныхъ.

Я не буду приводить теперь первыхъ основателей другихъ государствъ, но представлю одного принца, котораго дѣла совершенно соотвѣтствовали съ великимъ ево духомъ: и котораго политика не мало поспѣшествовала великой ево силѣ и власти, сохраняющей для послѣдующихъ временъ основанное имъ государство. Онъ называется Османъ, первой Турецкой Султанъ, о жизни и знатныхъ дѣлахъ котораго, подаетъ намъ точное описаніе князь Димитрій Кантемиръ

темирѣ вѣ исторіи своей о Оттоманскомѣ государствѣ. Турки приписываютѣ еще и по сїе время счастливой успѣхѣ основанія ихѣ государства не человѣческой мудрости и храбрости, потому что перьвой ихѣ Султанѣ имѣлѣ войны не изѣ честолюбія и властолюбія, но изѣ усердія кѣ правосудію и кѣ распространенію Магометанской вѣры. И такимѣ образомѣ произвелѣ онѣ намѣренія свои благополучно. По избраніи ево вѣ 200. году эгиры или вѣ 1301. году по Христіанскому численію вѣ Султаны, привелѣ онѣ вѣ свое подданство многія Греческія провинціи. Но посреди счастливаго теченія побѣдѣ ево обуздывалѣ онѣ свои похоти и страсти, и никогда не начиналѣ войны, не будучи принужденѣ кѣ тому отѣ своихѣ непріятелей. Сей государь умѣлѣ легко усмирять солдатѣ своихѣ пріобыкшихѣ кѣ побѣдамѣ и добычамѣ, которые ево просили, чтобѣ чинить новыя завоеванія. Онѣ представлялѣ имѣ, что онѣ готовѣ согласиться на ихѣ прозьбу; но не должно притомѣ забывать распространенія Магометанскаго ученія. Потомѣ продолжалѣ онѣ, что заповѣди Алькорановы надлежитѣ предпочитать всѣмѣ сокровищамѣ и государствамѣ; и доказалѣ имѣ изѣ оныхѣ, что Христіанскихѣ государей должно приглашать дружелюбно вѣ Магометанскую вѣру, а естьли отрекутся, то надлежитѣ почи-

тать

тать ихъ всилу онаго закона, людьми своенравными непризнающими истинны. Я не буду описывать разныхъ побѣдъ одержанныхъ симъ Султаномъ, ниже пространно раскасывать; какимъ образомъ распространилъ онъ свое государство; но паче приступлю къ послѣднему явленїю ево жизни, въ которомъ благородной духъ сего государя въ истинной своей величинѣ оказался. Посреди трїумфовъ и радости о взятїи города Прузїи, впалъ Османъ въ болѣзнь, отъ которой скончался онъ на 69. году отъ рожденїя. Увидя приближающуюся смерть, велѣлъ онъ позвать къ себѣ большаго сына своего Орхана. Онъ далъ ему отеческое благословенїе, и объявилъ ево наслѣдникомъ престола. Орханъ увидя при смерти лежащаго своего родителя, началъ тосковать и говорилъ: Ахъ Османъ! источникъ государей и обладателей свѣта! Побѣдитель и усмиритель народовъ! умирающей Султанъ обратя взоръ свой на нево, говорилъ слѣдующее: Не стѣнай о утѣшенїе моея души! Ибо сїя послѣдняя судьба всѣму роду человѣческому необходима и свойственна какъ старымъ, такъ и молодымъ наслаждающимся воздухомъ сего развращеннаго свѣта. Когда я преселяюсь теперь въ безсмертїе, то живи безъ меня похвально и благополучно! Я не имѣю причины печалиться о своемъ съ тобою разлученїи, ибо оста-

оставляю тебя моимъ наслѣдникомъ. Я хочу теперь дать тебѣ послѣднія мои наставленія. Слушай ихъ со вниманіемъ! Предай забвѣнію прелѣсти сей жизни! заклинаю тебя, вѣнчанной благополучіемъ! не вдавайся въ тиранство, и не помышляй о жестокости! Не поспѣшествуй правосудію и украшай онымъ землю. Утѣшь раставшую мою душу нѣкоторыми побѣдами: а когда будешь побѣдителемъ свѣта, то распространяй вѣру оружіемъ и имѣй тѣсной союзъ съ Румскими королевствами, * возвышай ученыхъ людей въ знатные чины! и когда увидишъ ученаго человѣка, то оказывай ему честь и милость! Не величайся твоимъ войскомъ и не гордись богатствомъ. Держи подлѣ себя искусныхъ людей въ законахъ, а какъ правосудіе есть подпора государства, то отгоняй отъ себя все ей противное. божественной законъ есть единое наше намѣреніе и весь нашъ успѣхъ дѣлается въ стезѣ божіей. Не мѣшайся въ суетныя предпріятія и ссоры; ибо побуждающее

* Подъ Румскими королевствами разумѣются тѣ земли, которыя прежде Римляне, а потомъ Греки и Турки привели въ свое подданство.

щее меня честолюбіе состояло не въ побѣжденіи Государствъ свѣта, но перьвое мое желаніе было, чтобъ распространить вѣру, исполненіе котораго теперь отъ тебя зависитъ: Старайся показывать себя милостивымъ противъ всякаго, невзирая на природу, имѣй попеченіе о исправленіи публичныхъ должностей твоего чина; ибо Государь не прославившейся милостію и человѣколюбіемъ недостоинъ носить на себѣ имени Государя. Естьли защищеніе твоихъ подданныхъ будетъ перьвымъ твоимъ попеченіемъ, то получишь милость и покровительство отъ Вышняго. Когда Османъ окончалъ увѣщанія свои, то душа ево разлучилась съ тѣломъ.

Читатели мои не потребуютъ, думаю я, отъ меня пространнаго осемъ изъясненія моихъ мыслей, которое я оставляя, предаю на разсужденіе каждаго.

Переведено съ Нѣмецкаго.

LIII.

Декабря 4. дня.

ИСТОРІЯ.
О ДОНЪ КАРЛОСѢ.

Карлъ V. вознамѣрясь сложа съ себя правленіе государства, вдаться въ уединеніе, и опасаясь оставить сына своего подверженнымъ удачному счастію Генрика II. котораго дѣйствія ему были извѣстны, заключилъ онъ съ симъ государемъ пятилѣтнѣе перемиріе. Между мирными договорами, во время сего перемирія происходившими, предложено, чтобъ Гишпанскому принцу сыну Филиппа II. и Маріи Португальской принцессы первой супруги онаго, Донъ Карлосу, сочетаться бракомъ съ большею Французскою принцессою Елисаветою. Сія принцесса была еще не въ совершенныхъ лѣтахъ; но въ разсужденіи его возраста оныя весьма соотвѣтствовали. По учиненіи сего предложенія обѣ стороны съ радостію согласились о семъ бракѣ, и она возъимѣла отмѣнное почитаніе къ жениху своему. Младымъ ея мыслямъ подалъ сей случай упражненіе, которое въ тайнѣ было пріятнымъ ея увеселеніемъ,

отъ чего нечувствительно возрасла въ ней склонность, противъ ея чаянія, безпокойство ей причиняющая. Гишпанской принцъ не менше былъ доволенъ своею судбиною. Всѣ разговоры о сей принцессѣ возбуждали въ немъ мысли удивленіемъ исполненныя и онъ съ веселіемъ вдавался во все то, что ему оныя любовнаго ни воображали. Портретомъ сей принцессы совершилось начавшееся славою о красотѣ ея, а Донъ Карлосъ тѣмъ наипаче вѣрилъ обнадеживаніямъ о точномъ онаго сходствѣ, что оныя съ желаніемъ его согласовались. Разсматривая сіе изображеніе, разсуждалъ онъ о всѣхъ средствахъ, какъ бы ему дать знать невѣстѣ своей отомъ, что онъ объ ней помышляетъ. Ему казалось несносно, что она не знаетъ о радости, которую производитъ въ немъ надежда имѣть ея въ своей власти. Иногда стыдился онъ о своемъ благополучіи и почти желалъ, чтобъ имѣть ему время, къ пріобрѣтенію любви сей принцессы, прежде нежели она оную ему оказывать принуждена будетъ. А какъ того здѣлать было невозможно, то казалось ему, что бы онъ былъ доволенъ, естьлибъ могъ только дать ей знать о различныхъ своихъ помышленіяхъ.

Между тѣмъ нарушеніемъ перемирія дѣла перемѣнились. Причиною тому были принцы Лотарин-

Лотарингскіе, которые по прозбѣ папы Павла IV. воевать вознамѣрились. Намѣреніе папы клонилось къ тому, чтобъ здѣлать сильную диверсію въ Фландрію, и тѣмъ бы его освободить отъ Гишпанскаго генерала герцога д' Альбы, которой содержалъ его почти въ блокадѣ въ городѣ Римѣ. Сіе удалось здѣлать такъ какъ хотѣлось, но въ Фландріи съ желаніемъ не весьма согласовалось. Франція потеряла тамъ двѣ баталіи, въ которыхъ почти все лутчее войско сего королевства либо взято въ полонъ либо побито, и тѣмъ дѣла пришли въ такое худое состояніе, что Франція вознамѣрилась, чегобы то ни стоило, заключить миръ. Сіи мирные договоры были поручены генералу Гишпанскому герцогу Савойскому, и коннетаблу де Монтморанси его плѣннику. Коннетабль изъяснился сему принцу, что сей случай есть лутчее средство къ полученію ему своего государства, изъ котораго выгнатъ родитель его Францискомъ I. почему оной герцогъ склонилъ Филиппа II. къ тому, что вскоре послѣ сего заключено перемиріе въ замкѣ Камбрези. Легко разсудить можно о сокрушеніи Донъ Карлоса при разрывѣ перемирія, и о радости, которую онъ чувствовалъ, при восприятіи мирныхъ договоровъ; но сей миръ пріятною надеждою ему льстящей, былъ невозвратною его погибѣлью.

Во время сихъ договоровъ скончалась вторая супруга Филиппа II. Аглинская королева Марія и онъ вознамерясь вступить паки въ супружество, сталъ свататься за туже принцессу, которая была помолвлена за его сына. Правда желали ея лутче отдать за наслѣдника короны, которой былъ равнаго съ нею возраста, нежели за короля, которой, по его лѣтамъ, могъ бы быть ея отцемъ, а она одною изъ меньшихъ его дочерей, токмо ему учтивымъ образомъ никакъ отказать было невозможно. Сїе извѣстїе полученное Донъ Карлосомъ въ присутствїи многихъ, хотя было для него наижесточайшимъ ударомъ, однако онъ такъ себя преодолѣлъ, что никто не могъ примѣтить его сокрушенія. Но сїе преодолѣнїе терзало его весьма чувствительно, когда онъ былъ въ уединенїи. Все то, къ чему любовь и гнѣвъ ни возбуждаютъ, ему тогда на мысль приходило. И безпокойствїе, отъ того произшедшее, въ которомъ не зналъ, онъ что ему начать, и куда ему въ такомъ безчастномъ состоянїи обратиться, премѣнилось нечувствительно его отчаянїе въ задумчивость. Поступки его отъ прежнихъ стали весьма отмѣнны, и тѣмъ пришелъ онъ въ немилость у короля своего родителя: ибо онъ не зная подлинной причины и разсуждая по себѣ о сынѣ своемъ приписывалъ печаль сего молодаго принца его нетерпѣливости въ полученїи владѣнія. Что

касается до принцессы, то хотя любовныя ея помышленія о Донѣ Карлосѣ произошли единственно отѣ брачныхѣ договоровѣ, а не отѣ дѣйствительной страсти, но сомнѣніе ея, что не любовь ли была подлинною онымѣ причиною, возбудило вѣ ней такую кѣ самой себѣ недовѣренность, которой изобразить не можно. Любопытство ея было чрезвычайно, дабы знать, какое дѣйствіе произвелѣ ея портретѣ вѣ Донѣ Карлосѣ и желала, чтобѣ мысли сего принца были еще безпокойнѣе, нежели ея, но узная о перемѣнѣ судьбы своей опасалась больше всего, чтобѣ ему не понравится Сколь ни пріятно быть прекрасною, но она желала при семѣ случаѣ, чтобѣ разговоры о ея красотѣ пресѣклись. Вѣ сихѣ различныхѣ мнѣніяхѣ мысленно она безпокоилась. И дабы облегчить пристойнымѣ образомѣ трудность чувствуемую ею вѣ прибытіи ко двору Гишпанскому, мѣдлила она столько отѣѣздомѣ своимѣ, сколько ей благопристойность дозволила. Хотя герцогѣ д' Альба именемѣ своего государя на ней зговорилѣ вѣ Іюнѣ мѣсяцѣ, однако она выѣхала изѣ Парижа ужѐ вѣ послѣднихѣ числахѣ Ноября. Она остонавливалась на пути во всѣхѣ увеселительныхѣ домахѣ, и прибыла вѣ Гіенне ужѐ вѣ исходѣ года, думая что сія мѣдленность можетѣ произвесть вѣ сердцѣ ея то, чего разумомѣ она преодолѣть не могла. По прибытіи ея кѣ Пиренейскимѣ горамѣ, счастіе

благопріятствующее иногда нечаянно, зДѣлало ей остановку, которой она совсѣмъ не уповала.

Наварскому Королю Антону де бурбонѣ поручено было провожденіе сей принцессы и велѣно на Гишпанскихъ границахъ вручить ея кардиналу бургоскому и герцогу де л'Инфантаде. Сей Король владѣлъ только нижнею Наварою, а верхняя отнята у дѣда супруги его, Гишпанцами. И дабы не повредить своихъ правъ, которыя имѣлъ онъ на обѣ Навары, не признавалъ онъ мѣста раздѣляющаго оныя за подлинныя границы Гишпанскія, и не хотѣлъ присланнымъ вручить на ономъ мѣстѣ принцессы, пока они не утвердятъ, что тѣмъ требованія его на оныя не уничтожатся. По важности сего дѣла нельзя было безъ точнаго повелѣнія нато согласиться, и потому надлежало опомъ писать въ Мадритъ и ожидать отвѣта. Филиппъ II. желалъ бы, чтобъ Французской дворъ освободилъ его отъ сей трудности и чтобъ провожденіе принцессы было поручено другому, но господа де Гюизе новые правители дѣлъ во Франціи стараясь отдалить принцовъ крови, и изыскивая всѣ къ тому способствующія средства, нашедъ сей возрадовались, что могли избавиться того, которой имъ наиболѣе препятствовалъ. Гишпанскому Королю надобно было

либо

либо удовольствовать немѣдленно Короля Наварскаго, либо вступить въ договоры съ Француским дворомъ, чтобъ его назадъ возвратили. Сей послѣдней способъ казался весьма продолжительнымъ для такого государя, которой нетерпѣливо ожидалъ видѣть супругою прекрасную свою невѣсту. Онъ невзирая на вредъ интересовъ своихъ въ удовольствіе любовной нетерпѣливости согласился на требованія Наварскія. И такъ королева отправилась въ Мадритъ, а Донъ Карлосъ поѣхалъ для ея встрѣчи въ провожаніи меньшаго Пармскаго принца Александра Фарнезы, и гофмейстера своего и наперсника королевскаго Эвольскаго принца Руи Гомеца де Зильвы. (1) Королева по первому извѣстію о приближеніи принца, почувствовала въ мысляхъ крайнѣе безпокойствіе, столь сильно духъ ея терзающее, что упала въ обморокъ въ объятія бывшихъ при ней женщинъ, и неочувствовалась почти до прибытія принца. По оказаніи обыкновенныхъ учтивостей, разсматривая они другъ друга, престали разговаривать, а прочіе молчали изъ почтенія, отчего возстала чрезвычайная тишина нѣсколько времени продолжавшаяся: * Донъ Карлосъ, хотя былъ не

[1] отецъ Иларіонъ де Косте Маниме въ похвалѣ сей королевы.

* Брантомъ о Филиппѣ II.

красавецъ но миловидѣнъ, имѣя главу весьма порядочную, глаза острые и проницательные, а ухватки такъ благопристойныя, что нельзя сказать, чтобъ онъ былъ не пріятенъ. При первомъ взглядѣ заразился онъ красотою сей принцессы: но разсуждая чего онъ лишился, потеряя оную, премѣнилось удивленіе его въ сокрушеніе, и предвидя будущее свое отъ нея страданіе, началъ нечувствительно взирать на нея съ нѣкоторымъ страхомъ. Между тѣмъ герцогъ д' Инфантаде подумалъ, что королева ожидаетъ изъ учтивости, чтобъ Донъ Карлосъ велѣлъ ѣхать, а принцъ ожидалъ изъ почтенія ея на то приказанія. будучи въ такомъ мнѣніи доложилъ онъ королевѣ, что уже время ѣхать, и тѣмъ избавилъ ихъ великаго смятенія, котораго онъ совсѣмъ не чаялъ. Принцъ сѣвши въ каретѣ королевиной, не спускалъ во всю дорогу съ нея глазъ, и имѣлъ наилутчей способъ ея разсмотрѣть и себя во все потерять. Королева примѣтила сіе скоро и нѣкое сокровенное мнѣніе, котораго она преодолѣть не могла, возбудило въ ней пріятность, видя изумленіе Донъ Карлоса. Между тѣмъ она не смѣла его разсматривать и онъ глядѣлъ съ начала на нея съ ужасомъ, но напослѣдокъ очи ихъ, убѣгая нѣсколько времени отъ взаимныхъ взоровъ, не могли болѣе снести сего принужденія, и какъ нечаянно оные встрѣтились, то были они уже не въ силахъ ихъ отвратить.

Посред-

Посредствомъ сихъ вѣрныхъ пересказателей изъяснилъ Донъ Карлосъ королевѣ все, очемъ онъ съ нею говорить желалъ. Онъ увѣрилъ ея, множествомъ печальныхъ и любовныхъ взглядовъ, о неопреодолимой своей страсти. Сердце сего принца, сокровеннымъ желанїемъ исполненное, и сокрушенїемъ о его несчастїи утѣсняемое, не могло болѣе снесть, чтобъ не возъимѣть втомъ облегченїя, и онъ заключая изъ робкихъ и утомленныхъ королевиныхъ взглядовъ, что она его понимаетъ, такъ чувствительно возрадовался, что на нѣсколько времени предалъ забвѣнїю благополучїе своего родителя и собственное свое несчастїе. Сїе удовольствїе произвело въ немъ такїя веселыя мысли, какихъ онъ не уповалъ имѣть при первомъ приступленїи къ королю и королевѣ: напротивъ того сїя принцесса бѣдучи такъ углубилась въ задумчивость, что и присутствїе будущаго ея супруга не могло ея отъ оной свободить. По прибытїи въ Мадритъ, и по принятїи ея королемъ при выступленїи изъ кареты, окончавши надлежащїя учтивости, въ таковыхъ случаяхъ обыкновенно бываемыя, смотрѣла она на короля весьма пристольно, не зная и сама что она дѣлаетъ; будто бы хотѣла видѣть, не примѣтитъ ли онъ ея безпокойствїя. * Король догадываясь о подлинной причинѣ ея смятенїя, спросилъ

* Брантомъ въ извѣстїи о сей королевѣ.

у нея печальнымЪ видомЪ: не тому ли вы удивляетесь что у меня ужè волосы сѣдые? Сіи слова, присутствующіе при семЪ пріемѣ, почли худымЪ предвѣщаніемЪ, и сЪ того самаго времени стали думать, что союзЪ двухЪ между собою толь различныхЪ особЪ не будетЪ благополученЪ.

Гишпанской дворЪ уповая, что прославленіе красоты сей принцессы, было обыкновенное превозношеніе вЪ угожденіе государямЪ, пришелЪ вЪ изумленіе, видя, что все обЪ ней сказыванное было несравненно менше истиннаго. Сія принцесса родилась пригожа, а при семЪ случаѣ была она вЪ самомЪ цвѣтѣ совершенной красоты по лѣтамЪ ея возраста. Всѣ красавицы не могутЪ тронуть вообще всѣхЪ сердецЪ; напротивЪ того королева, какЪ народомЪ, такЪ и при дворѣ была равно почитаема. При каждомЪ публичномЪ ея выходѣ чувствовали предстоящіе новыя прелести и невозможно было видя ея не любить, такЪ что и по нынѣ есть при ГишпанскомЪ дворѣ пословица,* что не было ни одного разумнаго человѣка, которой бы видя ея любовію не воспламѣнился. НапослѣдокЪ, естьли то правда, что красота есть природна владѣющимЪ особамЪ, то можно сказать, что не было никогда королевы, кромѣ ея

---

* БрантомЪ вЪ своей похвалѣ.

ся. И потому невозможно, чтобъ счастливой супругъ ею зараженъ не былъ. Всѣ поступки сей принцессы казались ему чувствительны. Онъ находилъ всегда пріятность къ любьви привлекающую, и его какъ отъ гордой строгости Гишпанской въ собраніи, такъ отъ неистовой ихъ угрюмости въ уединеніи отвращающую. Онъ удивлялся иногда своему благополучію, разсуждая о семъ только самъ въ себѣ; но почиталъ напротивъ того непристойнымъ его величавости, чтобъ показать молодой королевѣ свою слабость. Естьлибъ она имѣла о томъ хотя нѣкое знаніе, тобъ конечно оставила свое мнѣніе о малой повѣренности къ ней ея супруга, о строгихъ его поступкахъ и о непремѣнномъ наблюденіи по обычаю Гишпанскому въ оказаніи ей всѣхъ ласканій только въ то время, когда къ покою удаляются, будто бы онъ опасался, чтобъ она не увидѣла не только его въ то время, когда къ нему прочіе люди допускаются, но и въ самыхъ дѣлахъ маловажныхъ. Сіи поступки по видимому столь противныя, и столь удаленныя отъ пріятности разсѣянныхъ мыслей обыкновенно съ удовольствіемъ страсти совокупленной, не соотвѣтсвовали со мнѣніемъ, которое имѣла королева о счастливой жизни, какую новосочетавшіеся въ взаимной любви имѣть должны. Она почитала, что супругъ ея только тѣлесно ей предань,

данЪ, а что духЪ его исполненЪ превозношеніемЪ, и помышленіемЪ о дѢлахЪ политическихЪ. Между тѢмЪ онЪ такЪ жестоко ея любилЪ, что либо удовольствіемЪ его желанія страсть его ни мало не уменшилась но еще умножилась (вЪ противность тому, что большая часть мужей пользуясь властію желаніе ихЪ насыщающею и видя сокровенныя пріятности, и совсѢмЪ новыя красы, разгражаются,) либо единственно любовь его тѢмЪ силнѢе умножалась, что онЪ себя принуждалЪ скрывать оную.

Между тѢмЪ ДонЪ КарлосЪ былЪ вЪ ужасномЪ безпокойствіи, чтобЪ узнать ему, какія мысли королева обЪ немЪ имѢетЪ. Хотя казалось ему, что когда она на него смотрѢла, являлось вЪ очахЪ ея сокровенное и страстное смятеніе, котораго при другихЪ случаяхЪ вЪ оныхЪ было не видно; однако онЪ недовѢрялся тому, что онЪ видѢлЪ. Сколь ни велика была его нетерпѢливость получить вЪ томЪ изЪясненіе, но продолженіе брачнаго торжества препятствовало ему не малое время о томЪ сЪ нею на единѢ переговорить. НапослѢдокЪ счастіе угождающее намѢреніямЪ, несчастливыя слѢдствія приуготовляющимЪ, подало ему нечаянной кЪ тому случай.

Король прибылЪ не за долго до королевы вЪ МадритЪ не воздавЪ послѢдней чести тѢлу родителя своего цесаря Карла V, лежавшему вЪ нѢсколь-

нѣсколькихъ верстахъ отъ Мадрита въ Іеронимскомъ монастырѣ, гдѣ онъ прекратилъ жизнь свою. Королева охотно согласилась ѣхать туда съ супругомъ своимъ, дабы видѣть мѣсто за лутчее во всей Гишпаніи почитаемое. Іеронимиты С. Юста имѣютъ положеніе въ долинѣ при въѣздѣ въ Естремадуру, простирающейся вдоль по обѣимъ берегамъ рѣки Гвадіаны отъ границъ Кастиліанскихъ, даже до Португальскихъ. Сія долина окружена холмами весьма высокими, гдѣ и не на весьма плодоносныхъ мѣстахъ произрастаютъ деревья во всѣ времена года зеленѣющія. Множество ручьевъ изъ сихъ лѣсовъ исходящихъ, по многихъ обращеніяхъ впадаютъ въ рѣку по долинѣ протекающую и земля напояемая толикимъ множествомъ текучей воды поспѣшествуетъ всегда къ произращенію въ семъ пріятномъ мѣстѣ несказаннаго множества померанцовыхъ, цитронныхъ и прочихъ тому подобныхъ деревъ. Сіи воды посредствомъ тѣни сихъ дикихъ лѣсовъ причиняютъ въ самые жаркіе лѣтніе дни такое прохлажденіе, какого въ прочихъ мѣстахъ никакими трудами искусныхъ людей здѣлать невозможно, а зелень, которою они окружены, такъ живо въ нихъ изображается, что живописью такъ искусно оная никогда еще не представлялась. Дворъ прибывъ въ сію пустыню, которая прославилась особливо житіемъ въ оной Карла V.

по

по отправленіи надлежащей божіей службы, захотѣлось Королю видѣть молодаго монаха, котораго родитель его весьма любилъ, любопытствуя между прочимъ, чтобъ узнать ему о началѣ сей дружбы. Ему разсказывали, что цесарь ходя по очереди, для возбужденія прочихъ монаховъ, въ одинъ день по утру нашелъ сего монаха, которой не за долго предъ тѣмъ въ сей чинъ вступилъ, толь крѣпко спящаго, что онъ едва его разбудить могъ: что сей монахъ вставши напослѣдокъ съ досадою и не разгуляясь еще отъ сна, сказалъ ему, чтобъ пора уже ему удовольствоваться нарушеніемъ покоя въ мірѣ, когда онъ въ немъ находился, не приходя обезпокоивать тѣхъ, которые уже отреклись отъ онаго, и что сей отвѣтъ такъ понравился цесарю, что онъ съ того времени всегда его любилъ. По нѣкоторыхъ другихъ разговорахъ всѣ бывшіе розошлись по сей пріятной пустынѣ, а королева утрудясь отъ пути была почти одна съ Донъ Карлосомъ, а оставшіе при нихъ не имѣли такого достоинства, чтобъ смѣли вмѣшаться въ ихъ разговоры. Донъ Карлосъ обрадуясь сему случаю, предложилъ ей, чтобъ отдохнуть въ небольшой померанцовой рощѣ, находившейся за покоями скончавшагося цесаря. По прибытіи туда, принцъ опасаясь, чтобъ ему не помѣшали, началъ тотчасъ говорить съ такими вольными мыслями, которымъ онъ самъ

удивля-

удивлялся, и которыя лишили почти королеву подозрѣнія о его намѣреніи. Съ начала просилъ онъ ея неотступно, чтобъ она терпѣливо выслушала то, очемъ онъ говорить станетъ и повѣрила бы, что онъ ея ниочемъ, кромѣ сего больше утруждать не будетъ, потомъ представлялъ ей, чтобъ она вспомнила, что была его невѣстою и подумала бы, какое дѣйствіе произвела толь пріятная надежда въ его мысляхъ. Вы милостивая государыня, продолжалъ онъ, легко разсудить можете, что присутствіе ваше не истребило сей заразы; я же чувствую, что оная и никогда не истребится. Королевѣ съ начала было пріятно видѣть человѣка открывающаго ей свои страстныя мнѣнія, каковыхъ ей никто еще оказывать не осмѣлился, но потомъ разсуждая о словахъ Донъ Карлоса, познала силу оныхъ, и вообразя себѣ бѣдственное состояніе сего принца, искренно объ немъ сожалѣла. Она призналась ему, что вкоренившееся въ ней въ то время, когда была она назначена быть его супругою, къ нему почтеніе, не дозволяетъ ей, чтобъ не принять участія въ его страданіи, ни отрещись отъ изъявленія ему возможнаго утѣшенія, безъ нарушенія своей должности. Принцъ отвѣтствовалъ, что онъ ничего больше не требуетъ, какъ только, чтобъ съ нею видѣться и разговаривать: но королева опасаясь, дабы не выговорить ей больше, нежели она хотѣла, при

сихъ

сихъ словахъ встала и пошла къ идущимъ къ нимъ принцу Пармскому и Рюи Гомецу, сказавъ только Донъ Карлосу, естьли онъ хочетъ разумнѣе поступить, и когда онъ ея искренно любитъ, тобъ лутче ему ея убѣгать, нежели стараться о свиданіи съ нею. Донъ Карлосъ былъ весьма доволенъ тѣмъ, что удалось ему изъясниться о своей страсти, и онъ съ того часа казался столь же веселъ, сколь до того времени былъ безпокоенъ. Сіе королева скоро примѣтила. А какъ любовь не только подъ разумными и добродѣтельными образы, но и подъ всякими видами скрываясь, вкрадыдается въ сердце, то почла королева нужнымъ, для предосторожности и для показанія великодушія, таить страсть сего принца. Въ такихъ мысляхъ не могла она удержаться, чтобъ не изъяснить принцу, что премѣну его нрава, почитаетъ она дѣйствіемъ его скромности. Донъ Карлосъ при первомъ свиданіи, по возвращеніи двора въ Мадритъ, осмѣлися ей о томъ напомнить, обнадеживая ея съ отмѣннымъ веселіемъ, что нѣтъ такого нрава, ни такихъ поступокъ, его природѣ противныхъ, къ исполненію которыхъ страсть его не могла бы принудить. Послѣ чего съ несказанною радостію оказывали они другъ другу всевозможную повѣренность. Донъ Карлосъ разсказывалъ королевѣ о всемъ томъ, что въ сердцѣ и мысляхъ его происходило, съ самаго того времени,

какъ

какъ онъ объ ней услышалъ, а она напротивъ того о всѣхъ обстоятельствахъ, въ ея малолѣтствѣ случившихся, которые разговоры имъ столь же были пріятны, сколь бы показались они скучны людямъ равнодушнымъ. Но какъ дошло до воспріятаго намѣренія о ихъ бракѣ, то не изъяснила она мыслей своихъ при томъ случаѣ имѣвшихъ, съ такою откровенностію, съ какою говорилъ принцъ о своихъ, но принужденіе въ томъ ею оказываемое, расказывало объ оныхъ больше, нежели она о томъ таить желала. Въ сихъ то пріятныхъ разговорахъ, препровождали они время, въ которое имъ на едине вмѣстѣ быть случалось, пока счастіе не хотя болѣе имъ благопріятствовать, привело Донъ Карлоса въ такія обстоятельства, которыя были первоначальною причиною ихъ злополучія.

Изъ всѣхъ женщинъ, въ коихъ красота королевина возбудила зависть, имѣла больше всѣхъ причины ее ненавидѣть принцесса д' Еволи. Она была при дворѣ всѣхъ пригожѣе и разумнѣе, и какъ по причинѣ сего, такъ и потому что супругъ ея Рюи Гомецъ былъ у короля въ великой милости, почиталась она первою. Она любила не токмо величавость, но и забавы. И какъ она въ приобрѣтеніи всего, полагалась на красоту свою и на разумъ, то воспріяла было намѣреніе учинить поискъ надъ

сердцемъ короля своего: но по уничтоженіи онаго красотою королевиною, вознамѣрилась она преклонить въ любовь Донъ Карлоса, не думая найти въ сердцѣ сыновнемъ такихъ препятствій, какія оказались въ ея успѣхѣ у родителя. Рюи Гомецъ будучи оберъ гофмейстеромъ сего принца жилъ съ нимъ въ однихъ покояхъ. Принцесса д' Еволи кромѣ сего способа къ свиданію съ Донъ Карлосомъ, часто имѣла случай къ оказанію ему услугъ въ примиреніи его съ своимъ супругомъ, съ которымъ онъ имѣлъ ссоры по всякой день. Донъ, Карлосъ видя ея отомъ отмѣнное стараніе имѣлъ втомъ великое признаніе и обходился съ нею откровенно. Сіи желаніямъ ея соотвѣтствующія обстоятельства увѣряли принцессу о совершеніи ея предпріятія, и она въ скорѣ сыскала случай уловить сего принца. Страстное почтеніе къ королевѣ возбудило въ немъ нѣкое презрѣніе ко всѣмъ прочимъ женщинамъ, а притомъ извѣстно, что большая часть молодыхъ людей таковаго достоинства любятъ насмѣхаться надъ всѣми, и лести тѣхъ, кои ихъ превозносятъ, приучаютъ ихъ больше къ таковымъ досадительнымъ забавамъ, нежели къ исправленію. Донъ Карлосъ имѣвшей также недостатки по лѣтамъ и достоинству его, ему свойственные, а принцъ Пармской, которой былъ его еще моложе и невоздержнѣе, забавлялись таковыми шутками съ знатнѣйшими

жен-

женщинами, которыя приносили на нихъ въ томъ жалобу, такъ что принцесса д' Еволи едва могла уговорить Рюи Гомеца, что онъ не донесъ отомъ королю. Того же вечера будучи она одна въ кабинетѣ съ Донъ Карлосомъ, начала ему выговаривать о маломъ его почтенiи къ женщинамъ, и производя разныя отомъ шутки, заключила тѣмъ, надобно, чтобъ дружба, которую я къ вамъ имѣю, была велика, чтобъ простить вамъ такую поступку. Принцъ не предъузная, къ чему она его влечетъ, и будучи изъ благодарности принужденъ оказывать ей отмѣнную дружбу, отвѣтствовалъ ей смѣясь, что она больше чаянiя своего имѣетъ причину за него вступаться, потому что малое его почтенiе къ прочимъ женщинамъ происходитъ отъ того, что все возможное его почитанiе къ женскому полу къ ней одной обратилось. Принцесса веселясь сими словами, которыя почла она объявленiемъ любьви, отвѣтствовала ему такимъ образомъ, что онъ узналъ ея желанiе и свою ошибку. Вдругъ думалъ онъ употребить сей случай въ пользу. Ему казалось, что такое преступленiе вѣрности весьма простительно. Сiя принцесса была изъ числа такихъ женщинъ, которыя хотя не красавицы, но причиняютъ больше заразъ, нежели самыя красавицы: но сколь она была ни опасна, однако Донъ Карлосъ былъ объятъ страстiю, которую имѣлъ онъ къ

 коро-

королевѣ. Въ самую ту минуту вообразилась она ему въ мысляхъ со всѣми пріятностями и кротостію, которыя представляли ему всѣхъ прочихъ красавицъ въ сравненіи съ нею недостаточными, и пріятность сего воображенія возбудила въ немъ презрѣніе къ принцессѣ, которая того ни мало не ожидала. Однако онъ поиски ея сколько возможно наиобязаннѣйшимъ образомъ принялъ, не отвѣтствуя ничего на оныя: но она узнала, что онъ оказываетъ ей любовь, которой онъ дѣйствительно не имѣетъ. Женщина видя себя въ таковыхъ обстоятельствахъ, не забываетъ ихъ никогда, и не воспоминаетъ ихъ, какъ только съ яростію, естьли не будетъ имѣть причины воспоминать съ веселіемъ. Дѣйствія произведенныя сею яростію въ сердцѣ принцессы д' Еволи скажутся изъ слѣдующаго. Между тѣмъ любовь сжалясь о ея приключеніи, возвела новое дѣйствующее лице на театръ сего двора, дабы исправить недостатокъ Донъ Карлоса.

Донъ Жуанъ Австрійскій побочной сынъ Карла V. взятъ королемъ почти въ самое сіе время, изъ рукъ знатнаго Гишпанца, которой его воспиталъ вмѣсто своего сына. Хотя сей молодой принцъ всегда почиталъ себя сыномъ онаго, но былъ такъ гордъ, и честолюбивъ, какъ будто бы онъ зналъ о своей природѣ. Такъ что когда оной Гишпа-

нецѣ, котораго почиталѣ онѣ отцемѣ, палѣ ему вѣ ноги предѣ представленіемѣ его королю; то Донѣ Жуанѣ смотрѣлѣ на него тогда сѣ такимѣ спокойствіемѣ, какѣ будтобы онѣ давно ужѐ ожидалѣ той премѣны. Новой чинѣ, вѣ которомѣ не находилѣ онѣ ничего, чтобѣ превосходило его познаніе, не смущалѣ его ни мало и весь дворѣ пришелѣ вѣ удивленіе, видя, что сынѣ Донѣ Луиза Квисчіада меньше получаса привыкѣ показывать себя сыномѣ цесарскимѣ. Сей новой принцѣ, будучи не такого нрава, дабы имѣть надлежащія осторожности кѣ сохраненію сердца своего отѣ прелестей королевиныхѣ, увидя ее тотчасѣ влюбился, Либо сія страсть льстила суетнымѣ его мыслямѣ, либо надѣялся онѣ посредствомѣ ее вспомоществовать своему благополучію, что онѣ почувствуя оную, ни мало не старался о ея истребленіи. И какѣ онѣ природное имѣлѣ притворство, то не трудно ему было скрыть угожденія имѣ королевѣ оказываемыя, подѣ видомѣ хожденія кѣ ней на поклонѣ. Частое его посѣщеніе безпокоило весьма Донѣ Карлоса, и хотя сія принцесса старалась его увѣрить, что она весьма довольна симѣ препятствіемѣ ихѣ свободнымѣ разговорамѣ, потому что она не столько будетѣ подвержена его любовнымѣ предложеніямѣ; однако сѣ самого того времени возненавидѣла она Донѣ Жуана, не желая изслѣдовать тому причины.

Нѣтъ въ жизни такого случая, въ которомъ бы притворство больше силы имѣло, и въ которомъ бы было трудняе притворяться, какъ въ любьви. Принцъ не могъ всегда преодолѣвать своей печали, присутствїемъ Донъ Жуана ему причиняемой, такъ чтобъ Донъ Жуанъ не могъ совсѣмъ того примѣтить: и какъ ничто проницательнѣе соперниковыхъ очей быть не можетъ, то тотчасъ узналъ онъ причину оной. Сїе познанїе возбудило въ немъ несказанное любопытство, дабы свѣдать извѣстна ли страсть сего принца королевѣ, и не соотвѣтствуетъ ли она оной. А дабы оное за подлинно узнать, вознамѣрился онъ оказывать любовь француженкѣ при королевѣ находившейся, которая собою была пригожа, чтобъ тѣмъ скрыть лутче свое притворство, и которая по видимому больше прочихъ женщинъ къ ней доступъ имѣла. Онъ употребилъ все возможное къ склоненїю ея на свою сторону, но не могъ вывѣдать желаемой тайности, которой она и сама незнала, потому что королева не только что ни кому оной повѣрить не хотѣла, но желала, когдабъ можно было, и отъ самой себя скрыть. Онъ умышленно разговаривалъ съ оною дѣвушкою, чтобъ оставлять Донъ Карлоса съ королевою однихъ, которой нечувствительно становился такъ спокоенъ, каковъ онъ до того не былъ. Онъ думалъ, что когда есть между ими согла-

гласіе, что онъ того не узнаетъ, когда въ ихъ разговоры вступать будетъ, затѣмъ что они его станутъ остерегаться, и что его частое посѣщеніе приведетъ его больше въ ненависть; но повѣренность ихъ хотѣлось ему страстно узнать. Королева казалась такъ скромна, что онъ отчаялся въ томъ у нея успѣть и для того вознамѣрился онъ приобрѣсть оную у принца, котораго вольной и нескрытной нравъ предвѣщалъ ему больше удачи. Въ такомъ намѣреніи перемѣнилъ онъ совсѣмъ свои поступки. Онъ сталъ съ нимъ обходиться не такъ какъ надобно дядѣ, чѣмъ и приобрѣлъ больше почтенія отъ придворныхъ. И такъ искусно наблюдалъ всѣ случаи въ похвалѣ хорошихъ свойствъ Донъ Карлоса, что сей принцъ, которому такія похвалы не казались подозрительными, потому что онъ почиталъ себя оныхъ достойнымъ, сталъ нечувствително вѣрить, что дядя его любитъ. Потомъ Донъ Карлосъ восприялъ къ нему во всемъ великую повѣренность; но какъ оная у честныхъ людей, прямую любовь имѣющихъ, не простирается даже до любовныхъ тайностей, когда они пріятной пріемъ имѣютъ, то и сей принцъ хотя напослѣдокъ во всѣхъ дѣлахъ открывался дядѣ своему, токмо кромѣ того, о которомъ онъ вѣдать хотѣлъ.

Донъ Жуанъ, отчаявшись оное самъ спознать вознамѣрился посовѣтовать о томъ съ такимъ,

кто бы въ такихъ дѣлахъ былъ его по искуснѣе. А какъ сей принцъ былъ собою весьма пригожъ и статенъ, то онъ понравился съ самаго начала принцессѣ д' Еволи, которая не знала, что всѣ ея намѣренія были уничтожаемы королевою. Но она не такъ препятствовала втомъ сему принцу, какъ прочимъ: ибо Донъ Жуанъ былъ изъ числа тѣхъ счастливыхъ людей, которыхъ трогаетъ красота, только для полученія веселія отъ оной раждающагося, къ чему въ красотѣ принцессы д' Еволи не малая надежда являлась, и оная покрайней мѣрѣ заразила его чувства, естьли не достигла подобно королевиной до сердца. Впрочемъ разсуждалъ онъ о сей принцессѣ, что наставленія ея могутъ ему много вспомоществовать при такомъ дворѣ, гдѣ для него всѣ дѣла были новыя. Онъ предупредилъ своими привѣтствіями въ засвидѣтельствованіи склонности, которую она ему показать желала и при первомъ ея оказаніи оной, изъявилъ такую радость, что она довольно узнала изъ того, что онъ впредь съ большею горячностію ея желаніямъ будетъ соотвѣтствовать. И такъ въ скоромъ времени свели они знакомство, которое тѣмъ было пріятнѣе, что сердце въ ономъ не великое имѣло участіе, и потому не препятствовало веселіямъ, ни ревностію, ни другими нѣжными безпокойствіями отъ жестокой страсти происходящими. Донъ

Донъ Жуанъ обходясь такимъ образомъ съ принцессою д' Еволи, вознамѣрился ей открыться, сколько зналъ онъ о страсти Донъ Карлоса. Можно легко узнать радость, какую почувствовала она получа сїе извѣстїе. Она была столь объята оною, что не разсуждала ни мало, какое имѣлъ участїе Донъ Жуанъ въ сердцѣ королевы, но совѣтовала ему только, чтобъ онъ не преставалъ примѣчать всего, потому что сколь бы кто остороженъ ни былъ, нельзя, чтобъ иногда не позабылся, естьли дѣйствительно влюбленъ, а сама не разсматривала того, какое въ томъ дѣлѣ имѣетъ онъ участїе; напротивъ чего и онъ не прилагалъ старанїя узнать, для чево она ему толь ревностно втомъ вспомоществовать обѣщала. Онъ думалъ, что то дѣлала она только ему въ угожденїе, и по любопытству обыкновенно женскому полу сродному. Кажется, что такїя просвѣщенныя особы могли бы скоро узнать, для какой причины онъ оное свѣдать желали, когда бы не воспрепятствовалъ имъ втомъ нечаянной случай, которой опровергъ всѣ ихъ намѣренїя отдаленїемъ Донъ Карлоса отъ двора, очемъ не начавъ гораздо выше изъяснить не можно.

(*) Между разгласившимися слухами о сложенїи цесаремъ короны, былъ наистраннѣйшей,

Ч 5 буд-

* Тийде Ту, Обинье и пр.

будто бы протестанты имѣя съ нимъ безпрестанное обхожденіе въ Германіи склонили его принять ихъ мнѣнія, и что онъ вдался въ уединеніе, дабы получа тѣмъ вольность, окончить остатки своей жизни, упражняясь въ кротости соотвѣтствующей его тайнымъ мнѣніямъ. Сказываютъ, что онъ раскаявался всегда отомъ, что поступалъ жестоко съ тѣми храбрыми принцами сей религіи, которыхъ жребіи оружія подвергнулъ его власти. Добродѣтельныя ихъ поступки, въ ихъ несчастіи, причиняли ему стыдъ о его благополучіи и произвели въ немъ нечувствительно почтеніе къ ихъ мнѣніямъ. Онъ не поносилъ болѣе той религіи, которой, такіе знатные люди, почитали за честь жертвовать все то, что за драгоцѣннѣйшее въ свѣтѣ почитается. Сія склонность оказалась особливо избраніемъ его подозрительныхъ въ развращеніи людей, для дѣлъ духовныхъ, такъ какъ доктора Какалла ево проповѣдника, Толедскаго Архіепископа, а особливо Константина Понса Дросскаго Епископа и ево духовника. Потомъ найдены въ кельѣ, въ которой онъ скончался въ С. Юстѣ, разныя писанія ево руки о откровеніи и о благодати, которыя не весьма разнствовали отъ ученія протестантскаго. Всево болѣе подтверждала сіе мнѣніе ево духовная. Въ оной совсѣмъ почти не было упомянуто ни о поминовеніи ни о молитвахъ, и сочинена была

такъ

такъ несходно съ духовными ревнительныхъ католиковъ, что Гишпанская Инквизицїя уповала имѣть право зато вступиться; однако не осмѣлилась учинить того до прибытїя королевскаго: но сей государь по прїѣздѣ своемъ въ сїе государство велѣлъ слѣдовать, всѣхъ сообщниковъ новаго мнѣнїя, а Инквизицїя получа ево примѣромъ болѣе смѣлости начала обвинять прежде Толедскаго Архиепископа, потóмъ цесарскаго проповѣдника, а наконецъ Константина Понса. Когда Король приказалъ ихъ всѣхъ трехъ посадить въ тюрму, то народъ почиталъ ево на то согласїе за особливой знакъ ревности къ истинной вѣрѣ: но всѣ прочїя Европейскїя Державы не годовали, что духовникъ цесаря Карла, въ рукахъ котораго сей государь скончался, преданъ жесточайшимъ и посрамительнѣйшимъ истязанїямъ, руками короля ево сына. По окончанїи суда обвиняла Инквизицїя сихъ трехъ особъ, что будто они имѣли участїе въ сочиненїи духовной цесаря Карла V. и имѣла дерзновенїе осудить ихъ на сожженїе вмѣстѣ съ оною цесарскою духовною. Король тронутъ былъ симъ приговоромъ, какъ громовымъ ударомъ. Зависть о славѣ его родителя возбудила въ немъ нѣкоторое удовольствїе, видя ево память подверженну сему безчестїю, но разсмотря слѣдствїя сего умысла препятствовалъ онъ исполненїю онаго тихими

ми и тайными способами, дабы сохранить честь Инквизиціи и не учинить ни малѣйшаго ущерба во власти сего духовнаго суда. Что касается до Донъ Карлоса, то онъ по полученіи о семъ дѣлѣ перваго извѣстія, обратилъ оное въ шутку; но видя, что Инквизиція продолжала гоненіе, оказывалъ пристойную чувствительность о памяти цесаря. Для познанія особливаго ево въ томъ участія, надлежитъ вѣдать, что сей великій мужъ имѣлъ между прочими героическими добродѣтелями и сію, что умѣлъ совершенно распознавать людей, и для того имѣлъ великую надежду о своемъ внукѣ. По отъѣздѣ ево въ Гишпанію, взялъ онъ ево съ собою: и въ семъ то изрядномъ училищѣ премудрости и великодушія утвердился Донъ Карлосъ въ природной своей любьви къ славѣ, и къ героической добродѣтели. Желаніе соотвѣтствовать пристойнымъ образомъ, попеченіямъ сего славнаго учителя, привело въ зрѣлость разумъ его прежде времени и произрастило неожидаемые плоды въ таковыхъ лѣтахъ. Цесарь усмирилъ запальчивость и горячность Принца съ такимъ искуствомъ и хитростію, что воздержалъ его очевидно отъ того въ короткое время. Но какъ онъ опасался, чтобъ сія великая горячность не превратилась во зло, естьли ее совсѣмъ искоренить, то далъ онъ ему потребную свободу, обращая ее къ славѣ,

о которой сказать можно, что сей мудрой учитель препоручилъ всѣ ея прелести, сильнымъ желанiямъ своего ученика.

Легко разсудить можно, что сiе воспитанiе влiяло въ Донъ Карлоса чрезвычайную любовь къ цесарю его дѣду, и принцу бы весьма чувствительно было, естьлибъ захотѣли помрачить память сего славнаго мужа. Донъ Жуанъ и принцъ Пармской имѣя съ нимъ въ сей хвалы достоиной памяти равное участiе, были не меньше огорчены. Они хулили всѣ трое слабость короля, которой не противился сей непристойности съ такою жестокостiю, какой они желали, и для того возъимѣли они къ нему презрѣнiе, продолжавшееся до самой ихъ кончины. Но какъ они еще по молодости не знали, что самодержавные короли не имѣютъ такихъ правъ, которыя бы были столь святы въ сердцахъ народа, какъ права вѣры, то говорили они явно о предпрiятiяхъ Инквизицiи съ такою смѣлостiю, какую только могутъ имѣть люди такова достоинства въ толь справедливомъ дѣлѣ. Они грозили истребить сей духовной судъ и его происки. Народъ услыша о семъ ихъ огорченiи хитростiю Инквизиторовъ, и не видя еще никогда тому подобнаго съ основанiя оной, весьма о томъ соболѣзновалъ. Король предвидѣлъ важность

ихъ

ихъ гнѣва, но зная, что принцы и противъ его столь огорчены были, что хулили его поступки не хотѣлъ имъ самъ отомъ говорить, опасаясь чтобъ не получить отъ нихъ неучтиваго отвѣта. Рюи Гомецъ, которому поручилъ онъ сію комисію, исправилъ оную съ такимъ усердіемъ, какого важность сего дѣла требовала. Донъ Жуанъ и принцъ Пармской, кои съ природы обладали собою лутче, нежели Донъ Карлосъ, склонились на его увѣщанія. И какъ честолюбіе было главною ихъ страстію, то имѣли они крайнѣе сожалѣніе, что учинили толь великое препятствіе своему счастію, и навлекли на себя ненависть Инквизиторовъ, а потомъ и народа. Напротивъ того Донъ Карлосъ будучи тѣмъ увѣщаніемъ еще болѣе огорченъ, признавалъ справедливымъ свое негодованіе. Между тѣмъ докторъ Какалла сожженъ живой съ статуею представляющею Константина Понса, которой умеръ предъ нѣсколькими днями въ тюрмѣ. Король принужденъ былъ согласиться на сію казнь, дабы тѣмъ склонить Иинквизицію, чтобъ Толедской Архиепископъ былъ позванъ въ Римъ, и чтобъ не говорили болѣе о духовной цесаря.

Сіе примиреніе успокоило Донъ Карлоса, но не усмирило Инквизиторовъ, потому что такіе люди другимъ никогда не прощаютъ.

Они

Они произвели въ народѣ такое роптанїе, что какїя старанїя король ни употреблялъ, однако не могъ успокоить онаго, пока не отдалилъ на нѣсколько времени принцовъ. Алькальской университетъ былъ тогда въ наилутчемъ состоянїи, такъ что всѣ знатные люди, кои прїѣжжали въ Гишпанїю, сїю славную академїю съ немалымъ удивленїемъ посѣщали. Король подъ тѣмъ видомъ, что и принцы имѣютъ тожъ любопытство, старался ихъ отправить наискорѣе. Сверхъ того принцу Пармскому надлежало ѣхать въ скоромъ времени въ провожанїи графа Егмонта въ Фландрїю, для вступленїя тамъ въ супружество. Донъ Карлосъ услыша о семъ намѣренїи, и видя, что принужденъ оставить королеву, началъ понимать ту бездну, въ которую онъ себя ввергъ, и горячность ево любви произвела въ немъ раскаянїе о его поступкѣ, котораго бы желанїе безопасности и великости въ немъ никогда не произвело. Король не могши растаться съ рюи Гомецомъ приказалъ графу Егмонту остаться вмѣсто сего наперстника при принцахъ во время Алькальскаго путешествїя. Сей графъ былъ одинъ изъ славнѣйшихъ генераловъ своего времени. Онъ прославился въ послѣдней войнѣ въ баталїяхъ бывшихъ при С. Квинтенѣ и Гравелинѣ, и изъ всѣхъ великихъ людей, коихъ произвело ученїе Карла V. ни одинъ не имѣлъ болѣе его участїя въ похвалѣ сего Цесаря. Герцогиня Пармская

ская предвидѣла ту бурю, которая возставала съ того времени въ провинціяхъ, въ которыхъ король ея братъ поручилъ ей правленіе. Она резсудила за благо представить ему тѣ неудобности, кои произойти могутъ отъ новостей, кои онъ тамъ начать намѣренъ. Сіи обстоятельства требовали знатнаго и при томъ подобнаго графу Егмонту человѣка, обыкшаго говорить государямъ съ такою благородною вольностію, которая имъ весьма полезна, и къ которой не много людей способныхъ сыскать можно. Донъ Карлосъ любя съ природы людей отмѣнныхъ дарованій, принудилъ графа расказывать во время дороги, о послѣднѣй батаніи, въ которой онъ командовалъ. Графъ радуясь ево любопытству, совершенно ево въ томъ удовольствовалъ, а Донъ Карлосъ оказывалъ крайнюю нетерпѣливость, видѣть себя въ такомъ состояніи, въ которомъ бы могъ произвесть дѣла подобныя тѣмъ, о которыхъ онъ слышелъ. Онъ обнадежилъ графа Егмонта, что естьли Фландрійскія безпокойствія дойдутъ до открытой войны, такъ какъ правительница уповаетъ, то ничто не удержитъ его ѣхать въ сіи провинціи, дабы будучи съ нимъ вмѣстѣ, искуству ево научиться. Путешествіе принцовъ не долго продолжалось. Городъ Алькала подарилъ Донъ Карлосу весьма дорогую лошадь, которая была столько же бѣшена, сколько хороша.

Принцъ

Принцъ желая видѣть ея бѣгъ, былъ весьма недоволенъ тѣми, кои на ней ѣздили, и для того самъ на нее сѣлъ. Лошадь, которая ужѐ и безъ того весьма была разгорячена, начала, какъ скоро принцъ ударилъ ее шпорами, съ такою свирѣпостїю бить, что Донъ Карлосъ разсудилъ за благо съ нея спрыгнуть, но оное ему такъ не удалось, что упалъ за мертво на землю, и пришелъ въ себя ужѐ спустя нѣсколько часовъ. Докторы осмотря рану полученную имъ на головѣ, отчаялись о его жизни. Въ сей крайности послалъ онъ маркиза Поза своего наперстника, для испрошенїя у королевы послѣдняго прощенія. Принцесса д' Еволи пришла къ ней при перьвомъ извѣстїи о семъ приключенїи, дабы увидѣть, какимъ образомъ она оное применитъ. Притворство королевы, которое не было прїуготовлено къ таковому жестокому искушенїю, оставило ее при сей вѣдомости; и хотя уста ея прїобыкшїе молчать, не дозволяли печали ея открыться жалобами; но молчанїе и сокрушенїе показали болѣе, нежели слова̀. Сколь велика ни была ея печаль, однако всѣ извѣстны будучи о прїязни между ею и Донъ Карлосомъ, никто тому не дивился: но принцесса д' Еволи, которая помышляла только о любовныхъ дѣлахъ, не воображала себѣ, чтобъ печаль королевы бы-

Декабря 18. дня.

ла только дѣйствіе дружеской любви. Между тѣмъ народъ будучи уговоренъ инквизиторами, не оказывалъ ни малаго сожалѣнія о семъ несчастіи. Онъ почиталъ сіе за наказаніе божіе изобличающее безбожныя намѣренія Донъ Карлоса. Королева не щадя болѣе ничего, не могла лишить себя того утѣшенія, чтобъ не дать знать принцу о печальномъ состояніи, въ которомъ онъ ее оставляетъ. Она писала къ нему все то, что дружба и отчаяніе могутъ вліять нѣжнаго и чувствительнаго, и отправила маркиза Позу съ такимъ приказаніемъ, чтобъ возвратить ей письмо, естьли прiѣдетъ онъ въ Алькалу ужѐ послѣ кончины Донъ Карлоса.

Сіе письмо произвело въ сердцѣ сего принца такую чрезвычайную радость, что оное ему жизнь возвратило. Когда ужѐ сталъ онъ въ безопасности, то король приказалъ привесть его въ Мадритъ, думая, что народъ успокоится симъ жестокимъ приключеніемъ. Въ первой разъ, какъ увидѣла королева Донъ Карлоса, просила, чтобъ онъ возвратилъ ей письмо; но какія старанія она ни прилагала о полученіи онаго, однако принцъ, которому сей знакъ ея склонности былъ дороже дарованной ему онымъ жизни, вознамѣрился всегда оное у себя хранить, не представляя себѣ, чтобъ сіе письмо подало причину къ пре-

прекращенію его жизни. По пріѣздѣ своемъ нашелъ онъ принцессу беремѣнну, и сія беремѣнность возбудила въ немъ такую ревность, что онъ чинилъ ей толь странные и безумные выговоры, чтобъ другая, кромѣ сей принцессы, подумала, что онъ лишился разума. По совершенномъ его выздоровленіи родила она архигерцогиню Фландрійскую, которая была наслѣдницею какъ красоты и разума, такъ и ея имени. Спустя нѣсколько времени занемогла она опасно оспою, но моленіе народа столь было дѣйствительно, что она освободилась отъ оной не только съ лучшимъ здравіемъ, но стала (*) еще гораздо прекраснѣе прежняго. Донъ Карлосъ едва имѣлъ время оказать ей о томъ свою радость, какъ надлежало ей ѣхать въ Баіону, куда прибылъ Французской дворъ для свиданія съ нею, и гдѣ пріятности ея обхожденія, и разумныя поступки столько же произвели удивленія въ сердцахъ, сколько красота ея причинила безпокойствій въ оныхъ. Донъ Карлосъ взиралъ съ крайнимъ неудовольствіемъ на сіи различныя препятствія, кои предлагала судьба по перемѣнно къ нарушенію обхожденія съ королевою, но сіе послѣднее путешествіе, послѣ котораго не уповалъ онъ болѣе имѣть никакой опасности, ввергло ихъ въ такую напасть, которая нарушила пріятности ихъ жизни, препятствіями, до конца оной непрекратившимися.

* Брантомъ въ извѣстіи о сей королевѣ.

(*) Наварская королева Іоанна д' Албретъ, вдовствующая супруга короля Антона, приняла за нѣсколько времени новое ученіе; и сія принцесса правительствовала подданными своими съ такимъ благочестіемъ, которое служило примѣромъ всѣмъ принявшимъ оное, и съ такимъ правосудіемъ, котораго можетъ быть никогда было не видано при королевскомъ дворѣ. Сына ея, котораго воспитала она въ той же религіи, почитали тогда протестанты во Франціи своимъ защитникомъ. Гишпанцы видя, что требованія сего дома на верхнюю Навару достались сему принцу, воспитанному въ наслѣдственной противъ ихъ ненависти, огорченному разностію закона, и подкрѣпляемому ужасною партіею Гугонотовъ, вознамѣрились для освобожденія отъ сего страха, увесть сего молодаго принца съ королевою его матерью, и съ принцессою его сестрою изъ внутренности ихъ земель, и предать ихъ въ Гишпаніи въ руки Инквизиціи. Начальники католической партіи во Франціи, по согласію съ герцогомъ д' Альбою обязались съ радостію поспѣшествовать столько, сколько отъ нихъ зависѣть будетъ, счастливому успѣху сего предпріятія, дабы лишить Гугонотскую партію великой помощи сего дома. Исполненіе сего умысла поручено было извѣстному злодѣю, капитану Доминику, родомъ изъ бе-

арнія

* Господинъ де Ту.

арнїи, ради совершеннаго его знанїя сей земли. Войску, которое ожидало ...... въ барцелонѣ способнаго вѣтра въ Варварїю, велѣно приближиться къ Таррагонѣ. Изъ сего города легко было провесть тайно чрезъ горы знатной корпусъ конницы, дабы напасть нечаянно на королеву и ее дѣтей въ городѣ По въ беарнїи, въ которомъ имѣли они свою резиденцїю, но безъ всякой защиты, кромѣ сердецъ своихъ подданныхъ. Однако благополучная судбина сего принца уничтожила все сїе злое ихъ предприятїе. Она служила ему, чтобъ быть со временемъ возстановителемъ Францїи и страхомъ Гишпанцамъ. Нѣсколько времени прежде путешествїя въ байону капитанъ Доминикъ получа вспоможенїе отъ нѣкоторыхъ Французскихъ губернаторовъ пограничныхъ провинцїй, расположилъ онъ всѣ дѣла потребныя въ сихъ мѣстахъ, для сего намѣренїя. Послѣ чего отправился онъ въ Гишпанїю для полученїя приказанїя отъ герцога д' Альба, что дѣлать ему съ войсками къ оному предприятїю назначенными. Герцогъ будучи тогда въ Альбѣ, посовѣтуя съ нимъ, отправилъ его къ королю бывшему тогда въ Муцонѣ. Капитанъ ѣхавши туда впалъ въ опасную болѣзнь, и принужденъ былъ остановиться въ Мадритѣ, чрезъ которой городъ должно ему было необходимо ѣхать. Во время ево болѣзни получалъ онъ во всемъ вспоможенїе отъ Француза служителя

королевы, которой былъ ево землякъ, и не зная какъ бы оказать ему за то свою благодарность, проговорился онъ ему нѣкогда, что жизнь ево великой важности, и что попеченія ево будутъ со временемъ богато награждены. Сіи слова произнесены были съ такимъ видомъ, которой принуждалъ думать, что имѣютъ онѣ какое нибудь чрезвычайное основаніе, и возбудили въ семъ Французѣ любопытство къ испытанію той тайности, которую онѣ въ себѣ заключали. Капитанъ, которой либо немогъ ничего отказать человѣку, коему приписывалъ онъ спасеніе своей жизни, либо страхъ смерти вліялъ въ нево нѣкоторое раскаяніе о ево злодѣяніи, либо болѣзнь ево повредила разумъ, заплатилъ за полученныя имъ отъ него услуги открытіемъ своей тайности. Сей Французъ обѣявилъ отомъ въ тотъ же день королевѣ своей государынѣ, бывшей тогда въ Мадритѣ, и имѣвшей тѣсную дружбу съ Наварскою королевою. По получени извѣстія о семъ ужасномъ умышленіи не могла она отъ слезъ удержаться, и въ то время, какъ капитанъ вылѣчился и началъ располагать съ королемъ мѣры до онаго предпріятія касающіяся, послала королева извѣстіе въ беарнъ и въ бурдо, гдѣ была тогда королева ея мать. По отвращеніи таковымъ образомъ сего предпріятія, отправилась королева въ провожаніи герцога д'Альба къ Французскому двору въ баіону.

ону. Сей дворъ раздѣленъ былъ въ двѣ партіи, кои другъ другу столькожъ были противны, сколько онѣ обѣ общимъ своимъ непріятелямъ Гугонотамъ. Хотя онѣ были обѣ католическаго закона, однако одна была гораздо рѣшительнѣе другой. Предводителями оной были друзья герцога д' Альба, первые начальники злаго умысла на беарнской домъ. Сообщники оной партіи, полагая основаніе къ злому умышленію, оказавшемуся спустя десять лѣтъ послѣ того, жили и тогда въ великомъ согласіи съ Гишпанцами: но съ другою партіею, содержавшею сторону королевскую, было совсѣмъ тому противное, предводительницѣю которой была королевина мать Екатерина де Медицисъ. Сія королева почитала вольность за единое намѣреніе своей поступки. Она знала, что всѣ тѣсные союзы съ Гишпанцами были вольности противны и не имѣла повѣренности ни къ королю своему зятю, ни къ ево министрамъ, скрывая оную, сколько благопристойность ей дозволяла. Между тѣмъ, сколь скромна она ни была, однако какъ сообщники герцога д' Альба имѣли съ нею свободное обхожденіе для другихъ дѣлъ, то желая знать причину свиданія ея въ баіонѣ съ Гишпанскою королевою ея дочерью подсылали столько шпіоновъ, что наконецъ точно узнали, что Гишпанская королева уничтожила ихъ предпріятіе: но

не могли понять, какимъ образомъ спознала она оное. Герцогъ д' Альба не могъ думать, чтобъ отъ молодой королевы могло произойти толь важное дѣло. Дружба сей принцессы съ Донъ Карлосомъ казалась ему всегда подозрительною и онъ зналъ, что Донъ Карлосъ его внутренно ненавидѣлъ. Онъ разсуждалъ, что она учинила сіе по согласію съ симъ принцомъ, и почувствуя крайнюю досаду, что учинилъ злодѣяніе безъ пользы, воспріялъ онъ твердое намѣреніе, чтобъ имъ обѣимъ отмстить, что наконецъ ему и удалось. Но Донъ Карлосъ не зналъ ничего о семъ умыслѣ до путешествія въ Баіону, ибо королева ему отомъ прежде не объявила, пока оно всѣмъ ужѐ извѣстно стало. Принцъ ужасаясь осемъ зломъ предпріятіи, не могъ удержаться, чтобъ не сказать въ присутствіи Донъ Жуана и принцессы д' Еволи, что онъ со временемъ жестоко накажетъ тѣхъ, кои подавали королю толь подлые совѣты. (*) Герцога д' Альбу признавали всѣ за начальника сего умысла, а король ничего не дѣлалъ безъ вѣдома Рюи Гомеца. И потому сія угроза касалась только до сихъ двухъ министровъ, а какъ принцесса д' Еволи сказала отомъ Рюи Гомецу своему супругу, то сей наперстникъ думалъ, что ужѐ время утвер-

---

* Маіенъ Тюрке въ Гишпанской Исторіи.

утверждаться противѣ власти, которую принцѣ себѣ присвоять начинаетѣ.

Сіи два министра имѣли при дворѣ равную милость сѣ тѣмѣ только различіемѣ, что можно было сказать, что герцогѣ д' Альба былѣ наперстникѣ королевской, а Рюи Гомецѣ Филипповѣ. Сія равность причиняла иногда между ими несогласіе, но общей интересѣ соединялѣ ихѣ паки. Герцогѣ д' Альба, вѣ вѣдомствѣ котораго состояли всѣ военныя дѣла, зная склонность принца кѣ войнѣ, опасался, чтобѣ не лишилѣ онѣ его оной власти при первомѣ случаѣ начинающейся войны, и чтобѣ не захотѣлѣ принять команды надѣ арміею. Онѣ былѣ увѣренѣ, что Донѣ Карлосѣ не проститѣ ему никогда того дѣла, которое произошло между ими за нѣсколько лѣтѣ. (*) Король собралѣ всѣхѣ Аррагонскихѣ чиновѣ, дабы признали они сына его законнымѣ наслѣдникомѣ Гишпанскаго престола. При сей церемоніи дошло до герцога д' Альба вѣ учиненіи вѣ вѣрности присяги. Герольдѣ приглашалѣ его три раза, но тщетно. Минуту спустя пришелѣ онѣ послѣ своей очереди, для исполненія своей должности, но Донѣ Карлосѣ отвергѣ его сѣ неудольствіемѣ. По принесеніи же

* Кабрера Исторія Филиппа.

симъ герцогомъ извиненія, что его, удержали отъ того важныя дѣла, которыя по чину его требовали неукоснительнаго исправленія, принудилъ король принца принять его оправданіе. Что касается до Рюи Гомеца, то онъ будучи при судебныхъ и камерныхъ дѣлахъ, опасался, чтобъ принцъ, которой былъ съ природы щедръ, не началъ прежде времени жаловать награжденіями, которыхъ послѣ для него и его сообщниковъ не останется. Онъ былъ гофмейстеромъ у Донъ Карлоса, и не могъ инако удовольствовать короля будучи въ семъ достоинствѣ, какъ поступать съ принцомъ съ такою же жестокостію, съ какою поступалъ съ нимъ и король ево родитель. А чтобъ узнать какъ сія суровая поступка была истинными началомъ природной ненависти Донъ Карлоса къ своему родителю, то надлежитъ здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ особливыхъ обстоятельствахъ, кои покажутся можетъ быть маловажными и рабяческими. (*) Лишъ только Донъ Карлосъ началъ приходить въ совершенныя лѣта, то богемская королева ево тетка жившая тогда въ Гишпаніи, приказала жестоко наказать одново изъ ево пажей, котораго онъ больше всѣхъ любилъ, за весьма малую погрѣшность. Онъ отъ того почув-

* Гуго Блазіи I. Г. въ своей Акромѣ.

чювствовалъ не малое огорченіе, и жаловался ей отомъ съ великимъ негодованіемъ, почему сія принцесса погрозила ему розгами, есьтьли онъ отомъ говорить не перестанетъ. Донъ Карлосъ, которому не можно было здѣлать больше обиды, какъ почесть его рабенкомъ, пришелъ въ такую запальчивость, что за сію угрозу ударилъ ее по щекѣ. Какъ скоро она его оставила, такъ скоро узналъ онъ свою погрѣшность, и былъ въ крайнемъ безпокойствіи, когда ево гофмейстеръ пришелъ къ нему проливая слезы. Донъ Карлосъ, которому чрезвычайные предмѣты были подозрительны въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, спросилъ о причинѣ ево плача, и услышалъ, что родитель ево свѣдавъ о ево преступленіи, осудилъ его на смерть. Присутствующіе притомъ примѣтили, что онъ слушалъ сію непріятную вѣдомость съ удивленіемъ, но не оказывалъ никакихъ знаковъ ужаса, кромѣ сего, что спросилъ, не можно ли ему получить милости. Пошли просить о оной, и тотчасъ возвратясь объявили, что получили оную съ тѣмъ только, чтобъ лишиться ему той рукй, которою ударилъ онъ королеву. Хорошо будетъ, вскричалъ онъ, на сіи слова, имѣть короля безъ руки. Ему говорили, что онъ еще весьма счастливъ, что родитель ево довольствуется симъ наказаніемъ: но одинъ

изъ

изъ присутствующихъ господъ предложилъ ему на едине, что, естьли подвергнетъ онъ себя какому нибудь наказанію, то родитель ево можетъ быть будетъ тѣмъ тронутъ и почувствуетъ сожалѣніе. Онъ принялъ сіе предложеніе и послалъ просить кардинала Спинолу, чтобъ онъ пришедъ высѣкъ его розгами, которыхъ бы онъ въ другомъ случаѣ никогда не вытерпѣлъ. Нѣсколько лѣтъ спустя по выздоровленіи ево отъ болѣзни, король призвавъ его къ себѣ, здѣлалъ ему выговоръ, при которомъ случаѣ Донъ Карлосъ почитая себя напрасно обиженнымъ, (*) былъ тѣмъ такъ тронутъ, очемъ родитель ему говорилъ, что впалъ опять въ лихорадку. Толь грубымъ воспитаніемъ пріобыкъ принцъ видѣть опровергаемы всѣ свой мнѣнія и склонности. А какъ онъ былъ совсѣмъ противнаго нрава съ своимъ родителемъ, то не поступалъ онъ такъ, какъ королю хотѣлось. Сіе то многократно принуждало Рюи Гомеца просить короля неотступно, чтобъ отрѣшилъ онъ его отъ сей должности; опасаясь, чтобъ онъ, по обыкновенію родителей, не обвинилъ его за малое удовольствіе, которое онъ отъ сына своего имѣетъ. Но сей наперсникъ не зналъ, что таковые люди, каковъ былъ ево государь,

---

* Дикосъ и Эхосъ о Филиппѣ II.

дарь, почитая себя за весьма просвѣщенныхъ и поставляя себѣ за честь, быть твердыми въ своихъ мысляхъ, осудятъ скоряе собственныхъ своихъ дѣтей, нежели выбраннаго ими человѣка: и не такъ опасаются быть несчастными въ своей фамиліи, какъ обманутыми въ своихъ мнѣніяхъ. Рюи Гомецъ видя на то несогласіе королевское поступалъ съ Донъ Карлосомъ съ непристойною строгостію, будто для того, чтобъ тѣмъ оправдать себя въ несогласныхъ поведеніяхъ сего молодаго принца съ его родителемъ. И такъ по справедливости думалъ онъ, что долженъ всего опасаться отъ врученнаго ему принца; и по совѣту своей супруги, которая подъ видомъ старанія о безопасности своего мужа, мстила презрѣнную свою любовь, употреблялъ онъ всѣ возможныя старанія склонить герцога д' Альба ко вступленію съ нимъ въ тѣсной союзъ противъ Донъ Карлоса, объявя ему угрозу сего принца. Какое удовольствіе ни оказывала принцесса д' Еволи о семъ дѣлѣ, однако мужъ ея, которому всѣ старанія оной были подозрительны, не хотѣлъ ей открыть сей тайны. Она ему также не сказывала того, что знала о дружбѣ Донъ Карлоса съ королевою. Но Рюи Гомецъ имѣя здравое разсужденіе и размышляя самъ въ себѣ о сказыванномъ ему ею прежде, скоро отгадалъ и прочее... Какое мнѣніе ни покушался онъ имѣть о сей дружбѣ

дружбѣ, но не находилъ никакой причины къ оной, кромѣ любьви. Множество случаевъ, о которыхъ онъ во время ихъ произшествія и не помышлялъ, приходили ему тогда на мысль. Онъ вздумалъ, что примѣтилъ онъ нѣкогда, что когда разговаривали о королевѣ въ присутствіи Донъ Карлоса, то сей принцъ часто взглядывалъ на тѣхъ, кои о ней говорили, будто какъ бы онъ опасался, что не примѣчаютъ ли они въ то время его движеній, и что не для искушенія ли его о томъ говорятъ; въ другихъ же случаяхъ, гдѣ казалось, что вся компанія старалась другъ предъ другомъ выхвалять королеву, Донъ Карлосъ втомъ другимъ не соотвѣтствовалъ, а когда надобно было о ней говорить, то все будто опасался, чтобъ не сказать чего излишняго. Наконецъ непріобыкшіе его уста скрывать мнѣнія своего сердца, утверждали его въ томъ ему за подлинно еще неизвѣстномъ дѣлѣ. Рюи Гомецъ разсуждалъ далѣе, что хотя принцъ не имѣлъ никогда почтенія къ женщинамъ, однако показывалъ себя предъ королевою съ такимъ смиреніемъ и почтеніемъ, что тѣ, кои нравъ ево знали, тому весьма удивлялись. Напослѣдокъ не трудно было ему заключить, чтобъ прелестная красота сей принцессы, отъ которой нечувствительнѣйшіе отвращали глаза свои, и отъ заразъ которой и мудрые старики при дворѣ

едва

едва себя сохранять могли, не учинила какого дѣйствія въ сердцѣ сего молодаго принца имѣвшаго съ нею всегда свободное обхожденіе. Рюи Гомецъ утвердился еще болѣе въ семъ мнѣніи, сообща оное герцогу д' Альбѣ, отъ котораго онъ ничего не скрывалъ. Обыкновенно случается, что по полученіи нѣкоего знанія о какомъ нибудь тайномъ дѣлѣ, возбуждается любопытствомъ желаніе, чтобъ узнать и все прочее. И такъ съ того времени начали они подозрѣвать соотвѣтствіе сердца королевы къ Донъ Карлосу. Сей случай подкрѣплялъ тѣмъ болѣе ихъ вражду. Они радовались нѣсколько времени имѣя въ рукахъ безопасное средство къ отмщенію сему принцу, объявленіемъ ево любьви родителю. Но пришедъ въ размышленіе о ревнивомъ нравѣ короля, и о природныхъ его страстяхъ, и разсуждая въ какомъ гнѣвѣ онъ тогда будетъ, пришли они въ ужасъ. Сколь ни страшенъ былъ для нихъ Донъ Карлосъ, но они тогда еще на жизнь его никакого умысла не имѣли, и отомъ никогда имъ и на мысль не приходило; но никто не здѣлается вдругъ злодѣемъ. Не всякъ склоненъ къ исполненію великаго злодѣянія съ перваго случая, когда ему оное на мысль придетъ. Къ злодѣянію приступаютъ по степенямъ, такъ какъ и къ добродѣтели.

Сіи

Сіи два министра опасались всево болѣе, чтобъ королева не обнесла ихъ супругу своему о беарнскомъ дѣлѣ, такъ что онъ имъ послѣ и въ правдѣ не повѣритъ. Они разсуждали, что король желая нетерпѣливо знать, какимъ образомъ открылось сіе предпріятіе, приметъ первое предложенное ему о томъ мнѣніе. Сей государь видя толь худой успѣхъ въ ономъ не такъ уже милостиво взиралъ на герцога д' Альбу, какъ прежде и думалъ можетъ быть въ сердцѣ своемъ совсѣмъ оное отмѣнить, дабы сохранить себя отъ поношенія за такой умыслъ. Для отвращенія сего надлежало открыть ему истинну. Но какъ главное ихъ намѣреніе состояло втомъ, чтобъ показать королю, что не герцогъ д' Альба былъ причиною уничтоженія сего предпріятія, то сей герцогъ не хотѣлъ ему самъ отомъ говорить. Рюи Гомецъ не менѣе былъ подозрителенъ въ семъ дѣлѣ, и имѣлъ въ ономъ почти столькожъ участія, сколько и герцогъ. И такъ надлежало сыскать другаго, которой бы могъ оказать имъ сію услугу, и не нашедъ къ тому способнаго, кромѣ штатскаго секретаря Антонія Переца вознамѣрились они пригласить къ себѣ онаго; но сомнѣвались, что сей человѣкъ не имѣя никакой причины вредить принцу и королевѣ долго на то не склонится. Между тѣмъ Рюи Гомецъ полагался весьма на ево искуство, и сіе предпріятіе

было

было для нихъ гораздо лехче, нежели какъ они думали. Перецъ былъ влюбленъ въ принцессу д' Еволи, и не могъ получить желаемаго втомъ успѣха. Онъ спросилъ у нихъ имѣетъ ли она въ семъ дѣлѣ участїе, но услыша, что она не знаетъ о сей тайности, согласился онъ на все. Сей искусной любовникъ зналъ довольно любопытство принцессы. Онъ не сомнѣвался, чтобъ не была она въ отчаянїи, что скрываютъ отъ нее дѣло сей важности, и чтобъ не предприняла она всего въ благодарность тому, которой ей оное откроетъ. Рюи Гомецъ пересказалъ тотчасъ герцогу д' Альбѣ о своей негоцїацїи, будучи увѣренъ о дѣйствительномъ втомъ дѣлѣ успѣхѣ, и радовался о ономъ, не зная того, что оно любовнику ево супруги будетъ надежнымъ средствомъ къ полученїю ея любьви. Перецъ такъ угодилъ открытїемъ оной тайности сей прекрасной, что наградила она его за оную такъ дорого, какъ ему хотѣлось.

Между тѣмъ королева, будучи беремѣнна, по возвращенїи своемъ изъ Баїоны родила Инфантину Екатерину Михеллу вторую дочь, которая была потомъ Савойскою герцогинею. Министры зная власть, какую королева посредствомъ красоты своей надъ сердцемъ супруга своего имѣла, вознамѣрились употре-

Щ бить

Декабря 25 дня

бить въ пользу время сихъ родинъ къ оправданію герцога д' Альбы, дабы король могъ выслушать то, что они ему открыть хотѣли, прежде нежели увидитъ онъ на единѣ королеву. Чинъ, которой имѣлъ Перецъ при иностранныхъ дѣлахъ, подавалъ ему случай говорить часто тайно съ симъ государемъ. На другой день довелъ онъ рѣчь до беарнскаго умышленія тѣмъ, что увѣдомленось, что Французская королева оказываетъ отомъ великое неудовольствіе, и что она онаго не оставитъ безъ отмщенія, пригласивъ къ себѣ бунтовщиковъ въ Фландріи бывшихъ тогда въ наибольшемъ огорченіи. Тогда признался онъ королю, что онъ давно уже покушался ему открыть, сколько ему извѣстно, о худомъ успѣхѣ сего предпріятія, и сколько ни старался онъ то скрывать, однако разсмотря съ прилѣжаніемъ, почиталъ онъ молчаніе свое за злодѣяніе. Потомъ разсказалъ онъ королю подробно, что герцогъ д' Альба свѣдалъ въ байонѣ, какимъ образомъ оное открылось. Онъ упомянулъ о тѣхъ рѣчахъ, кои Донъ Карлосъ говорилъ про сіе дѣло въ присутствіи Донъ Жуана и принцессы д' Еволи про тѣхъ, кои въ ономъ участіе имѣютъ: и окончавъ свою рѣчь просилъ онъ короля о прощеніи; что онъ толь долгое время не донесъ ему о такомъ дѣлѣ, котораго не могъ никто объявить, не обидя нѣкоторымъ обра-

зомъ

зомъ тѣхъ двухъ особъ, кои по немъ всево свѣтѣ ево подданнымъ.

Сіи слова привели короля въ крайнее изумленіе. Хотя онъ еще ни въ чемъ не подозрѣвалъ королеву, но любовь ево представляла ему страннымъ согласіе мыслей, происходившихъ о семъ дѣлѣ между ею и Донъ Карлосомъ. Объятая ево душа перьвымъ симъ движеніемъ ревности взирала съ равнодушіемъ на умышленіе учиненное министрами противъ его власти, и оставя попеченія, кои о сохраненіи оной въ другихъ случаяхъ были ему свойственны, вдался въ подозрительныя о супругѣ своей размышленія. Тогда представилось ему прилѣжное обхожденіе Донъ Карлоса съ его мачихою и что они давно были помолвлены; но скоро пришелъ самъ въ себя, и разсмотря добродѣтель и непоколебимость королевы, оставилъ онъ совсѣмъ таковыя слабыя подозрѣнія. Она оказывала многіе опыты любьви къ своему отечеству. За нѣсколько дней предъ тѣмъ рѣшилась ссора въ Римѣ о первенствѣ въ чинахъ между сими государями въ пользу Франціи, при которомъ случаѣ не могла она скрыть о томъ своей радости такъ, чтобъ оной въ ней примѣтить было не можно. Штатсъ дама ея представляла ей, чтобъ имѣла она болѣе участія въ печали чувствуемой при семъ случаѣ

 ея

ея супругомъ; но королева ей на то отвѣтствовала, что какъ не находитъ она ничего страннаго въ печали королевской, такъ не долженъ и онъ дивиться ея радости, и что до нее касается, чтобъ она желала, чтобъ весь свѣтъ зналъ, (*) что домъ, изъ котораго она произошла, ей пріятнѣе того, въ которой она вступила. Король размышляя о сей рѣчи, перестал сомнѣватся, чтобъ то, что учинила она, противъ предпріятія беарнскаго, не происходило изъ той же любьви къ своимъ родителямъ, и почиталъ то омерзѣніе, которое Донъ Карлосъ оказывалъ въ угожденіе королевѣ къ сему умышленію, великодушіемъ молодаго человѣка. Сколь ни старался король показыватъ себя спокойнымъ, однако вознамѣрился впредь разсмотрѣтъ подробнѣе ихъ обхожденіе: думая что съ симъ намѣреніемъ не совокуплено никакой ревности, кромѣ той, которую долженъ онъ имѣть по своей власти. Онъ здѣлалъ великую перемѣну въ важнѣйшихъ придворныхъ чинахъ, дабы быть принцессѣ д' Еволи перьвою при дворѣ королевиномъ, несмотря на то, что ея согласія на то не было. Онъ думалъ, что сія женщина имѣвши свободное обхожденіе съ Донъ Карлосомъ въ то время, какъ мужъ ея былъ гофмейстеромъ при семъ принцѣ, спссобнѣе всѣхъ протчихъ къ изслѣдованію ево тайностей. Сіе мнѣніе соединенное съ тѣмъ, что обьявила она о угро-

захъ

(*) Перонѣ де Костъ, въ похвалѣ сей королевы.

захъ чинимыхъ имъ въ ея присутствіи поспѣшествовало столькожъ, сколько и королевская милость къ Рюи Гомецу къ избранію ея въ сіе достоинство. Донъ Карлосъ почиталъ себя всегда ею любимымъ въ разсужденіи того, что между ими прежде происходило, и для того не опасался ни мало сей новости, но королева вѣдая, что мужъ ея имѣлъ много друзей во Франціи, и потому зналъ ею приономъ дворѣ учиненное, остерегалась отъ всѣхъ сихъ хитростей. Она тотчасъ узнала тому причину, а какъ Донъ Карлосъ хотѣлъ ея вывести изъ сего мнѣнія о принцессѣ д' Еволи, то королева принуждала его сказать, отъ куда происходитъ та великая повѣренность, которую онъ къ сей женщинѣ имѣетъ; но онъ не могъ ее въ томъ удовольствовать. Онъ узналъ скоро свою ошибку, увидя, съ какимъ прилѣжаніемъ примѣчаетъ всѣ ихъ поступки принцесса д' Еволи. И какъ не смѣлъ онъ показывать чувствуемаго имъ отъ ея присутствія безпокойствія, то радовалась она съ великимъ удовольствіемъ печали сего принца. Она оказывала ему дружбу больше прежняго. Она приходила къ королевѣ всегда въ то время, когда принцъ у нее былъ, показывая, что онъ ее туда влечетъ; но хотя бдѣніе сей женщины было весьма велико, однако королева и Донъ Карлосъ нашли скоро послѣ того случай переговорить на едине. Король упражняясь въ строеніи Ескуріала столько, сколько во-

образить себѣ можно, употребляя на оное ужасное иждивеніе, позвалъ королеву посмотрѣть начала сего великолѣпнаго строенія, которое онъ велѣлъ здѣлать въ вѣчную память побѣды при С. Квинтинѣ. Все то, что возобновляло въ сердцѣ сей принцессы память той баталіи, которая была началомъ несчастія ея жизни, нравилось ей мало, но невзирая на сіе смотрѣла она на чинимыя пріуготовленія къ безсмертной памяти сего несчастнаго дня, съ такимъ веселіемъ, и спокойствіемъ, какого король могъ отъ нея требовать, и какое онъ самъ имѣлъ. Въ семъ то мѣстѣ принцесса д'Еволи оставила однихъ королеву и принца съ королемъ, а король оставилъ ихъ также, для нѣкотораго приказанія архитекторамъ. Донъ Карлосъ не могши болѣе быть въ таковомъ принужденіи, употребилъ сіе время въ пользу, и просилъ королеву дать ему нѣкоторое безопасное средство говорить съ нею на единѣ, естьли нужда потребуетъ для общихъ ихъ интересовъ. Онъ просилъ ее съ такимъ смиреніемъ, что она тотчасъ на то согласилась, видя отчаяніе сего несчастнаго принца. И такъ начали они вмѣстѣ искать способовъ къ оному; но они казались всѣ королевѣ такъ опасны, что вознамѣрилась она не употреблять болѣе оныхъ, какими бы легкими Донъ Карлосъ ихъ ни представлялъ. Дѣла были въ

семъ

семѣ состоянїи, какѣ прибыли ко двору маркизѣ бергѣ, и баронѣ Монтиньи, депутаты изѣ Фландрїи. Комисїя ихѣ была весьма опасна и они полагали наибольшую надежду на слухѣ о великодушїи принца, и о природной милости королевы. Сего было довольно быть несчастливыми, чтобѣ получить защищенїе отѣ сей принцессы, и имѣть средство, чтобѣ прїобрѣсть склонность Донѣ Карлоса. Депутаты представляли имѣ печальное состоянїе Фландрїйскаго дворянства, а потомѣ тѣ худыя услуги, кои кардиналѣ Гранвель, первой министрѣ правительницы, оказалѣ имѣ у короля. Они увеличивали свою вѣрность, и невинность вѣ прошедшихѣ смятенїяхѣ, просили особливо принца о неоставленїи толь храбрыхѣ слугѣ скончавшагося цесаря, и о отвращенїи жестокихѣ и безумныхѣ совѣтовѣ, кои зависть кѣ ихѣ добродѣтели и славѣ влїяли вѣ герцога д' Альбу, обнадеживая, что слухѣ о его храбрости есть единое утѣшенїе вѣ ихѣ несчастїи. Донѣ Карлосѣ, котораго природная склонность кѣ военнымѣ дѣламѣ удерживалась по сїе время любовною страстїю возымѣлѣ крайней стыдѣ при сей рѣчи, что не учинилѣ еще ничего для своей славы. Онѣ поощренѣ былѣ еще болѣе письмами графа Егмонта, поданными ему тѣми депутатами. Графѣ напоминалѣ вѣ оныхѣ принцу о содержанїи даннаго ему прежде обѣ-

 щанїя,

щанія, чтобъ пріѣхать въ Фландрію, какъ скоро война тамъ начнется. Онъ представлялъ дѣла сихъ провинцій въ такомъ благополучномъ для Донъ Карлоса состояніи, что принцъ воспріялъ охоту принять правленіе. Онъ уповалъ притти скоро въ состояніе къ предпринятію всего того, что храбрость и честолюбіе ево ему предпишутъ по усмиреніи бунтовъ своимъ присутствіемъ. Лишъ только принялъ онъ сіе намѣреніе, то видъ королевы представился воображенію ево такимъ прекраснымъ и чувствительнымъ, какого онъ еще никогда въ ней не видывалъ, и заставлялъ его сомнѣваться, будетъ ли онъ имѣть довольно силъ ее оставить. Но принявъ въ разсужденіе состояніе своихъ дѣлъ, нашелъ, что всѣ обстоятельства утверждаютъ его въ перьвомъ намѣреніи. Въ началѣ ихъ дружбы крайняя младость сей принцессы не дозволяла скрывать отъ Донъ Карлоса почтенія и склонности, которыя она къ нему имѣла; но какъ время научило, то узнала она, что оказываемые ею ему знаки дружества, каковы невинны они ни были, умножали только ея любовь. Она представляла ему при всѣхъ случаяхъ слѣдствія сей страсти и несчастіе, которому она ихъ обѣихъ подвергнетъ. Какъ жестоко онъ ею зараженъ ни былъ, однако признался, что говорила она правду, и онъ не смѣлъ тому противорѣчить, что она обходилась съ нимъ часъ

от-

отчасу осторожнѣе. Вѣ толь жестокомѣ колебанiи разума думалѣ онѣ преодолѣть себя великодушно, чтобѣ освободить сiю принцессу отѣ несчастной страсти, которая причиняла ей толь справедливое безпокойствiе, и котораго не могѣ онѣ инако отвратить, какѣ долговременнымѣ отсутствiемѣ и великими упражненiями. Онѣ предпринялѣ было кѣ тому мѣры; но скоро перемѣнилѣ свое мнѣнiе присутствiемѣ королевы, и разсуждая о удовольствiи наслаждаться ея зрѣнiемѣ, почувствовалѣ, что онѣ никогда не вознамѣриться ее оставить. Вѣ семѣ размышленiи объявилѣ онѣ ей о произшедшемѣ между имѣ и депутатами, и о принятомѣ его намѣренiй. Онѣ просилѣ у нее много разѣ прощенiя о томѣ, что имѣлѣ онѣ вѣ мысли нѣсколько минутѣ, что можетѣ жить отѣ нее вѣ отдаленiи. Но королева, которая старалась только о излѣченiи ево страсти, принуждала его противѣ своего желанiя, продолжать намѣренiе сей экспедицiи вѣ Фландрiю. И дабы его на то склонить, представляла она ему, что сiе путешествiе прекратитѣ то неудовольствiе, которое король имѣетѣ о ихѣ дружбѣ, и что потомѣ будучи менѣе примѣчаемы, по возвращенiи его отѣ туда со славою, которую онѣ безѣ сомнѣнiя получитѣ, можно имѣ будетѣ обходиться безѣ всякой опасности. Донѣ Карлосѣ будучи побужденѣ сими причинами, а болѣе слѣпымѣ почтенiемѣ кѣ королевѣ,

 скло-

склонился охотно на прозьбу Нидерландскаго дворянства, къ крайнему неудовольствію инквизиторовъ, кои почитали почти все оное ересью и не забыли еще дѣла духовной Карла V. Принцъ приказалъ доложить королю, что естьли поручитъ онъ ему правленіе надъ сими провинціями, то обязуется онъ ихъ усмирить. Невозможно изъяснить, въ какое безпокойствіе приведены были рюи Гомецъ и герцогъ д' Альба симъ намѣреніемъ. Власть, которую чинъ сей важности подавалъ наслѣднику престола, казался имъ очевидною ихъ погибѣлью. Они разсуждали, что по возвращеніи его изъ сей экспедиціи, въ которой ему конечно удастся, будетъ сей принцъ первымъ министромъ у своего родителя, и потому должно будетъ имъ отъ него зависѣть. Герцогъ д' Альба имѣя такое же требованіе, какое и Донъ Карлосъ, принудилъ рюи Гомеца, которой былъ къ королю доступнѣе, представить ему, сколь превознесетъ сей случай сына ево выше родителя у Нидерландцовъ; а сей употребилъ къ тому Переца, которой не оказывая ни мало своего пристрастія, представилъ королю опасность отъ того тѣснаго союза, которой Донъ Карлосъ конечно учинитъ съ Франціею посредствомъ королевы, естьли усмиритъ онъ смятеніе въ Нидерландахъ. Сіи представленія произвели такое дѣйствіе, которое могли они учинить

нить

нить въ сердцѣ государя съ природы ревностнаго о своей власти, и опасающагося честолюбія своего сына. Король вознамѣрился отказать учтивымъ образомъ Донъ Карлосу, такъ чтобъ не принялъ онъ сего отказу за обиду. Онъ ему приказалъ сказать, что онъ на прошеніе его согласуется, и радуется, что онъ согласенъ съ его мнѣніемъ: но что онъ хочетъ ѣхать самъ, для возстановленія покоя въ Фландріи, и что отправится въ скоромъ времени вмѣстѣ съ нимъ для его намѣренія: что ему будетъ безчестно быть въ безопасности въ Гишпаніи, подвергнувъ единаго своего сына всѣмъ случаямъ таковаго страшнаго бунта и что онъ хочетъ съ нимъ имѣть равное участіе въ опасности, а послѣ оставить ему всю славу.

Слухъ о семъ путешествіи распространился скоро чинимыми къ тому пріуготовленіями, дабы обмануть Донъ Карлоса; но никто оному не вѣрилъ. Между тѣмъ, какъ ни тщетенъ казался сей слухъ, однако причинилъ ужасъ въ колеблющемся еще умѣ бунтовщиковъ. Король для лутчаго увѣренія употребилъ такое великое иждивеніе на экипажи, что сами депутаты бергъ и Монтиньи, кои тому посіе время смѣялись, не могли болѣе о томъ сомнѣваться. Королева и Донъ Карлосъ обманывались втомъ нѣсколько времени подобно протчимъ, но скоро вышли изъ сомнѣнія. По исправленіи

всего

всего экипажа король, видя что хитрость ево откроется, естьли онъ не поѣдетъ, то не нашелъ инаго средства къ оправданію своей мѣдленности, какъ притвориться больнымъ. Сіе притворство имѣло желаемое дѣйствіе въ отдаленныхъ земляхъ; но какъ ни старался онъ показывать себя больнымъ при дворѣ, и какое принужденіе ни налагалъ на себя сей несчастный государь, чтобъ подтвердить то намѣреніе, которое онъ разгласилъ, однако не могъ обмануть супругу свою и сына.

При таковыхъ обстоятельствахъ было нѣкогда у королевы много людей, и разсуждали долго о путешествіи королевскомъ въ Фландрію, по выходѣ которыхъ Донъ Карлосъ, Донъ Жуанъ и принцеса д' Еволи оставшись одни съ нею разсуждали, какъ придворные люди часто мучатся, чтобъ спознать, причины и дѣйствіе того, чему не бывать. Смѣясь тѣмъ, кои говорили о путешествіи, Донъ Карлосъ началъ нечувствительно смѣяться тому же путешествію, и принужденію, которое чинилъ король, чтобъ притвориться больнымъ. Онъ говорилъ, что Карлъ V. довольно ѣжжалъ для него и для короля своего сына, и что король отдыхаетъ теперь для нево и для своего родителя. Королева не слыхала сихъ рѣчей, потому что принуждена была говорить особливо съ нѣкоторыми особами, кои до нее дѣло имѣли.

Между

Между тѣмъ Донъ Жуанъ и принцесса д' Еволи разговаривали другъ съ другомъ весьма тихо. Донъ Карлосъ сталъ дѣлать малинькую книжку изъ бѣлой бумаги, которую нашелъ онъ въ ящикѣ. Въ оной написалъ онъ своею рукою сїи слова большими литерами на первомъ листѣ; (*) *Великїя и удивительныя путешествїя короля Дона Филиппа.* Потомъ написалъ на каждой страницѣ въ оной: *путешествїе изъ Мадрита въ Ескурїалъ, путешествїе изъ Ескурїала въ Толеду, изъ Толеды въ Мадритъ, изъ Мадрита въ Аранжуецъ, изъ Аранжуеца въ Пардо изъ Пардо въ Ескурїалъ*: и такимъ образомъ наполнилъ онъ всю книгу королевскими путешествїями въ увеселительные домы, и въ лутчїе Гишпанскїе города. Королева не могла удержаться отъ смѣху о сей выдумкѣ принца, какова она опасна ни казалась: но какъ читала она сїю бумажку, то пришли ей сказать, что король впалъ въ обморокъ и что онъ весьма боленъ. При семъ извѣстїи имѣла она только время отдать сїю книгу Донъ Карлосу. Сей принцъ, которому хотѣлось по скоряе слѣдовать за нею, бросилъ ее въ малинькой кабинетъ, которой онъ послѣ себя заперъ. Онъ не зналъ, что принцесса д' Еволи имѣла ложные ключи отъ всего того, что запиралось у королевы. Какъ скоро онъ вышелъ

(*) Братомъ ● Филиппъ II

шелъ, такъ скоро вынула она сіе письмо. Увидѣвъ сіе, радость ее была чрезвычайна, имѣя въ рукахъ своихъ средство обнести его королю. Первое ея попеченіе было, какъ бы ей спрятать сіе письмо, чтобъ не узнали, что она оное имѣетъ. Она не сомнѣвалась, чтобъ королева не знала важности онаго, и чтобъ не стала она искать онаго, какъ скоро возвратится. Въ разсужденіи чего, не теряя времени, велѣла она здѣлать малинькую книжку совсѣмъ похожую на Донъ Карлосову, и которая въ себѣ тожъ содержала. Она велѣла подписаться подъ руку сего принца и положила сію ложную книжку вмѣсто истинной, а подлинникъ отдала своему мужу. Королева нашедъ по возвращеніи своемъ ложное сіе письмо, по словамъ Донъ Карлоса, въ ономъ ящикѣ, спѣшила оное сжечь и бросила въ огонь почти не читавъ онаго, и не имѣя нималаго подозрѣнія о такой хитрости.

Продолженіе впредь.

ИЗВѢСТІЕ.

Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса у переплетчика Гексбре продается комедія Оракулъ цѣною по 10. копѣекъ.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ

послѣднихъ шести мѣсяцовъ 1759. года.

		стр.
I.	Храмъ добродѣтели	1
II.	басня Сатиръ и крестьянинъ	14
III.	размышленіе о прибыткахъ получаемыхъ нами отъ нашихъ непріятелей	15
IV.	разговоръ Алекс. В. съ Діогеномъ.	31
VI.	Продолженіе онаго разговора	47
VII.	О неудовольствіи	51
VIII.	Елегія	61
IX.	Стихи на преславную побѣду полученную Россійскимъ войскомъ надъ Прусскимъ въ Силезіи	63
X.	Хуже ли свѣтъ сталъ прежняго	64
XI.	Притворство супруговъ	70
XII	Епистола	76
XIII.	Щастіе не отъ насъ зависитъ	79
XIV.	О честолюбіи	85
XV	О новоизобрѣтенныхъ мѣхахъ	95
XVI	Епистола	108
XVII.	О порицаніи	111
XVIII.	Епистола	121
XIX.	Епиграммы	124
XX.	Письмо	127
XXI.	о славѣ	135
XXII	разговоры боговъ	143
XXIII.	Александръ раскаявшійся	161
XXIV.	Продолженіе онаго	177
XXV	баснь Дріопы	184
XXVI.	Епистола	189
XXVII.	О худыхъ слѣдствіяхъ злой и о прибыт-	

стр.

	прибыткахъ доброй совѣсти	193
XXVIII	Продолженіе того	209
XXIX.	Епистола	212
XXX.	Человѣкъ есть намѣреніемъ и способомъ	221
XXXI.	О вкусѣ	225
XXXII.	размышленіе женщины о воспитаніи дочерей	233
XXXIII.	Епистола	239
XXXIV.	разсужденіе о добромъ употребленіи страстей	241
XXXV.	О ненависти и враждѣ	251
XXXVI.	О благодѣяніяхъ	255
XXXVII.	О неблагодарности	262
XXXVIII.	О привидѣніяхъ	268
XXXIX.	О примиреніи	271
XL	Письмо	278
XLI	О великодушіи, кое два непріятеля другъ другу оказали	284
XLII	Письмо	287
XLIII	Великодушіе въ любьви	293
XLIV	Письмо	299
XLV.	О избраніи сообщества	303
XLVI.	О пользѣ добраго сообщества	308
XLVII.	О противныхъ доброму сообществу нравахъ	311
XLVIII.	О человѣческой жизни	319
XLIX.	Запрещенное охотнѣе исполняютъ	326
L.	О Фарфорѣ	335
LI.	О жестокосердіи	341
LII.	рѣчь Османа I.	344
LIII.	Исторія о Донъ Карлосѣ	351

"Праздное время в пользу употребленное"
Первый в России
еженедельный частный
журнал.
Выходил полтора
года. Тираж от
400 до 600 экз.
Редкость!

S. 445.

-10